

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКИЙ.

1897.

№ 11.

ІЮНЬ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:	Стр.
Слово въ день торжественнаго Вѣнчанія и священнаго Муропомазанія Благочестивѣйшаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II АЛЕКСАНДРОВИЧА—14 Мая 1897 года. Ректора Семинарія <i>Прот. Іоанна Знаменскаго</i>	633—639
Зло, его сущность и происхожденіе (продолженіе). Профессора богословія, <i>Прот. Т. Буткевича</i>	640—672
Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству (продолженіе). <i>А. Вертеловскаго</i>	673—700
II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКИЙ:	
Огюсть Контъ, какъ человекъ и моралистъ (продолженіе). <i>Н. Васильнова</i>	441—497
Идея Бога и безсмертіе души предъ судомъ новѣйшихъ критиковъ. Каро, члена Парижской Академіи наукъ (продолженіе). * * *	458—476
III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:	
Содержаніе. Высочайшій манифестъ.—Высочайшія награды.—Отчетъ эмеритальной кассы духовенства Харьковской епархіи за 1896 годъ.—Списокъ воспитавницъ Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища за 1896/97 г.—Краткій отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища за 1896/97 уч. годъ.—Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища.—Программа преподаванія въ приготовительномъ классѣ Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго училища.—Вѣдомость № 4-й о церковно-приходскихъ школахъ Харьковской епархіи за 1895/96 учебный годъ (въ особомъ приложеніи).—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.	

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 17.

1897.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный. Въ который входятъ все, относящееся до богословія въ общирномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ чловѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнять для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложения, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяць, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскія Губернскія Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія лпіи, контора В. Гиляровскаго, Столѣшниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 7 р. за каждый годъ; по 8 р. за 1890 годъ, по 9 р. за 1891 г. и по 10 р. за 1892 годъ.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 60 р. съ пересылкою.

Кромѣ того въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Живое Слово“. Сочиненіе пресвященнаго Амвросія. Цѣна 50 к. съ перес.
2. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Brentano. Съ французскаго перевелъ Яковъ Повицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.
3. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“. Сочиненіе А. Рождественна. Цѣна 60 к. съ пересылкою.
4. «Харьковскія Епархіальныя Вѣдомости» за 1883 г. Цѣна за экземпляръ съ пересылкою 3 р.

Πίστει νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣаемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 15 Юня 1897 года.

Временно-исправл. должность цензора

Протоіерей *Павелъ Солтцевъ.*

С Л О В О

въ день торжественнаго Вѣнчанія и священнаго Мүропомазанія Благочестивѣйшаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II АЛЕКСАНДРОВИЧА—14 Мая 1897 года.

Молю прежде всѣхъ творити молитвы, моленія, прошенія, благодаренія за вся чловѣки: за Царя и за всѣхъ, иже во власти суть (1 Тим. II, 1—2).

Третій годъ идетъ съ тѣхъ поръ, какъ Господь, владѣющій царствами земными, вручилъ жребій правленія Православнымъ отечествомъ нашимъ Благочестивѣйшему Государю Нашему Императору Николаю II Александровичу. Во второй разъ Православная Церковь и Православная Россія, охраняемая Его державною рукою и возрастающія въ своихъ силахъ подъ Его отеческимъ управленіемъ и покровительствомъ, возносятъ ко Господу Богу молитвы о Царѣ Своемъ въ этотъ благознаменитый день Его торжественнаго Вѣнчанія и священнаго Мүропомазанія. Вѣруемъ, что Господь по благости своей даруетъ намъ и еще много лѣтъ благоденствовать подъ скипетромъ Благочестивѣйшаго Государя Нашего, Николая Александровича. Чѣмъ-же приличнѣе начать настоящее слово, какъ не приглашеніемъ къ новой молитвѣ за Царя, по заповѣди Апостола Павла, обращенной имъ къ своему ученику, Епископу Тимоѳею: *чадо Тимоѳее, молю прежде всѣхъ творити молитвы, моленія, прошенія, благодаренія за вся чловѣки: за Царя и за всѣхъ, иже во власти суть (1 Тим. II, 1—2)?*

Какъ видите, благочестивые слушатели, Апостоль признаеть обязанность нашу возносить молитвы за Царя настолько важною, что призываетъ насъ къ исполненію ея прежде всего дру-

гаго и исчисляеть различные виды молитвы, чтобы внушить христіанамъ, что они обязываются къ исполненію этого долга во всякомъ случаѣ и при всякихъ обстоятельствахъ. Чѣмъ-же вызывается необходимость такой постоянной молитвы за Царя? Почему христіане всегда и при всякихъ обстоятельствахъ должны возносить къ Богу *молитвы, моленія, прошенія, благодаренія за Царя?* Вникнемъ въ значеніе царской власти для благоденствія каждаго изъ насъ, какъ члена государства, и обратимъ вниманіе на многосложность, разнообразіе и тяжесть обязанностей, налагаемыхъ на Государя Его служебіемъ, и тогда намъ будетъ понятно, что постоянная молитва за Царя дѣйствительно должна составлять вашу непремѣнную обязанность.

Въ каждомъ отдѣльно взятомъ семействѣ забота о благосостояніи его лежитъ на обязанности его главы, и потому чѣмъ больше семейство, тѣмъ болѣе заботы и труда даетъ оно своему главѣ. Представимъ же теперь милліоны отдѣльныхъ семействъ, какъ одну нераздѣльную семью, называемую государствомъ, вообразимъ въ умѣ своемъ десятки и сотни милліоновъ человѣческихъ жизней—членовъ этого государства, требующихъ для себя мира, благоденствія и преуспѣянія во всѣхъ отношеніяхъ, и предъ нашими мысленными взорами предстанетъ тогда вся тяжесть вѣнца Царскаго! На Государѣ Православномъ прежде всего лежитъ священная обязанность заботиться о благосостояніи Православной Церкви Христовой, поддерживать ея права, охранять ея значеніе и власть въ государствѣ въ дѣлахъ вѣры и нравственности, содѣйствовать ея внѣшнему преуспѣянію. Но такъ какъ въ составъ государства русскаго, кромѣ православныхъ русскихъ членовъ, входитъ много другихъ народностей, исповѣдующихъ другія религіи,—или христіанскія другія исповѣданій, или даже и не христіанскія,—то на Государѣ лежитъ обязанность, содѣйствуя просвѣщенію ихъ свѣтомъ Евангельскаго ученія, принимать мѣры, чтобы это просвѣщеніе невѣрующихъ совершалось безъ принужденія и насилія, а по доброму расположенію ихъ души, т. е., лежитъ обязанность обезпечить вѣротерпимость въ государствѣ и свободу для каждаго члена государства исповѣдывать свою религію, при условіи отношенія съ должнымъ уваженіемъ къ Православной Церкви.

На Государѣ русскомъ, какъ главѣ государства, лежитъ обязанность пеѣщись о внѣшнемъ благоденствіи своихъ подданныхъ. Всякая народность, которыхъ въ составъ нашего отечества входятъ цѣлыя десятки, требуетъ для себя благоденствія, которое понимается ею сообразно съ своими національными особенностями и которое нужно дать ей, не нарушая благополучія и правъ какъ господствующей, такъ и другихъ народностей, входящихъ въ составъ государства. Всякая семья, какъ меньшая единица каждой народности, также требуетъ для себя благоденствія, котораго она естественно ожидаетъ не отъ своихъ только усилій и трудовъ, но главнымъ образомъ отъ Верховной Власти, такъ какъ благоденствіе семьи несомнѣнно обуславливается общимъ строемъ государства и его законами. Каждый отдѣльный членъ семьи точно также весьма часто объясняетъ постигающія его страданія и несчастія существующими въ государствѣ порядками и законами.—Всѣмъ этимъ многочисленнымъ народамъ и областямъ и милліонамъ подданныхъ нужно дать правителей, которые имѣютъ значеніе не сами по себѣ, а именно какъ слуги Царя, и ошибки и злоупотребленія которыхъ въ управленіи ввѣренною имъ областію всегда относятся поэтому къ власти, ихъ поставившей.—Нужно дать странѣ учрежденія и поставить дѣятелей, которые творили бы судъ и правду и заботились бы объ огражденіи правъ личныхъ и имущественныхъ каждаго члена государства, защищали бы установленный закономъ строй государственной жизни отъ посягательства на него со стороны лицъ неблагонамѣренныхъ.—Одну изъ важнѣйшихъ обязанностей Государя составляетъ забота о развитіи наукъ и искусствъ въ государствѣ, объ образованіи и воспитаніи подданныхъ для всякаго рода ихъ дѣятельности, забота тѣмъ болѣе тяжелая и сложная, что при этомъ нужно постоянно имѣть въ виду насажденіе истиннаго просвѣщенія, которое содѣйствовало бы правильному развитію и направленію душевныхъ силъ молодого поколѣнія, смягченію нравовъ, водворенію между людьми любви и братства, служащихъ основаніемъ благоденствія государствъ и народовъ.—Необходимо Государю имѣть попеченіе о развитіи торговли, промышленности, земледѣлія и вообще о всемъ, что способствуетъ устроенію земного благополучія

и довольства.—Такъ какъ среди многомилліоннаго народа найдется не мало больныхъ, неспособныхъ къ труду, безпріютныхъ, то необходимо заботиться, о развитіи въ государствѣ общественной и частной благотворительности, устроеніи богоугодныхъ заведеній, больницъ, приютовъ и тому подобныхъ учрежденій христіанскаго милосердія и любви къ ближнему.—Вмѣстѣ съ заботою о развитіи нашего обширнѣйшаго въ мірѣ государства во всѣхъ отношеніяхъ, нужно еще имѣть въ виду и пресѣченіе злоупотребленій и устраненіе возможности нарушенія законовъ.—Но кромѣ лицъ неблагонамѣренныхъ, принадлежащихъ къ составу государства, всегда есть еще много враговъ благосостоянія государства и внѣ его, среди сосѣднихъ государствъ и народовъ, часто стремящихся или задерживать развитіе сосѣдняго государства, или обращать его силы и богатства въ свою пользу. Посему на обязанности Верховной Власти лежитъ еще великая забота объ огражденіи правъ и интересовъ своихъ подданныхъ отъ посягательства на нихъ со стороны внѣшнихъ враговъ, или иначе—о содержаніи въ состояніи благоустройства военныхъ силъ государства.—Мы перечислили, конечно, только главнѣйшія обязанности, лежація на главѣ государства,—и какъ ихъ оказалось много! И какую непосильную тяжесть должны онѣ составлять, когда ложатся на одного человѣка! Не будетъ преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что одинъ человѣкъ своими собственными силами не въ состояніи понести этого бремени.

Но почему же Наши Благочестивѣйшіе Государи, какъ уже мирно почивающіе о Господѣ, такъ и нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ, всегда съ честію и достойно своего званія несли это удручающее бремя власти? Въ комъ и въ чемъ Они находили опору и надежную помощь для несенія такихъ многочисленныхъ и тяжелыхъ трудовъ и заботъ? И Наши Государи не въ состояніи были бы устоять подъ тяжестію этого бремени, если бы они не получали помощи отъ Царя царей земныхъ—Бога и если бы они не пользовались предстательствомъ святой Церкви и молитвеннымъ содѣйствіемъ всѣхъ своихъ подданныхъ.

Для низведенія на Православныхъ Государей особой, сугубой благодати Божіей и установлено Православною Церковію празд-

нуемое нынѣ священное муропомазаніе Царя, совершаемое надъ нимъ въ начала Его царствованія. Черезъ совершеніе св. таинства муропомазанія надъ монархомъ, только что вступившимъ на прародительскій престолъ, Ему сообщается сугубая Божественная благодать, которая и служитъ постоянною спутницею и руководительницею Его въ дѣлахъ правленія. Въ ней Онъ находитъ опору для защиты всего добраго и борьбы со зломъ, которое иногда бываетъ такъ могущественно! Отъ нея Онъ получаетъ силы для несенія непосильныхъ для человѣка трудовъ. Сама благодать Божія умудряетъ Царя-Помазанника въ дѣлѣ устройства нашего благоденствія и преуспѣянія въ этой жизни; чрезъ Него же правда Божія изливается на насъ гнѣвъ свой за наши беззаконія и неправды, за нашу невѣрность какъ Царю Небесному, такъ и Царю земному. Отсюда открывается высокое значеніе какъ Царя Православнаго въ царствѣ русскомъ, такъ и священнаго муропомазанія въ жизни Государей Православныхъ. Отсюда же понятно, почему только русскій Православный Государь пользуется такимъ могуществомъ и такою прочностію власти, и почему въ другихъ государствахъ, именуемыхъ конституціонными, въ которыхъ верховные представители власти: императоры, короли и князья пользуются только именемъ власти, мало принимая участія въ управленіи государствомъ, а также и въ республикахъ такъ непрочны и такъ часто мѣняются правительства! Причина этого заключается въ томъ, что нашъ Царь опирается на помощь Божественную, на молитвы и преданность Ему народа, какъ Божию избраннику, а правители большей части другихъ странъ надѣются только на дѣйствія соправителей, часто перемѣняющихся и не всегда благонадежно избираемыхъ.

Но какъ ни обильно изливаетъ Господь благодать Свою на Помазанниковъ Своихъ, все же они, какъ люди, не могутъ быть совершенно свободны отъ немощей, болѣзней, изнуренія силъ и печалей, сопряженныхъ съ ихъ исключительнымъ положеніемъ, при которомъ всѣ общественныя несчастія, постигающія ихъ подданныхъ, поражаютъ ихъ сердце, а потому и Царь, будучи Помазанникомъ Божиимъ, нуждается въ молитвенной помощи другихъ. Если Ап. Павелъ, который могъ сказать: *вся могу о укрѣпляющемъ мя Исусъ Христѣ* (Филипп. IV,

13), просилъ христіанъ молиться о благоуспѣшности его дѣятельности (Ефес. VI, 19; Колос. IV, 3; I Сол. V, 24; Евр. XIII, 18), то несомнѣнно, что предстательство Церкви и за Царя и молитвы за Него Его подданныхъ служатъ лучшимъ средствомъ ихъ содѣйствія Царю въ Его заботахъ о нашемъ благополучіи и лучшимъ выраженіемъ благодарности нашей за всѣ труды, для насъ Имъ подъемлемые. Посему Апостоль и заповѣдуетъ Тимоѳею, а въ лицѣ его и всей Церкви Христовой, *творити молитвы, моленія, прошенія, благодаренія за Царя*. И Церковь Православная, послушная заповѣди Апостола, постоянно молится о благоденствіи своего Государя: и въ день воспоминаемаго нынѣ событія священнаго Вѣнчанія, и въ дни рожденія а тезоименитства Государя Императора, и во дни какихъ-либо особыхъ событій Его жизни и наконецъ всегда, при всякомъ Богослуженіи и неоднократно возносятся св. Церковію къ престолу Божию молитвы за Царя. Испрашивая отъ Бога въ своихъ молитвахъ мира, здравія, долгоденствія и преуспѣянія во всѣхъ дѣлахъ Государю Императору, Церковь Православная молится о Немъ не только какъ о всякомъ другомъ православномъ христіанинѣ, но въ то же время и какъ о главѣ государства, т. е., спрашиваетъ Ему отъ Бога такихъ качествъ, которыми Онъ долженъ обладать для устроенія благоденствія своего народа. И на благодарственномъ Господу Богу молебствіи о Государѣ Императорѣ, имѣющемъ сейчасъ быть совершеннымъ, мы услышимъ слѣдующія прошенія св. Церкви: *даруй Ему разумъ и премудрость, во еже судити людемъ Твоимъ въ правду: и Твое сіе достояніе въ тишинѣ и безъ печали сохранить. Покажи Его врагомъ побѣдительно, злодѣемъ страшна, добрымъ милостива и благонадежна..... сотвори Его Отца о чадѣхъ веселящагося* (молитва молебнаго пѣнія). Такимъ образомъ св. Церковь, спрашивая отъ Бога силы и крѣпости Государю Императору для успѣшнаго прохожденія Имъ своего служенія, ставитъ жизнь и благоденствіе Государя въ неразрывную связь съ жизнію подданныхъ.

Къ этимъ общественнымъ молитвамъ, совершаемымъ св. Церковію о благоденствіи Государя, и каждый изъ насъ, какъ членъ св. Церкви и вѣрный подданный Государя, долженъ постоянно присоединять и свои молитвы о Немъ. Эти наши

частныя молитвы, призывая благословеніе Божіе на Государя, какъ общаго Нашего Отца, въ то же время служатъ лучшимъ и почти единственнымъ средствомъ выраженія нашей къ Нему благодарности за Его попеченія о нашемъ благоденствіи. И въ самомъ дѣлѣ, что мы можемъ принести Ему, какъ жертву нашего благодарнаго чувства? Вѣрность нашего служенія Ему? Но она содѣйствуетъ устроенію нашего собственнаго благополучія и слѣдовательно направлена къ нашей собственной пользѣ. Матеріальныя жертвы? Но онѣ могутъ быть принесены на пользу другихъ членовъ государства, въ нихъ нуждающихся, но не самаго Государя. Остается только искренняя и усердная молитва наша къ Богу о здоровіи и благоденствіи Государя. Эта молитва послужитъ нашею жертвою Государю за всѣ Его труды и попеченія о насъ, — жертвою, которую одинаково можетъ принести благородный и знатный вельможа, и худородный рабъ; богачъ, утопающій въ роскоши, и нищій, не имѣющій дневнаго пропитанія.

Посему, благочестивые слушатели, будемъ постоянно помнить о своей обязанности со всею горячію сердца возносить всегда молитвы къ Богу о Помазанникѣ Божіемъ, Благочестивѣйшемъ Государѣ Императорѣ Николаѣ Александровичѣ. Будемъ пользоваться всякимъ случаемъ и особенно нынѣ къ исполненію этой высокой и священной обязанности, какъ вѣрные своему призванію христіане и какъ преданные и покорные своему Государю подданные. Аминь.

Ректоръ Семинаріи Протоіерей Іоаннъ Знаменскій.

ЗЛО, ЕГО СУЩНОСТЬ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ.

(Продолженіе *).

VI.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ

А. Общія возраженія противъ ученія Божественнаго Откровенія о происхожденіи зла въ мірѣ.

Ученіе Божественнаго Откровенія о господствующемъ въ мірѣ злѣ, его сущности и происхожденіи, подтверждаемое почти во всѣхъ своихъ частностяхъ древнѣйшими преданіями всѣхъ народовъ, психологически вѣрное природѣ человѣческой, имѣетъ то великое преимущество предъ всѣми философскими воззрѣніями, что оно чуждо всякихъ противорѣчій, взаимно исключаютыхъ другъ друга. Тѣмъ не менѣе и въ немъ есть много таинственнаго, что должно стать уже предметомъ чистой вѣры, а не знанія, и противъ чего кичливый человѣческій разумъ всегда можетъ выставить множество такъ называемыхъ „возраженій“.

Никогда не нужно забывать, что Господу угодно было со всею ясностью и определенностью возвѣстить намъ только о происхожденіи зла въ мірѣ *человѣческомъ* и въ соприкасающейся съ нимъ жизни природы. Но, какъ свидѣтельствуется само Слово Божіе, зло вообще существовало уже до паденія человѣка. Какъ ни блаженна была въ раю жизнь первыхъ людей, но среди нихъ, даже до паденія, могъ являться діаволь—искуситель, имѣющій державу *смерти* (Евр. 2, 14); въ раю

* См. ж. „Вѣра и Разумъ“, за 1897 г. № 10.

нашла для себя мѣсто ложь и наглая клевета на Самаго Бога; тамъ съ сатанинскою силою проявилась зависть и вражда къ невинному и нравственно-чистому человѣку.... За нарушение заповѣди Господь угрожаетъ человѣку *смертію*; но эта угроза осталась бы непонятною, если бы прародителямъ до ихъ паденія, была чужда идея смерти.... Слово Божіе отчасти разъясняетъ намъ, откуда произошло въ тварномъ мірѣ это первоначальное зло, существовавшее уже до паденія человѣка. Оно говоритъ намъ о діаволѣ, который согрѣшилъ *сначала* (I Иоан. 3, 8) и о согрѣшившихъ ангелахъ, которыхъ Богъ не пощадилъ, но, связавъ узами адскаго мрака, предалъ блюсти на судъ для наказанія (2 Петр. 2, 4). Оно указываетъ намъ (1 Тим. 3, 6) на гордость, какъ на причину паденія ангеловъ. Но откуда могла явиться эта гордость у чистыхъ духовъ?—На этотъ вопросъ Божественное Откровеніе намъ не даетъ прямого и точнаго отвѣта, и понятно—почему. Оно со всею ясностію возвѣщаетъ намъ только то, что необходимо знать человѣку для достиженія его спасенія и вѣчнаго блаженства, а не то, что можетъ быть предметомъ только одной любознательности. Указать вообще на паденіе ангеловъ было необходимо, потому что оно находится въ связи съ паденіемъ прародителей; ибо кто допуститъ возможность грѣхопаденія человѣка безъ искушенія со стороны діавола? Но подробно не излагается намъ паденіе ангеловъ потому, что для дѣла спасенія нашего знаніе о немъ не имѣетъ такого важнаго значенія, какъ знаніе о грѣхопадении человѣка со всѣми его тяжкими послѣдствіями.

Другимъ источникомъ недоумѣній или возраженій противъ ученія Божественнаго Откровенія о происхожденіи и сущности господствующаго въ мірѣ зла служитъ та трудность, съ которою встрѣчается человѣческой разумъ при разрѣшеніи вопроса объ отношеніи Бога къ появленію и существованію зла въ мірѣ или—вѣрнѣе—о примиреніи божескихъ свойствъ—всебѣднія, всемогущества, премудрости, благости и справедливости съ появленіемъ и существованіемъ зла. На этой почвѣ мы встрѣчаемся съ длиннымъ рядомъ труднѣйшихъ и не вполне разрѣшимыхъ для человѣческаго разума вопросовъ. И люди легкомысленные, не желающіе руководствоваться въ рѣшеніи

этихъ вопросовъ голосомъ Божественнаго Откровенія или свято-отеческими изъясненіями, приходятъ къ заключенію: если Богъ всевѣдущъ и всемогущъ, то Онъ—единственный виновникъ зла, господствующаго въ мірѣ, а слѣдовательно, и не благъ; если же виновникомъ зла долженъ быть признанъ человѣкъ, то Богъ—не всемогущъ и не всевѣдущъ въ абсолютномъ смыслѣ; существованіе зла опровергаетъ—де ученіе Божественнаго Откровенія о Богѣ, какъ Промыслителѣ міра.

Въ самомъ дѣлѣ,—говорятъ (*Martensen*, *Dogmat.*, стр. 247—249; *Mehring*, *Religionsphilosophie*, стр. 507; *Rothe*, *Theol. Ethik*, B. I., 2 A., 1869., стр. 226), если Богъ всевѣдущъ и отъ вѣка не ложно съ аподиктической точностію предвидѣлъ все, что должно было случиться, то свобода человѣческой воли есть пустое слово и все въ мірѣ предустановлено Богомъ отъ вѣка, все, а слѣдовательно, и грѣхопаденіе прародителей, произошло по необходимости,—виновникомъ зла является Богъ. Но этого мало, что ученіе о всевѣдѣніи Божиемъ уничтожаетъ будто бы разумно-свободную человѣческую природу; оно,—говорятъ,—уничтожаетъ свободу и независимость Самого Бога. Ибо если отъ вѣчности Богъ знаетъ все какъ совершенно несомнѣнное и опредѣленное, которое непременно должно случиться, какъ необходимое, то нужно думать не иначе, какъ такъ, что Самъ Богъ отъ вѣчности подчинилъ Себя неизмѣнной необходимости, фатуму или року, который Онъ Самъ возвелъ на тронъ вмѣсто Себя и такимъ образомъ Самъ отрекся отъ того, что существенно должно принадлежать Ему по самому понятію о Немъ. Съ другой стороны къ такому же (будто бы) результату прійдемъ мы и тогда, когда припишемъ человѣку способность свободнаго дѣйствованія. „Если свободу личныхъ тварей,—говоритъ, напр., *Rothe*, мыслить дѣйствительно какъ способность выбора между противоположностями, и если допустить, что при начертаніи міроваго плана Богъ руководствовался Своимъ предвѣдѣніемъ относительно вида и способа, какъ онѣ (свободныя твари) будутъ производить этотъ выборъ,—то мышленіе и хотѣніе Бога, опредѣлившія его міровой планъ, поставляются въ зависимость отъ ничѣмъ не обусловливаемаго выбора свободныхъ тварей“.

Эта мысль о зависимости Бога отъ человѣка высказывается, по словамъ Роте, и въ извѣстной формулѣ, которою ортодоксальные протестантскіе и католическіе теологи стараются примирить свободу моральныхъ тварей съ божественными проученіемъ и пробытіемъ: „не потому, что Богъ предвидѣлъ, ты сдѣлалъ то или это; но поелику Богъ предвидѣлъ, что твоя свободная воля рѣшится на это, Онъ принялъ это твое дѣяніе въ свой предвѣчный совѣтъ и внесъ его въ свой міровой планъ“. Поэтому многіе прямо утверждаютъ, что ученіе о Божественномъ всевѣдѣніи не соединимо съ признаніемъ человѣческой свободы: если Богъ всевѣдущъ, то человѣкъ не свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ; если же свободенъ человѣкъ, то Богъ не можетъ быть независимымъ, а, слѣдовательно, и свободнымъ; если есть всевѣдѣніе, то нѣтъ будто бы свободы ни у Бога, ни у человѣка.

Примѣняя въ частности ученіе о всеведѣніи, справедливости и всемогуществѣ всеблагого Бога къ Божественному Откровенію о грѣхопадѣніи прародителей и о происхожденіи зла въ мірѣ, многіе не только невѣрующіе, но и вѣрующіе люди встрѣчаются напр., съ слѣдующими недоразумѣніями. Такъ какъ Богъ отъ вѣчности предвидѣлъ, что человѣкъ не устоитъ въ добрѣ, падетъ и вмѣстѣ съ собою низринетъ въ погибель и бѣдствія всю тварь,—то зачѣмъ же Онъ создалъ его? Не соответственнѣе ли было благодати всевѣдущаго Бога вовсе не давать людямъ жизни, чѣмъ дать ее имъ для скорбей, болѣзни, труда и смерти? Подобные вопросы уже занимали умы ветхозавѣтныхъ праведниковъ. „Вотъ мое слово первое и послѣднее,—говоритъ Ездра (3 Ездры VII, 46 и слѣд.),—лучше было бы не давать земли Адаму, или, когда дана уже, удержать его, чтобы не согрѣшилъ. Что пользы людямъ—въ настоящемъ вѣкѣ жить въ печали, а по смерти ожидать наказанія? О, что сдѣлалъ ты, Адамъ? Когда ты согрѣшилъ, то совершилось паденіе не тебя только одного, но и насъ, которые отъ тебя происходимъ. Что пользы намъ, если намъ обѣцано бессмертное время, а мы дѣлали смертныя дѣла? Намъ предсказана вѣчная надежда, а мы, непотребные, сдѣлались суетными. Намъ уготованы жилища здоровья и покоя, а мы жили худо; уготована слава Всевышняго, чтобы покрыть тѣхъ, которые жили

кротко, а мы ходили по путямъ злымъ. Показанъ будетъ рай, плодъ котораго пребываетъ нетлѣннымъ и въ которомъ покой и врачество; но мы не войдемъ въ него, потому что обращались въ мѣстахъ неплодныхъ“.

Не такъ разсуждаютъ мыслители нашего времени. По ихъ мнѣнію, не мы сами, а Богъ виновникъ всѣхъ нашихъ скорбей и бѣдствій. Зачѣмъ,—спрашиваютъ они,—Богъ вводилъ человѣка въ испытаніе, если Онъ, какъ всевѣдущій, отъ вѣка предвидѣлъ, что человѣкъ не устоитъ въ немъ? И какую цѣль могло имѣть это испытаніе, когда Испытующій напередъ несомнѣнно зналъ его гибельный конецъ? Если Богъ зналъ, что дарованная человѣку свобода послужитъ только къ паденію его, зачѣмъ Онъ насъ создалъ свободными? Если онъ всевѣдущъ, благъ и всемогущъ, отчего Онъ не создалъ насъ неспособными къ грѣху, такъ чтобы намъ нельзя было согрѣшить, если бы мы даже и хотѣли того? Зачѣмъ Онъ вложилъ въ нашу свободу возможность зла? Развѣ Онъ не могъ создать ее безъ этой гибельной возможности? Если Богъ благъ, всевѣдущъ и всемогущъ, зачѣмъ Онъ дозволилъ діаволу явиться въ самый рай для искушенія невинныхъ прародителей? Зачѣмъ была дана самая заповѣдь, нарушеніе которой повлекло за собой столь тяжкія послѣдствія для всего рода человѣческаго? Зачѣмъ это древо познанія посреди рая? Не все ли было какъ бы нарочито устроено для гибели человѣка? Неужели мы назовемъ мудрымъ и добрымъ того отца, который бы намѣренно ввелъ своего сына въ искустельное и опасное положеніе, въ которомъ несчастный и погибъ, а онъ послѣ сталъ бы увѣрять, что вовсе не погубилъ своего сына, потому что онъ только попустилъ зло, но не хотѣлъ его, не содѣйствовалъ ему? ¹⁾ Но ученію Божественнаго Откровенія, Богъ справедливъ, благъ и многомилостивъ. Но соотвѣтствуетъ ли—спрашиваютъ—въ исторіи грѣхопаденія нашихъ прародителей наказаніе винѣ? Можно ли допустить, чтобы всеблагій и праведный Господь за единичный фактъ непослушанія прародителей на цѣлыя тыся-

¹⁾ Возраженія Бели у Лейбница; срв. Премудрость и благость Божія въ судьбахъ міра и человѣка (о конечныхъ причинахъ) 4-е изд. Спб. 1894. Стр. 94.

челѣтія обрекъ все ихъ потомство, весь человѣческій родъ, на страданія, скорби, болѣзни и смерть? Кто можетъ повѣрить, чтобы Богъ, требующій отъ насъ любви, всепрощенія, благотворительности и самопожертвованія даже по отношенію къ обижающимъ и ненавидящимъ насъ, Самъ, съ Своей стороны, такъ чрезмѣрно гнѣвался и такъ жестоко наказалъ не только самыхъ нарушителей Его заповѣди, но даже ихъ дѣтей и потомковъ, лично не могшихъ принимать никакого участія въ томъ непослушаніи? Можно ли допустить, чтобы Богъ, Отецъ всѣхъ людей, Самъ меньше оказывалъ Своимъ дѣтямъ прощенія и милости, чѣмъ сколько Онъ требуетъ отъ нихъ въ отношеніи другъ къ другу? Можно ли проклятіе назвать дѣйствіемъ достойнымъ Бога? Если Богъ благъ и всемогущъ,—отчего Онъ просто не простилъ несчастныхъ прародителей за ихъ первый грѣхъ? Почему онъ не уничтожилъ зла въ самомъ его зародышѣ, а допустилъ ему разлиться по всему міру? Какъ возможно, чтобы діаволъ, твореніе и существо ничтожное предъ Богомъ, могъ стать во вражду съ своимъ Творцемъ и вмѣстѣ съ собою увлечь человѣка и весь міръ въ бездну нестроенія и зла? Чѣмъ виновна тварь, невольное орудіе казней, подчинное подъ иго тяжелой работы тлѣнію? За что же страдаетъ она, насколько неповинная въ грѣхъ человѣка? Какъ согласить еще и нынѣ существующее зло въ мірѣ съ благими и мудрыми цѣлями Божественнаго Промышленія? Какъ примирить ученіе о божественной безпредѣльной любви, благодати и милосердіи съ тѣмъ, что землетрясеніе, бывшее въ Лиссабонѣ 1-го ноября 1775 г. истребило болѣе 60,000 человѣкъ, землетрясеніе, бывшее въ Сициліи въ 1693 г. принесло смерть 50,000 чел., въ Ріо-Бамбѣ въ 1797 г. отъ 30 до 40 тыс. чел.,—что не меньшее количество жертвъ потребовало также землетрясеніе, бывшее въ Малой Азіи и Сиріи въ 19 и 526 годахъ, а землетрясеніе, бывшее на Зондскихъ островахъ въ новѣйшее время причинило смерть 75,000 человѣкъ и въ томъ числѣ весьма многимъ христіанамъ!... Даже Гёте въ своей автобіографіи рассказываетъ, что его дѣтская вѣра въ Промышленіе была сильно поколеблена бѣдствіями, произведенными лиссабонскимъ землетрясеніемъ. А какъ соединить ученіе о любви Божіей,

напр., съ тѣмъ обстоятельствомъ, что почти половина нашихъ дѣтей умираетъ, не достигши зрѣлаго возраста, многіе прекращаютъ свое существованіе до рожденія, а цѣлыя сотни тысячъ людей становятся жертвами кровопролитныхъ войнъ и убійствъ, оставляя въ сиротствѣ своихъ дѣтей и безъ помощи своихъ престарѣлыхъ родителей?

Всѣ эти и подобные имъ вопросы невольно повергаютъ въ раздумье мыслящаго человѣка и по—истинѣ являются пробнымъ камнемъ для испытанія нашей вѣры въ Божественное Промышленіе. Преосвященный Филаретъ поэтому не безъ основанія утверждаетъ ¹⁾, что „свобода нравственныхъ созданій и зло міра нерѣдко наводятъ сомнѣнія относительно верховнаго Промыслителя“. Даже Давидъ говорилъ: „Едва не пошатнулись ноги мои, едва не поскользнулись стопы мои,—я позавидовалъ безумнымъ, видя благоденствіе нечестивыхъ, ибо имъ страданій нѣтъ до смерти ихъ, и крѣпки силы ихъ; на работѣ человѣческой нѣтъ ихъ, и съ прочими людьми не подвергаются ударамъ. Оттого гордость, какъ ожерелье, обложила ихъ, и дерзость, какъ нарядъ, одѣваетъ ихъ; выкатились отъ жира глаза ихъ, бродятъ помыслы въ сердцѣ; надъ всѣмъ издѣваются, злобно разглашаютъ клевету, говорятъ свысока; поднимаютъ къ небесамъ уста свои, и языкъ ихъ расхаживаетъ по землѣ. Потому туда же обращается народъ Его, и пьютъ воду полною чашею и говорятъ: „какъ узнаетъ Богъ? и есть ли вѣдѣніе у Вышняго“? И вотъ, эти нечестивые благоденствуютъ въ вѣкѣхъ семъ, умножаютъ богатство. И я сказалъ: такъ не напрасно ли я очищалъ сердце мое и омывалъ въ невинности руки мои, и подвергалъ себя ранамъ всякій день и обличеніямъ всякое утро? Но если бы я сказалъ: буду разсуждать такъ,—то я виновенъ былъ бы предъ родомъ сыновъ Твоихъ. И думалъ я, какъ бы уразумѣть это, но это трудно было въ глазахъ моихъ, доколѣ не вошелъ я во святилище Божіе и не уразумѣлъ конца ихъ“ (Псал. 72, 2—17). Подобный вопросъ предлагалъ еще и праведный Іовъ: „Почему беззаконные живутъ, достигаютъ старости, да и силами крѣпки? Дѣти ихъ съ

1) Прав. Догм. Богосл. 2 изд. Черниговъ. 1865 г. ч. I. Стр. 244.

ними передъ лицомъ ихъ и внуки ихъ передъ глазами ихъ. Дома ихъ безопасны отъ страха и нѣтъ жезла Божія на нихъ... А между тѣмъ они говорятъ Богу: отойди отъ насъ, не хотимъ мы знать путей твоихъ! Что Вседержитель, чтобы намъ служить Ему? И что пользы прибѣгать къ Нему?“ (Іов. 21, 7—15). Пророкъ Іеремія также говоритъ: „Праведенъ будешь ты, Господи, если я стану судиться съ Тобою; и однако-же буду говорить съ Тобою о правосудіи: почему путь нечестивыхъ благоуспѣшенъ, и всѣ вѣроломные благоденствуютъ? Ты насадилъ ихъ, и они укоренились, выросли и приносятъ плодъ. Въ устахъ ихъ ты близокъ, но далекъ отъ сердца ихъ... Отдѣли ихъ, какъ овецъ на закланіе, и приготовь ихъ на день убіенія. Долго ли будетъ сѣтовать земля, и трава на всѣхъ поляхъ—сохнуть? Скотъ и птицы гибнутъ за нечестіе жителей ея, ибо они говорятъ: Онъ не увидитъ, что съ нами будетъ“ (Іерем. 12, 1--4). Пророкъ Аввакумъ взываетъ ко Господу: „Чистымъ очамъ Твоимъ несвойственно глядѣть на злодѣянія, и смотрѣть на притѣсненіе Ты не можешь. Для чего же Ты смотришь на злодѣевъ и безмолвствуешь, когда нечестивецъ поглощаетъ того, кто праведнѣе его, и оставляешь людей какъ рыбу въ морѣ, какъ пресмыкающихся, у которыхъ нѣтъ властителя“? (Аввак. 1, 13, 14. срв. ст. 4).

Итакъ, всѣ недоумѣнія, возникающія при усвоеніи ученія Божественнаго Откровенія о происхожденіи и существованіи зла въ мірѣ, за исключеніемъ пустыхъ и искусственныхъ, сводятся, какъ мы видѣли, къ вопросу о томъ, какъ примирить появленіе и существованіе зла въ мірѣ съ свойствами Божества—всебѣднѣемъ, премудростію, благостію, всемогуществомъ и справедливостію?

Сознавая ничтожество и ограниченность человѣческаго разума, мы, по—истинѣ, должны бы только со смиреніемъ преклониться предъ всеовершенствою премудростію и благостію Господа и отказаться отъ дерзновенія подвергать своему изслѣдованію непостижимыя судьбы Божественнаго Промысла. Часто мы бываемъ не въ состояніи объяснить себѣ со всею точностію дѣйствія даже обыкновенныхъ людей, узнать тѣ причины и цѣли, которыми были обусловлены извѣстныя явленія;

но свойственно ли человѣку поставлять себя судіею дѣйстви́й Самого Божества?

Только болѣе совершенный по умственнымъ силамъ и познаніямъ можетъ правильно судить о дѣствіяхъ находящагося на низшей ступени умственнаго развитія, но не наоборотъ. Мать можетъ болѣе или менѣе вѣрно судить о дѣствіяхъ своего малолѣтняго дитяти, но нельзя утверждать, что малолѣтнее дитя въ состояніи понимать и объяснять дѣствія своей матери. При этомъ однако же не слѣдуетъ забывать, что между матерью и ребенкомъ существуетъ различіе только по степени, а не по существу. Напротивъ Богъ есть существо всеовершенное, абсолютное, непостижимое для ограниченнаго человѣческаго разума. Какъ ветхозавѣтные, такъ и новозавѣтные богодуховные писатели (Ис. 40, 13; Рим. 11, 33, 34) вполне согласно утверждаютъ, что судьбы Его непостижимы, пути Его неизслѣдимы. Ибо кто позналъ умъ Господень? Мои мысли не ваши мысли, не ваши пути—пути Мои, говоритъ Господь. Но какъ небо выше земли, такъ пути Мои выше путей вашихъ, и мысли Мои выше мыслей вашихъ“ (Ис. 55, 8, 9). Съ несомнѣнностію мы знаемъ о Богѣ, Его свойствахъ и дѣствіяхъ лишь то, что для нашего спасенія Онъ Самъ благоволилъ открыть намъ чрезъ Своихъ богодуховенныхъ посланниковъ. Поэтому естественное благоразуміе требовало бы того, чтобы мы не испытывали тайнъ Божіихъ, премудро и благопромыслительно сокрытыхъ отъ насъ и потому недоступныхъ для нашего ограниченнаго разумѣнія. Здѣсь—область вѣры, но не знанія. И только одна чистая и непосредственная вѣра сдѣлаетъ яснымъ для нашего сердца то, что навсегда должно остаться недоступнымъ для сухого и холоднаго человѣческаго разсудка. Такъ учить объ этомъ и само Божественное Откровеніе. Ап. Павель пишетъ, напр., римскимъ христіанамъ (9, 14 и слѣд): „что же скажемъ? Неужели неправда у Бога? Никакъ... Ты скажешь мнѣ: за что же (Богъ) еще обвиняетъ? Ибо кто противостанетъ волѣ Его? А ты кто, человѣкъ, что споришь съ Богомъ? Издѣліе скажетъ ли сдѣлавшему его: зачѣмъ ты такъ меня сдѣлалъ?“ Въ виду этого истинный христіанинъ долженъ только—повторяемъ—смириться предъ непостижимостью путей

Божественнаго Промысла и послѣдовать примѣру богодухновеннаго пророка Іереміи, который, какъ мы видѣли, прежде чѣмъ высказывать свои недоумѣнія о томъ, какъ примирить всевѣдѣніе Божіе съ происхожденіемъ и существованіемъ зла въ мірѣ, уже открыто исповѣдуетъ: „Праведенъ будешь ты, Господи, если я стану судиться съ тобою“. Если добросовѣстный естествоиспытатель, при изученіи явленій природы, дойдя до послѣдней грани возможнаго для человѣка познанія и не желая строить шаткихъ и неосновательныхъ гипотезъ относительно дальнѣйшаго, откровенно сознается: „мы этого не знаемъ“ или: „это не дѣло опытнаго знанія“; если мы одабриваемъ извѣстный афоризмъ Ньютона: „Физика, остерегайся Метафизики! или, какъ передаетъ, его *Фэйе*: „Физика, не захватывай области Метафизики: ты въ ней заблудишься!“—то почему же этому благоразумному совѣту не можетъ послѣдовать христіанскій богословъ, когда рѣчь идетъ о непостижимыхъ тайнахъ премудрости Божіей? Отчего онъ не можетъ сказать: „ограниченный разумъ человѣка, не вторгайся въ область чистой и непосредственной вѣры,—ты въ ней запутаешься и прійдешь къ нелѣпнымъ и для тебя только одного невыгоднымъ заключеніямъ?“

Къ сожалѣнію, любознательность людская часто переступаетъ предѣлы такого христіанскаго благоразумія и старается уяснить себѣ даже то, что само по себѣ таинственно и недоступно пониманію ограниченнаго человѣческаго разума. Неудивительно, если такого рода попытки часто оказываются неудовлетворительными или искажающими самый смыслъ Богооткровенной истины. Поэтому—скажемъ словами митрополита Филарета ¹⁾,—„хотя *произведенію* не свойственно судить *художника* (Рим. IX. 20); но когда есть ужъ такіе, которые предрекаютъ ему, то позволительно, съ благоговѣйною осторожностью, и оправдывать пути его.“

1. О мнимой несоединимости богооткровеннаго ученія о происхожденіи зла со всевѣдѣніемъ Божіимъ.

а. Мнѣнія богослововъ.

Чаще всего стараются примирить свойство божественнаго всевѣдѣнія съ человѣческою свободою посредствомъ предполо-

¹⁾ Записки на кн. Быт. М. 1867. Стр. 43.

женія, ограничивающаго всевѣдѣніе Бога. Богъ,—говорятъ— знаетъ все будущее въ дѣйствіяхъ свободныхъ существъ не какъ то, что дѣйствительно должно совершиться, но какъ то что *можетъ* случиться и именно такъ, какъ предвидитъ Богъ; такимъ образомъ, Богу приписывается не абсолютное всевѣдѣніе, а лишь условное, предвѣдѣніе только возможнаго, а не дѣйствительнаго, которое должно совершиться въ будущемъ. Представьте себѣ,—говорятъ,—человѣка, стоящаго на правомъ берегу большой рѣки и знающаго, что эта рѣка наполнена подводными камнями и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имѣетъ быстрое и неправильное теченіе, водоворотъ котораго грозитъ опасностію каждому попадающему въ него пловцу. Теперь представьте себѣ еще, что стоящій на правомъ берегу рѣки человѣкъ видитъ пловцевъ, ѣдущихъ на лодкѣ и направляющихся въ самое опасное мѣсто рѣки. Онъ знаетъ, что *если* пловцы попадутъ въ это мѣсто рѣки, то они неминуемо погибнутъ или, по крайнѣй мѣрѣ, испытаютъ страшныя бѣдствія. Но дѣйствительно ли это случится, онъ не знаетъ, потому что пловцы, предупрежденные имъ объ угрожающей опасности и имѣющіе умъ и свободную волю, могутъ плыть, куда имъ угодно, могутъ послушаться и не послушаться его совѣта. Вотъ аналогично то съ этимъ примѣромъ нѣкоторые философы и богословы и стараются уяснить себѣ отношеніе между божественнымъ всевѣдѣніемъ и свободою человѣческой воли.

Въ древности уже *Цицеронъ*, въ виду человѣческой свободы, не допускалъ, чтобы Богъ могъ предвидѣть случайное будущее, и потому отказывалъ Ему въ предвѣдѣніи (*divinatio*) будущихъ свободныхъ дѣйствій человѣка. Въ XVIII вѣкѣ выше приведеннымъ примѣромъ думалъ уяснить себѣ возможность соединенія Божественнаго всевѣдѣнія съ человѣческою свободою Вольтеръ ¹⁾. Примѣру *Вольтера* послѣдовали и другіе, между которыми должны быть названы многіе даже серьезные западно-европейскіе богословы. Такъ напр., *Мартенсенъ* какъ въ своей *Догматикѣ*, ²⁾ такъ и въ своемъ „Христіанскомъ

1) Срв. его связку „Мелвонт“, романъ „Задигъ или Судьба“, „Трактатъ о метафизикѣ“, а также энциклопедическія статьи: „Аббатъ“, „Атеизмъ“, „Богъ“, „Добро“, „Душа“ и др.

2) Стр. 247—249. 413 и слѣд.

ученіи о нравственности“ ¹⁾ одинаково старается ограничить Божественное всевѣдѣніе, чтобы примирить его съ человѣческой свободой. „Цѣль Бога, говоритъ онъ, *должна* осуществиться, но *способъ*, которымъ она осуществляется, обуславливается свободой выбора, и въ ходѣ событій всегда есть нѣчто *непредвидѣнное, предположительное и проблематическое*. Безъ этого исторія не была бы драмой, время и настоящій моментъ не имѣли бы значенія, ничто не рѣшалось бы во времени, но все всегда было бы установлено и закончено отъ вѣчности. *Этотъ условный элементъ въ исполненіи божественныхъ цѣлей* выраженъ пророкомъ Іереміей въ одномъ замѣчательномъ мѣстѣ, гдѣ онъ говоритъ: „Когда я скажу о какомъ-нибудь народѣ и царствѣ, что искореню, сокрушу и погублю его: но если народъ этотъ, на который Я это изрекъ, обратится отъ своихъ злыхъ дѣлъ, Я отлагаю то зло, которое помыслилъ сдѣлать ему; и когда я скажу о какомъ-либо народѣ и царствѣ, что устрою и утвержу его: но если онъ будетъ дѣлать зло предъ очами Моими и не послушается гласа Моего, Я отмѣню то добро, которымъ хотѣлъ облагодѣтельствовать его“ (Іерем. XVIII, 7—10). Дѣйствія Бога въ отношеніи къ человѣческому роду должны быть разсматриваемы какъ дѣйствія воспитательныя. Но воспитаніе предполагаетъ свободу со стороны тѣхъ, которые подлежатъ воспитанію, а съ другой стороны оно предполагаетъ высшій разумъ сравнительно съ разумомъ ученика въ томъ, кто является руководителемъ. Воля безконечной премудрости не препятствуетъ часто повторяющемуся паденію человѣка, но она вводитъ новыя и непредвидѣныя фазы развитія, при посредствѣ которыхъ устраняются планы слѣпого и немощнаго человѣчества, и окружнымъ путемъ исполняется то, что предположилъ Богъ. И процессъ человѣческаго развитія долженъ быть разсматриваемъ подъ образомъ странствованія сыновъ Израиля по пустынѣ въ обѣтованную землю, которой они достигли не прямымъ и кратчайшимъ путемъ, а только многими окружными путями при многихъ отсрочкахъ и неоднократныхъ поворотахъ назадъ“.

1) Перев. А. П. Лопухина. Спб. 1890. I. Стр. 143.

Это же самое объясненіе предлагаетъ *Rome* ¹⁾ только въ другой формѣ и съ большею откровенностью. Напрасно, говорятъ онъ, стараются предотвратить мысль о предопредѣленіи неосновательнымъ предположеніемъ, будто бы Богъ предвидитъ свободныя дѣйствія тварей не какъ необходимыя и неизбѣжныя, а только какъ *свободныя*. Эта формула содержитъ сама въ себѣ противорѣчивое утвержденіе. Ибо *свободное*, насколько оно дѣйствительно произвольно—свободное, уже какъ таковое, совершенно не можетъ быть предузнаваемо съ абсолютною и непогрѣшимою точностію. Оно вообще не можетъ быть предметомъ всевѣдѣнія *въ собственномъ смыслѣ*, т. е., предвѣдѣнія *безусловно вѣрнаго*, а слѣдовательно, не можетъ быть предметомъ и предвѣдѣнія божественнаго. Относительно свободныхъ дѣйствій того или другого субъекта возможны только догадки, болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія, расчетъ, основывающійся на умозаключеніи, т. е., мышленіи, и зависящій съ одной стороны отъ того, насколько точно мы изучили человѣка, —его характеръ, привычки, настроеніе, а съ другой стороны —насколько сложился характеръ его и насколько онъ уже слѣдуетъ опредѣленному направленію. „Такое *приблизительное* предвычисленіе свободныхъ дѣйствій личныхъ тварей, конечно, заключается и въ способности Бога, несомнѣнно—въ совершеннѣйшемъ видѣ и при томъ—именно такъ, что относительно каждой *степени* вѣроятности такого предварительнаго расчета для Него исключается всякая возможность ошибки,—и Онъ, безъ сомнѣнія, въ полной мѣрѣ пользовался имъ (приблизительнымъ расчетомъ) при начертаніи Своего мірового плана, какъ пользуется имъ и при Своемъ управленіи міромъ“... Затѣмъ, указавъ на попытку—примирить божественное всевѣдѣніе съ человѣческою свободою чрезъ то, что всевѣдѣніе представляютъ не результатомъ умозаключающаго и рассчитывающаго мышленія, а непосредственнымъ, вѣчнымъ и внѣвременнымъ *созерцаніемъ*, и объявивъ эту попытку неудачною, *Rome* продолжаетъ: „И такъ, не подлежитъ сомнѣнію, что будущія свободныя дѣйствія личныхъ тварей, по самому понятію сво-

1) Theologische Ethik. В. I. 1869. Стр. 222—234.

ему, совершенно не могутъ быть предметомъ какого-либо не-ложнаго предвѣдѣнія. Однако абсолютность Бога не уменьшается даже въ самой незначительной степени чрезъ то, что Ему отказываютъ въ *безусловно-несомнѣнномъ* предвѣдѣніи ихъ. Знаніе необходимо различается степенью различія своихъ объектовъ. Въ силу своего всевѣдѣнія Богъ можетъ знать только то, что само по себѣ является *возможнымъ* предметомъ знанія, точно такъ же, какъ и для Его всемогущества возможно не все, а только то, что возможно по природѣ самого дѣла. Какъ невозможно само въ себѣ превращеніе бывшаго въ небывшее и т. п., такъ равнымъ образомъ невозможно само въ себѣ знаніе того, что по своей природѣ не можетъ быть предметомъ знанія. Это незнаніе или невозможность знанія ни въ какомъ случаѣ не есть недостатокъ или несовершенство въ Богѣ, потому что *его* объекты совершенно не принадлежатъ къ *возможнымъ* предметамъ божественнаго всемогущества и всевѣдѣнія. Нанротивъ такое предвѣдѣніе будущихъ свободныхъ дѣйствій, которое мы здѣсь отрицаемъ, внесло бы неистинность въ знаніе Бога. Ибо истина есть согласіе представленія съ его объектомъ; слѣдовательно, кто представляетъ себѣ определеннымъ и несомнѣннымъ будущимъ само въ себѣ еще неопределенное и не несомнѣнное будущее, у того это представленіе не имѣетъ объективной истины“.

Подобно Роте, и *Вейссе* предполагаетъ „необходимую границу, которую имѣетъ познаніе будущаго въ своей зависимости отъ дѣйствій произвола и свободы“. По его мнѣнію, Богъ знаетъ будущее, насколько оно съ органическою необходимостію слѣдуетъ изъ прошедшаго и настоящаго; но Онъ не знаетъ его, насколько оно при этой необходимости все таки подлежитъ произволу истинно-божественной и внѣ божественной природы, свободѣ божественной или внѣбожественной воли“.

Такимъ образомъ выходитъ, что Богъ не можетъ предвидѣть не только того, что будутъ дѣлать люди, какъ свободныя существа, но даже и того, что Онъ совершитъ Самъ. Кромѣ того, если Богъ не предвидитъ будущихъ свободныхъ дѣйствій, а, подобно людямъ, узнаетъ о нихъ только въ настоящемъ и прошедшемъ, то Его вѣдѣніе, очевидно, подлежитъ измѣненію,

какъ и человѣческія познанія; оно обогащается и усложняется съ теченіемъ времени новыми фактами и явленіями,—что явно противорѣчитъ понятію о неизмѣняемости, какъ основномъ свойствѣ Божества. Для каждаго очевидно, что если согласиться съ предположеніями Мартенсена, Роте и Вейссе, которыя мы привели выше, то необходимо отказаться не только отъ того чистаго и истиннаго понятія о Богѣ его свойствахъ, которое предлагаетъ намъ Божественное Откровеніе, но даже и отъ того, которое выработано лучшими языческими, до-христіанскими мыслителями—Сократомъ, Платономъ, Аристотелемъ, Плутархомъ....

По ученію Божественнаго Откровенія, Богъ знаетъ все (Іоан. 3, 20) какъ настоящее и прошедшее такъ и будущее, ибо Духъ Божій все проникаетъ, и глубины Божіи. Эта истина со всею ясностью была возвѣщена еще въ Ветхомъ Завѣтѣ. „Господи“! взывалъ Давидъ—„Ты испыталъ меня и знаешь. Ты знаешь, когда я сажусь и когда встаю; Ты разумѣешь помышленія мои издали. Иду ли я, отдыхаю ли—Ты окружаешь меня, и всѣ пути мои извѣстны Тебѣ. Еще нѣтъ слова на языкѣ моемъ,—Ты, Господи, уже знаешь его совершенно.... Въ Твоей книгѣ записаны всѣ дни, для меня назначенные, когда ни одного изъ нихъ еще не было (Пс. 138, 1—4. 16). Поэтому гораздо ближе къ истинѣ и ученію Божественнаго Откровенія стоятъ тѣ мыслители, которые понимаютъ Божественное вѣдѣніе не какъ познаніе, основывающееся на воздѣйствіи предметовъ внѣ Бога, умозаключеніи и расчетѣ, а какъ постоянное и неизмѣнное, непосредственное или интуитивное, вѣчное созерцаніе, для котораго нѣтъ ни прошедшаго, ни будущаго, но только одно вѣчное настоящее.

Несмотря на свою внутреннюю несостоятельность и совершенное несогласіе съ ученіемъ Божественнаго Откровенія, приведенное объясненіе, ограничивающее свойство Божественнаго всевѣдѣнія, еще не потеряло своего кредита и повторяется различными мыслителями (напр., Лотце,—въ его Микрокосмѣ) и богословами.

Такъ, Баумитаркъ¹⁾ почти повторяетъ сказанное у Роте.

1) Das Christenthum in seiner Begründung und seinen Gegensätzen. 3-ter Band. Heidelberg. 1889. Стр. 120—121.

По его мнѣнію, предвѣдѣніе свободныхъ дѣйствій вообще совершенно невозможно „по самой природѣ дѣла“. „Въ отношеніи къ такимъ объектамъ,—говоритъ онъ,—не можетъ быть опредѣленнаго предвѣдѣнія того, что дѣйствительно произойдетъ, но только знаніе возможнаго и предположеніе вѣроятнаго. Это имѣетъ значеніе даже и для Бога. Совершенно нѣтъ никакого основанія приписывать Богу абсолютное всевѣдѣніе; Его всевѣдѣніе можетъ быть и безъ такого предвѣдѣнія. Знаніе божественное, какъ и всякое знаніе, можетъ имѣть своимъ предметомъ только то, что вообще *можно* знать, и выраженіе: „Богъ всевѣдущъ“ можетъ такимъ образомъ значить лишь слѣдующее: Онъ знаетъ все, что вообще можетъ быть предметомъ знанія. Поэтому свободныя дѣйствія не могутъ быть предметомъ божественнаго вѣдѣнія, пока они не совершились на самомъ дѣлѣ. Богъ можетъ предвидѣть ихъ только какъ *возможныя*. Этимъ нисколько не ограничивается всевѣдѣніе, а вмѣстѣ съ нимъ и абсолютность Бога. Если Богъ дозволилъ міру развиваться, то Его собственное вѣдѣніе должно выражаться въ формахъ времени, а гдѣ развитіе происходитъ свободно, тамъ будущее созерцается Имъ не какъ дѣйствительное и настоящее, но только какъ возможное и случайное. У всевѣдѣнія Божія совершенно ничего не отнимается, когда ходъ развитія постоянно доставляетъ Богу новые объекты Его вѣдѣнія. Какъ всемогущество Бога не можетъ происшедшее обратить въ не бывшее, такъ всевѣдѣніе Его не можетъ знать какъ совершившееся то, что предоставлено свободному саморѣшенію тварей. Такимъ образомъ и грѣхопаденіе не могло быть предвидѣно Богомъ“.

Не подлежитъ однако-же никакому сомнѣнію, что самъ *Баумштарк* былъ недоволенъ своимъ объясненіемъ того, какъ соединить божественное всевѣдѣніе съ свободою человѣческой воли, потому что, предложивъ это объясненіе, онъ тотчасъ же дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „Что объясненіе происхожденія зла въ человѣческомъ мірѣ, какъ предлагаетъ его библія, имѣетъ свои трудности, этого нельзя не видѣть во всякомъ случаѣ. Вообще грѣхъ имѣетъ свою таинственность, которая никогда не будетъ вполнѣ разъяснена. Тѣмъ не менѣе библейское объясненіе, несомнѣнно, проще и естественнѣе другихъ теорій, напр., дуалистической“.

Нельзя согласиться и съ мнѣніемъ тѣхъ мыслителей, которые хотятъ соединить божественное всевѣдѣніе съ человѣческой свободой на почвѣ отрицанія объективно—реальнаго значенія *времени* въ духѣ ученія Канта. Таковы: *Мюллеръ*, *Мерингъ*, *Лотце* и др. По увѣренію послѣдняго, „свобода новыхъ началъ едва ли можетъ быть соединима съ божественнымъ всевѣдѣніемъ иначе, какъ черезъ пониманіе времени только какъ формы воззрѣнія, въ которой является намъ міръ, но въ которой онъ *не есть*“. Такое пониманіе послѣдовательно ведетъ къ пантеизму и отрицанію свободы воли. Но если бы мыслители, раздѣляющіе это пониманіе, при нѣкоторой непослѣдовательности, и сохранили въ своей системѣ понятіе о личномъ Богѣ, то источникомъ зла они всё-таки должны были бы признать не человека съ его свободною волею, а Самого Бога, Который надѣлилъ насъ природою, вынуждающею насъ обманываться и принимать кажущееся за дѣйствительно существующее, что само по себѣ уже есть зло.

Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что и среди западно-европейскихъ богословъ и философовъ мыслителей есть не мало людей благомыслящихъ, которые, не признавая за ограниченнымъ человѣческимъ разумомъ способности разрѣшить съ несомнѣнною ясностію вопросъ о соединеніи божественнаго всевѣдѣнія съ человѣческой свободой, объявляютъ его дѣломъ вѣры въ ученіе Божественнаго Откровенія. Такъ *Гессъ* въ своемъ „Ученіи о лицѣ Христа“¹⁾ высказываетъ слѣдующее замѣчаніе: „Какъ возможно для Бога предвидѣть саморѣшенія личностей свободно избирающихъ и всё-таки не проникнутыхъ стремленіемъ къ святости, т. е., неизмѣнно святою саморѣшимостью,—это во всякомъ случаѣ принадлежитъ къ загадкамъ неразрѣшимымъ на земной ступени нашего познанія“.

Древніе отцы и учителя Церкви, какъ, напр., *Иеронимъ*, *Климентъ Александрійскій*, *Оригенъ*, *Златоустъ*, *Августинъ*, *Дамаскинъ* и др. также неоднократно высказывали сужденіе о соединимости божественнаго всевѣдѣнія съ человѣческой свободой, причемъ одни изъ нихъ рѣшали этотъ вопросъ путемъ те-

¹⁾ Die Lehre von Person Christi, стр. 350; срв. у Роте подстроч. прим.

оретически—философскаго разсужденія, другіе—путемъ историческихъ доказательствъ и свидѣтельствомъ внутренняго и внѣшняго опыта ¹⁾. Такъ, напр., что Богу принадлежитъ предвѣдѣніе будущихъ свободныхъ дѣйствій личныхъ тварей, Тертуліанъ въ своемъ сочиненіи „Противъ Маркіона“ (кн. I, гл. 2) доказывалъ множествомъ ветхозавѣтныхъ пророчествъ и ихъ исполненіемъ въ дѣйствительности. Что человѣку принадлежитъ свобода воли, въ доказательство этого онъ ссылается на свидѣтельство опыта каждаго человѣка. Августинъ уясняетъ возможность соединенія божественнаго предвѣдѣнія съ человѣческой свободой теоритическими доказательствами. Такъ въ своемъ знаменитомъ твореніи: „О градѣ Божіимъ“ (кн. 5. гл. IX. 4; X, 2), опровергая Цицерона, который, какъ мы сказали выше, отрицалъ божественное предвѣдѣніе случайнаго будущаго, чтобы понять возможность человѣческой свободы и не прибѣгать къ вѣрѣ въ рокъ или судьбу, Августинъ разсуждаетъ такъ: „Какимъ образомъ если Богу извѣстенъ рядъ всѣхъ причинъ,—можетъ произойти то, чтобы ничто не зависѣло отъ нашей воли, когда наша воля въ этомъ самомъ ряду причинъ занимаетъ видное мѣсто?.. Наша воля вѣдь имѣетъ въ себѣ самой силы настолько, насколько даровалъ ей такой силы Богъ, предвидѣвшій это изначала, и потому, что Богъ предвидѣлъ ея силу и будущую дѣятельность, когда она являетъ свою силу, или когда, въ дѣйствительности являясь обладательницею этой силы, совершаетъ нѣчто, то вполне сама совершаетъ это... Самыя хотѣнія наши находятся въ ряду причинъ, извѣстномъ Богу по Его предвѣдѣнію, такъ какъ человѣческія хотѣнія служатъ причинами человѣческихъ дѣяній. Не оттого человѣкъ грѣшитъ, что Богъ предвидѣлъ, что онъ будетъ грѣшить, почему когда грѣшитъ, вовсе не сомнѣвается въ томъ, что самъ грѣшитъ, а это онъ оттого, что Тотъ, предвѣдѣніе Котораго не можетъ быть тщетно, видѣлъ свачала, что ни судьба, ни случай или другое нѣчто, а онъ самъ будетъ грѣшить. Не хо-

¹⁾ Довольно подробно сужденія древнихъ отцовъ и учителей Церкви по этому предмету изложены въ ученомъ трудѣ преосвященнаго Сильвестра „Опытъ Прав. Догм. Богосл.“ Кіевъ. 1885. Т. II. Изд. 2-е. Стр. 144 и слѣд.

тящій грѣшить не грѣшить, таковое также предвидѣлъ Богъ, зная, что онъ не захочетъ грѣшить“.

Вообще же на вопросъ: „если Богъ напередъ предусматриваетъ или предвидитъ, то этимъ самымъ не предрѣшаетъ ли Онъ того или иного направленія воли свободно-разумныхъ существъ и не дѣлается ли чрезъ это Самъ виновникомъ тѣхъ или иныхъ родовъ ихъ дѣйствій?—у древнихъ учителей—говорить преосвященный Сильвестръ,—находимъ тотъ отвѣтъ, что Богъ, положивши отъ вѣчности привести къ бытію между другими свободно-разумныя существа, вмѣстѣ съ этимъ и имѣетъ вѣчное предвѣдѣніе о нихъ, какъ не о какихъ-либо иныхъ, а свободно-разумныхъ существахъ, т. е., такого рода существахъ, которыя сами собою и изъ себя, насколько это дано ихъ природѣ, должны развивать свою жизнь, проявляя ее въ своихъ собственныхъ и чисто свободныхъ дѣйствіяхъ. Поэтому Своимъ предвѣдѣніемъ Онъ нисколько не мѣшаетъ свободѣ разумныхъ существъ, оставляя ее неприкосновенною и сохраняя за ней то, что дано ей и имъ Самимъ въ ея собственное достояніе. Если Онъ по довѣдомымъ Ему одному путямъ, предусматриваетъ напередъ то или иное направленіе воли, тотъ или иной рядъ свободныхъ дѣйствій человѣка, то чрезъ это Онъ отнюдь не становится виновникомъ этого рода направленія воли и ея дѣйствій, равно какъ въ свою очередь и человѣкъ не перестаетъ чрезъ это на самомъ дѣлѣ быть самъ собою, а на кого-либо иного сознавать причиною своихъ собственныхъ рѣшеній и дѣйствій. Не потому что Богъ предвидитъ, то или иное должно происходить въ свободной волѣ человѣческой, а потому Богъ и предвидитъ, что въ ней самой и отъ ея собственныхъ причинъ имѣетъ происходить тотъ или иной рядъ ея свободныхъ проявленій“.

Изъ сужденій русскихъ православныхъ богослововъ о совмѣстимости божественнаго всевѣдѣнія съ человѣческою свободою особеннаго вниманія заслуживаетъ сужденіе *Филарета* бывшаго архіепископа черниговскаго.

„Предвѣдѣніе Божіе, говоритъ Филаретъ ¹⁾, есть состояніе

¹⁾ Прав. Догм. Богосл. 2-е изд. 1865. Ч. I. Стр. 79.

ума Божія безпредѣльнаго, оставляющее неприкосновенными бытіе и состояніе предметовъ сознаваемыхъ. Оно есть предвѣдѣніе только въ отношеніи къ дѣламъ человѣческимъ, принадлежащимъ къ будущему: но само по себѣ оно есть созерцаніе всего мыслимаго, какъ принадлежащаго уму Божію. Умъ Божій зреть, что совершается въ мірѣ. А совершающееся въ мірѣ совершается по своимъ опредѣленнымъ законамъ; такъ и созерцаемая умомъ Божіимъ состоянія и дѣйствія воли человѣческой опредѣляются началами самаго свободнаго духа человѣческаго. Если предвѣдѣніе будущихъ дѣйствій человѣческихъ и предполагаетъ нѣкоторую необходимость для сихъ послѣднихъ; то необходимость эта зависитъ не отъ предвѣдѣнія Божія, а отъ свойства самихъ дѣйствій, совершающихся по началамъ своимъ; самое же предвѣдѣніе Божіе столь же мало условливаетъ собою свободныя дѣйствія, сколько мало наше зрѣніе на предметы условливаетъ собою бытіе этихъ предметовъ внѣ насъ“.

Понять возможность соединенія Божественнаго всевѣдѣнія съ свободою человѣческой воли намъ могутъ помочь нѣсколько наглядные примѣры. Господь предвидѣлъ судьбу Іерусалима и предвозвѣстилъ о ней людямъ. Объ этомъ предвозвѣщеніи зналъ и богоотступникъ *Юліанъ*. Теперь исторія свидѣтельствуетъ намъ, — что, *желая* посмѣяться надъ пророчествомъ Іисуса Христа, Юліанъ дѣйствовалъ не только совершенно *свободно*, но даже *наперекоръ* волѣ Божіей, и однако же самъ былъ орудіемъ исполненія того, что было предвидѣно и предвозвѣщено Богомъ. Въ этомъ примѣрѣ мы ясно видимъ фактическую возможность соединенія Божественнаго предвѣдѣнія съ проявленіемъ *свободныхъ* дѣйствій человѣка. То же самое говоритъ намъ исторія Іосифа и его братьевъ. Предвѣдѣніе Божіе о прославленіи Іосифа было извѣстно и братьямъ послѣдняго. Продавая Іосифа мадіамскимъ купцамъ, братья, очевидно, дѣйствовали совершенно *свободно* и даже, повидимому, вопреки Божественному предвѣдѣнію, однако же предвидѣнное Богомъ сбылось съ точностію. Здѣсь мы опять видимъ, такъ сказать, рядомъ Божественное предвѣдѣніе и совершенную свободу человѣческой воли. Воля человѣческая дѣйствуетъ не по необходимости, а

свободно; дѣти Иакова могли и бросить въ ровъ своего брата, могли и продать его проѣзжающимъ купцамъ, могли и ничего ему не дѣлать,—во всемъ была ихъ добрая воля, но они *свободно* дѣлаютъ то, что ведетъ къ исполненію предвѣннаго Богомъ. Всесовершеннѣйшій умъ Божій созерцаетъ безъ времени то, что человекъ свободно совершаетъ вполне въ определенное время..... Богъ не предвидитъ будущаго, а Онъ созерцаетъ его, потому что для Бога нѣтъ будущаго, какъ нѣтъ и прошедшаго. И въ этомъ-то свойствѣ Божественнаго вѣдѣнія заключается то, что представляетъ для насъ затрудненіе соединить его съ свободою человѣческой воли *во времени*.

Что божественное предвѣдѣніе, или вѣдѣніе не уничтожаетъ человѣческой свободы дѣйствій,—это можно видѣть изъ аналогическихъ явленій чисто человѣческаго предвѣдѣнія. И мы можемъ предвидѣть *нѣкоторыя* свободныя дѣйствія людей, не уничтожая чрезъ это свободы послѣднихъ. Но вѣдѣніе Божіе есть вѣдѣніе абсолютное и всесовершенное. Богъ предвидитъ *всѣ* условія, при которыхъ воля человека будетъ производить свой выборъ и потому Онъ *знаетъ* напередъ, какія условія получатъ перевѣсъ и воля сама по себѣ избереетъ согласное съ ними направленіе; но онъ предвидитъ также и то, что воля человека, отдавъ предпочтеніе другимъ мотивамъ, могла бы принять совершенно иное направленіе. Такое пониманіе вполне согласно и съ ученіемъ Божественнаго Откровенія объ отношеніи божественнаго всевѣдѣнія къ свободнымъ дѣйствіямъ людей. „Если захотите и послушаетесь, говоритъ Господь чрезъ пророка Ісаію (I, 19), то будете вкушать блага земли. Если же отречетесь и будете упорствовать, то мечъ пожретъ васъ“. „Если ты выйдешь къ князьямъ царя Вавилонскаго, говорилъ Господь Седекіа чрезъ пророка Іеремію (38, 17. 18), то жива будетъ душа твоя и этотъ городъ не будетъ сожженъ огнемъ, и ты будешь живъ, и домъ твой; а если не выйдешь къ князьямъ царя Вавилонскаго, то этотъ городъ будетъ преданъ въ руки халдеевъ, и они сожгутъ его огнемъ, и ты не избѣжишь отъ рукъ ихъ“. Та же самая мысль заключается и въ словахъ Іисуса Христа: „если бы въ Тирѣ и Сидонѣ явлены были силы, явленные въ васъ (Харазинѣ и Ввесаидѣ), то давно бы они

во вретѣищѣ и пеплѣ покаялись“ (Мѡ. 11, 21). Когда говорятъ о несоединимости божественнаго всевѣдѣнія съ человѣческой свободою, то всегда при этомъ невольно примѣшивается мысль о томъ, почему именно человѣческая воля дѣйствуетъ такъ какъ Богъ предвидитъ ея дѣйствія? Почему Господь допускаетъ ее уклониться отъ добра, если Онъ предвидитъ это уклоненіе? Здѣсь, очевидно, уже затрогивается вопросъ объ отношеніи Божественнаго Промысла къ существованію зла въ мірѣ. Но этотъ вопросъ мы подробнѣе рассмотримъ въ своемъ мѣстѣ. Теперь же перейдемъ къ ученію *детерминистовъ*, которые приходятъ къ заключенію совершенно противоположное тому, какое сдѣлалъ Роте, Мартенсенъ и др.

б. Ученіе детерминистовъ.

Трудность въ пониманіи того, какъ божественное предвѣдѣніе можетъ быть совмѣстимо съ человѣческой свободою, детерминисты стараются устранить не чрезъ ограниченіе всевѣдѣнія Божія, а напротивъ чрезъ отрицаніе свободы человѣческой воли. Детерминизмомъ называется такое ученіе, по которому всѣ рѣшенія воли имѣютъ свое послѣднее основаніе не въ самоопредѣленіи воли, а въ причинахъ, находящихся внѣ воли, и сама воля представляется такимъ образомъ только центральнымъ пунктомъ, чрезъ который дѣйствуютъ эти внѣ ея находящіяся причины. *Религіозный детерминизмъ* признаетъ волю Божію единственною причиною всѣхъ нашихъ дѣйствій, которыя мы только ошибочно можемъ относить къ своей волѣ, въ дѣйствительности совершенно подавленной волею Божественною. Впрочемъ, когда отношеніе воли Божіей къ волѣ человѣческой понимаютъ чисто механически, то религіозный детерминизмъ, ведущій только къ предопредѣленію, неизбѣжно переходитъ въ *фатализмъ*, причиною всѣхъ нашихъ дѣйствій и состояній признающій слѣпую судьбу, рокъ, фатумъ. Но какъ въ детерминизмѣ, такъ и въ фатализмѣ истиннымъ виновникомъ не только всего существующаго и происходящаго въ мірѣ, но и всѣхъ нашихъ такъ называемыхъ „свободныхъ“ или случайныхъ дѣйствій, какъ добрыхъ, такъ и злыхъ, является только одинъ Богъ. Детерминисты были бы непослѣдовательны,

если-бы не признали Бога виновникомъ всякаго зла, всякаго грѣха, всякаго преступленія. Такое пониманіе мы встрѣчаемъ уже у древне-языческихъ грековъ. Они представляли своихъ боговъ въ отношеніи къ людямъ не всегда существами добрыми и благодѣтельными; но часто называли ихъ завистливыми, злорадствующими, соблазнителями, виновниками грѣха, и всевозможныхъ бѣдствій; человекъ представлялся древне-греческимъ язычникамъ только какою-то жалкою и непонятною жертвою, существомъ страдательнымъ по отношенію къ олимпійскимъ божествамъ. Къ сожалѣнію, такое пониманіе нерѣдко высказывалось и высказывается даже людьми, причисляющими себя къ христіанамъ. Если ученіе бл. *Августина* о предопредѣленіи лишь *можетъ* привести къ такому заключенію, то протестантскіе богословы высказываютъ его открыто и съ убѣжденіемъ. Такъ уже *Лютеръ* утверждалъ, что никто другой, какъ Богъ, производитъ въ насъ все доброе и злое, хорошее и дурное, добродѣтельное и порочное, и что мы только пассивно воспринимаемъ всѣ Его воздѣйствія. Вполнѣ согласно съ Лютеромъ училъ также и *Меланхтонъ*, по мнѣнію котораго Богъ столько же долженъ быть признаваемъ виновникомъ грѣха Давидова и предательства Іудина, сколько и обращенія ап. Павла, потому что Онъ производитъ въ насъ какъ добро, такъ и зло. Такой же смыслъ имѣетъ, конечно, и ученіе *Кальвина* о безусловномъ предопредѣленіи человека къ грѣху и осужденію.

Въ настоящее время религіозный детерминизмъ старается найти для себя подкрѣпленіе—даже странно сказать!—во враждебныхъ христіанству философскихъ ученіяхъ. Религіозный детерминизмъ заключаетъ союзъ съ *детерминизмомъ философскимъ!* Послѣдній вытекаетъ изъ общихъ или основныхъ философскихъ воззрѣній, исключających вообще свободу воли и признающихъ необходимымъ единственнымъ принципомъ развитія міровой жизни. Таковы всѣ философскія системы какъ пантеистическаго, такъ и матеріалистическаго направленія. А такъ какъ пантеизмъ и матеріализмъ по преимуществу господствовали надъ умами послѣднихъ двухъ вѣковъ, то противъ свободы человѣческой воли какъ бы составилъ какой-то все-

общій заговоръ новѣйшихъ философствующихъ мыслителей. Въ самомъ дѣлѣ,—кто только не отрицалъ и не отрицаетъ свободы человѣческой воли? Матеріализмъ XVIII вѣка въ лицѣ такихъ своихъ представителей, какъ *Гельвецій* и *Де-ля-Метри*, *Гольбахъ*, *Волотеръ*, *Гоббесъ*, *Бель*, *Коллинзъ*, пантеизмъ *Спинозы*, идеалистическій оптимизмъ *Лейбница*, кальвинизмъ, яansenизмъ, скептицизмъ *Юма*, сенсуализмъ *Локка*, *Лессингъ*, *Кантъ*, *Гегель*, *Шеллингъ*, *Гербартъ*, *Шопенгауэръ*, *Гартманъ*, новѣйшіе матеріалисты—*Малешотъ* и *Бюхнеръ* съ безчисленнымъ множествомъ своихъ послѣдователей, *Дарвинъ*, *Спенсеръ*, *Геккель* и *Гексли*, даже спиритизмъ и гипнотизмъ,—все это смѣшалось въ одну пеструю толпу, забыло непримиримую враждебность другъ къ другу по своимъ основнымъ принципамъ, для того только, чтобы возстать противъ свободы человѣческой воли!....

Гордость и высокомеріе человѣка не знаютъ границъ. По ученію Божественнаго Откровенія, наши прародители пали отъ того, что хотѣли быть „какъ боги“; извѣстна гордость Навуходносора и Ирода, требовавшихъ себѣ божескаго поклоненія. Но если эти и подобныя имъ лица только признавали себя равными Божеству, то стойки, какъ извѣстно, поставляли *человѣка* даже выше Бога, потому что, говорили они, Богъ обладаетъ своими достоинствами по природѣ, а человѣкъ пріобрѣтаетъ ихъ трудомъ, энергіею и самою упорною борьбою. Человѣкъ, по ихъ словамъ, есть существо совершенно самостоятельное и независимое; онъ не нуждается ни въ какомъ Богѣ, ибо, если захочетъ, онъ и безъ Бога можетъ достигнуть всего; онъ можетъ сдѣлать все, въ чемъ онъ нуждается и что ему приличествуетъ. Христіанство на мѣсто такой лживой самостоятельности поставило смиреніе и преданность волѣ Божіей. Но быстрые успѣхи естествознанія въ новѣйшее время снова вскружили голову человѣчеству. Оно опять, какъ древніе стойки, объявляетъ себя самостоятельнымъ и независимымъ, какъ бы буквально повторяя слова языческихъ мудрецовъ. Въ новѣйшее время такъ именно учатъ многіе моралисты—философы (напр. *Дюрингъ*, *Ницше* и др.), матеріалисты и эволюціонисты. Человѣкъ, говорятъ они, теперь обладаетъ вполнѣ

достаточными силами для того, чтобы не нуждаться ни въ Богѣ, ни въ религіи какъ для своего внѣшняго благополучія, такъ и для своего нравственнаго усовершенствованія. Онъ знаетъ теперь все, что—на небѣ вверху, что—на землѣ внизу, и что въ водахъ—подъ землею. Онъ изучилъ съ точностію всю солнечную систему, изучилъ всѣ безчисленные небесныя тѣла. Онъ знаетъ, напр., что солнце удалено отъ насъ на 20,000,000 миль, что по своему объему оно больше земли въ 1,407,124 раза, что еслибы оно было внутри пустымъ, то въ него не только помѣстилась бы земля, но вокругъ земли въ немъ свободно бы вращалась еще и луна, отдаленная отъ земли на 51,823 мили, и еще оставалось бы много пустого пространства; онъ знаетъ, что діаметръ солнца равняется 192,608 милямъ, а поверхность—125,000,000,000 квадратныхъ миль,—что пѣшеходъ, проходящій въ день по пяти миль, долженъ бы былъ употребить цѣлыхъ три года времени, чтобы обойти вокругъ земли, и—320 лѣтъ, чтобы обойти вокругъ солнца; онъ знаетъ, что изъ солнечнаго вещества можно бы сдѣлать 359,550 такихъ шаровъ, какъ наша земля,—что по желѣзной дорогѣ, дѣлающей 4 мили въ часъ, пришлось бы ѣхать до солнца отъ земли 605 л., отъ Урана—11,275 лѣтъ, отъ Нептуна—19,250 лѣтъ,—что пуля изъ пушки, пробѣгающая въ каждую секунду 600 футовъ, отъ солнца достигла бы до Меркурія—въ 9 лѣтъ, до Венеры—въ 18 лѣтъ, до земли—въ 26 лѣтъ, до Марса—въ 38 лѣтъ, до Юпитера—въ 130 лѣтъ, до Сатурна—въ 238 лѣтъ, до Урана—въ 474 года, до Нептуна—въ 885 лѣтъ, до Сиріуса же только—въ 700,000 лѣтъ! Вихрь, пробѣгающій въ секунду выше 60 футовъ, отъ земли до Сиріуса достигъ бы только черезъ 11,000,000 лѣтъ и т. д., и т. д. Ясно, что астрономическія познанія человѣка такъ полны и закончены, что ему остается только играть цифрами и получать удовольствіе отъ математическихъ выкладокъ! Но этого мало; человѣкъ проникъ уже почти на 50 верстъ въ нѣдра земли; изучилъ всѣ земные слои, раздѣливъ ихъ на различныя геологическія эпохи, и такимъ образомъ съ точностію постигъ всю исторію образованія нашего земного шара. Наконецъ, онъ уяснилъ себѣ всѣ законы природы, по которымъ развивается жизнь окружающаго насъ

міра, онъ знаетъ всѣ силы и ихъ дѣйствія, онъ химически изслѣдовалъ составныя части каждаго вещества, каждаго тѣла. И эти познанія дали ему возможность господствовать надъ природою, препобѣждать всѣ препятствія, бороться со зломъ. Онъ знаетъ когда будетъ затмѣніе луны или солнца, онъ знаетъ, когда пойдетъ дождь, когда наступитъ холодъ, когда будетъ палить его зной и когда онъ можетъ воспользоваться благопріятною погодою; онъ умѣетъ пользоваться всѣми силами природы: свѣтомъ, теплотою, тяготѣніемъ, электричествомъ, паромъ и т. д. Въ его распоряженіи находятся паровыя машины, желѣзныя дороги, пароходы, телеграфы, телефоны, фонографы; онъ переводитъ на бумагу недоступныя глазу внутренности человѣческаго организма; онъ усовершенствовалъ свои инструменты до того, что нашелъ тайнаго врага своей жизни, долго скрывавшагося отъ него,—въ видѣ микробовъ и бацилл,—и теперь имѣетъ возможность не только бороться съ нимъ, но и оставаться побѣдителемъ! Какимъ чуднымъ могуществомъ обладаетъ человѣкъ! И однако же какимъ ничтожнымъ существомъ оказывается тотъ же самый человѣкъ, когда онъ боится—быть *свободнымъ*! Тѣ же самые мыслители, которые такъ горделиво прославляютъ человѣка, признаютъ его вполне самостоятельнымъ, не нуждающимся ни въ Богѣ, ни въ религіи,—всѣми силами стараются унижить человѣка, утверждая, что онъ есть не что иное, какъ необходимый продуктъ природы, результатъ вліяній климата, пищи, одежды, жилища и кормилицы, что онъ есть только то, что онъ ѣстъ, что всѣ его обширныя познанія, дѣлающія его полнымъ хозяиномъ среди окружающаго міра, всѣ его мысли и желанія всецѣло зависятъ только отъ того куска говядины, который онъ ѣстъ! Откуда такое противорѣчіе? Откуда это отрицаніе самостоятельности у человѣка, въ иныхъ случаяхъ признаваемаго совершенно самостоятельнымъ и независимымъ, самодовольнымъ и ни въ чемъ не нуждающимся?

По нашему убѣжденію, единственно истиннымъ основаніемъ для отрицанія свободы воли у человѣка можетъ быть названа только присущая грѣховной природѣ человѣка *боязнь* отвѣтственности за свои дѣйствія и желаніе перенести свою вину

на другого. Какъ свидѣтельствуемъ Божественное Откровеніе, уже Адамъ не хотѣлъ признавать себя виновнымъ въ содѣянномъ грѣхѣ, а хотѣлъ объявить виновницею его свою жену или—вѣрнѣе—Самого Бога, Который далъ ему жену Еву, соблазвившую его. То же самое всегда повторялось и будетъ повторяться. Конечно, отрицатели свободы человѣческой воли не указываютъ откровенно этого внутренняго основанія для детерминизма; они придумываютъ другія, повидимому, совершенно объективныя основанія; но стоитъ только подвергнуть ихъ критическому анализу и тотчасъ окажется, что они придуманы. Въ этомъ субъективномъ характерѣ детерминистическаго ученія заключается и истинная причина того, почему издавна происходящій споръ между детерминистами и индетерминистами не прекратился до сихъ поръ и, конечно, не прекратится никогда.

Въ чемъ же детерминисты полагаютъ объективныя основанія своего ученія?

Изъ безчисленнаго множества детерминистовъ мы остановимъ свое особенное вниманіе на *Шопенгауэртъ*, который болѣе другихъ работалъ надъ вопросомъ какъ о сущности воли вообще (въ своемъ сочиненіи—„Міръ какъ воля и представленіе“), такъ и о свободѣ человѣческой воли въ частности, и взгляды котораго повторяются еще детерминистами нашего времени; его диссертация о свободѣ человѣческой воли (*Ueber die Freiheit des menschlichen Willens*, 1840) была даже одобрена королевскимъ норвежскимъ обществомъ наукъ въ Дронтгеймѣ ¹⁾.

Понятію „свободы“ Шопенгауэръ приписываетъ только *отрицательное* значеніе, такъ какъ, по его мнѣнію, свобода состоитъ лишь въ отсутствіи всякаго рода препятствій и затрудненій для нашихъ дѣйствій ²⁾; а такъ какъ препятствія эти возможны въ трехъ областяхъ—физической, умственной и нравственной, то и свобода человѣческая можетъ быть тро-

¹⁾ Мы имѣемъ подъ руками сочиненія Шопенгауэра (въ 12 томахъ) съ предисловіемъ Рудольфа Штейнера. Verlag der I. G. Cotta'schen Buchhandlung Nachfolger. Stuttgart. По этому изданію мы и будемъ приводить цитаты.

²⁾ В. VII. Стр. 39.

якаго рода: физическая, умственная и нравственная. Физически человекъ свободенъ, когда никакое матеріальное или физическое препятствіе,—ни цѣпи, ни тюрьма, ни параличное пораженіе членовъ организма,—не стѣсняетъ его дѣйствій,—и онъ дѣлаетъ, что хочетъ ¹⁾. *Интеллектуальная свобода* (у Аристотеля τὸ ἐκούσιον καὶ ἀκούσιον κατὰ δianoian) возможна только при нормальномъ состояніи умственныхъ способностей, такъ какъ способность познанія или мышленія есть единственный судья, отдающій предпочтеніе одному мотиву предъ другимъ. Поэтому не подлежатъ никакой отвѣтственности сумасшедшіе, идіоты и малолѣтнія дѣти, не обладающія еще правильно развитымъ разсудкомъ. *Нравственно* человекъ несвободенъ, когда онъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ обѣщаній или угрозъ, подкупа или предвзятой мысли, однимъ словомъ—вопреки голосу своей совѣсти ²⁾. Въ нравственной области мотивъ (побужденіе) никогда не можетъ дѣйствовать такъ, какъ физическое препятствіе, которое нерѣдко оказывается непреодолимымъ, потому что превосходитъ наши физическія силы ³⁾. Побужденіе въ нравственной области, или мотивъ въ собственномъ смыслѣ никогда не является совершенно непреодолимымъ, но всегда можетъ быть подавленъ другимъ болѣе сильнымъ мотивомъ (Gegenmotiv). Такъ какъ каждый актъ воли соединяется непременно съ мотивомъ, то вопросъ о свободѣ воли отождествляется съ вопросомъ объ отношеніи воли къ мотивамъ и можетъ быть выраженъ въ такой формѣ: вызывается ли актъ воли мотивомъ съ необходимостію или же и при вступленіи мотива въ сознаніе воля можетъ удерживать за собою полную свободу хотѣть или не хотѣть? За разрѣшеніемъ этого вопроса Шопенгауэръ обращается прежде всего къ свидѣтельству нашего самосознанія, которое безусловно говоритъ въ пользу свободы человѣческой воли. Его отвѣтъ онъ формулируетъ такимъ образомъ: „Я могу хотѣть, и если я буду хотѣть какого-либо дѣйствія, то подвижные члены моего тѣла тотчасъ совершатъ его, какъ скоро я только захочу“ или кратче: „я могу дѣлать, что

1) Стр. 40.

2) Стр. 41.

3) Ibid.

захочу“¹⁾. Къ сожалѣнію, этому ясному свидѣтельству нашего самосознанія Шопенгауэръ не придаетъ никакого серьезнаго значенія, потому что онъ будто бы имѣетъ въ виду лишь *возможность дѣйствовать* согласно съ нашею волею, а что касается свободы самого хотѣнія, то оно ничего не можетъ сказать, потому что эта свобода касается уже причиннаго отношенія внѣшняго міра, даннаго намъ въ видѣ сознанія *другихъ вещей*, къ рѣшеніямъ нашей воли. Только одинъ актъ воли, по словамъ Шопенгауэра²⁾, есть дѣло нашего самосознанія, но объекты хотѣнія находятся уже внѣ его области, а потому и нельзя опредѣлить ихъ причиннаго отношенія къ нему.

Иной отвѣтъ Шопенгауэру даетъ человѣческой *разсудокъ*. По его свидѣтельству, въ мірѣ ничего не бываетъ *безъ причины*, а гдѣ дѣйствуетъ законъ причинности, тамъ каждое явленіе вытекаетъ изъ своей причины *съ необходимостію*, а слѣдовательно—несвободно³⁾. Этотъ законъ причинности безъ всякаго исключенія дѣйствуетъ повсюду, начиная отъ жизни неорганической природы и оканчивая духовною жизнію человека; только онъ называется нами не однимъ и тѣмъ же словомъ: при всѣхъ механическихъ, физическихъ и химическихъ измѣненіяхъ предметовъ опыта онъ дѣйствуетъ какъ причина въ тѣснѣйшемъ смыслѣ слова;⁴⁾ въ мірѣ растений—какъ побужденіе (*Reiz*)⁵⁾; въ жизни животныхъ и человека,—какъ *мотивація*, т. е., причинность, проходящая чрезъ познаніе⁶⁾. Но мотивъ, воспринятый способностію нашего познанія, *неизбѣжно* производитъ уже соотвѣтствующее дѣйствіе, а для самосознанія онъ обнаруживается какъ внутренняя движущая сила или какъ то, что мы обыкновенно называемъ словомъ *воля*⁷⁾. Такъ какъ мотивы въ сущности суть причины (причины нашихъ волевыхъ дѣйствій), а всякая причина неизбѣжно влечетъ за собой необходимость, то и мотивы вообще дѣй-

1) Стр. 50.

2) Стр. 51.

3) Стр. 61—62.

4) Стр. 63.

5) Стр. 64.

6) Стр. 65.

7) Стр. 66.

ствуютъ съ тою же самою необходимостію, съ какою въ физической области дѣйствуютъ причины ¹⁾). Допустимъ, объясняетъ Шопенгауэръ свое ученіе примѣромъ ²⁾),—что какой либо человекъ, стоя на улицѣ, говоритъ самому себѣ: теперь уже шесть часовъ вечера; дневной трудъ оконченъ; теперь я хочу прогуляться; или могу пойти въ клубъ; я могу также подняться на башню, чтобы посмотрѣть на заходящее солнце; могу я также пойти въ театръ; могу я посѣтить того или другого пріятеля; даже могу выбѣжать за ворота, на свободу, и никогда не возвращаться домой. Все это находится въ моей власти; я имѣю полную свободу для этого: тѣмъ не менѣе я не сдѣлаю ничего изъ этого, но совершенно по своей собственной волѣ пойду домой къ своей женѣ“. Но это было бы, заключаетъ Шопенгауэръ, ³⁾ то же самое, какъ если бы и вода сказала: я могу произвести высокія волны (да! именно въ морѣ и во время бури); я могу ринуться впередъ (да! именно въ руслѣ рѣки); я могу брызгать и пѣниться (да! именно въ водопадѣ); я могу подвяться, какъ лучъ, въ воздухъ (да! именно въ фонтанѣ); наконецъ я могу совершенно закипѣть и исчезнуть (да! при 80° тепла); тѣмъ не менѣе изъ всего этого я не сдѣлаю ничего, а останусь добровольно и спокойно въ зеркальномъ прудѣ“. Но какъ вода можетъ произвести всѣ эти явленія только тогда, когда на лицо находятся соотвѣтствующія причины того или другого явленія, такъ и человекъ можетъ дѣлать только то, что онъ считаетъ возможнымъ рѣшить по своей собственной волѣ при тѣхъ же самыхъ условіяхъ ⁴⁾). Пока нѣтъ на лицо причинъ, никакое рѣшеніе для человека невозможно; но когда является та или другая причина, онъ *долженъ* совершить соотвѣтствующее дѣйствіе. Такимъ образомъ вышеупомянутый человекъ *долженъ* идти домой къ своей женѣ, потому что мысль, что онъ можетъ также хотѣть и всего другого, т. е., идти въ клубъ и т. п., есть только воображаемая, означающая лишь то, что онъ могъ бы хотѣть этого, если-бъ онъ не хотѣлъ болѣе чего-

1) Стр. 69 и слѣд.

2) Стр. 75.

3) Ibid.

4) Стр. 76.

либо другого, именно идти домой, если бы эта мысль не была для него болѣе сильнымъ мотивомъ. На самомъ дѣлѣ онъ можетъ дѣлать только одно, и это одно онъ *долженъ* дѣлать. Впрочемъ, болѣе сильный мотивъ, явившійся въ сознаніе послѣ состоявшагося рѣшенія воли, могъ бы заставить нашу волю отказаться и отъ этого рѣшенія и принять новое, соответствующее новому болѣе сильному мотиву. Такимъ образомъ воля наша не только не свободна въ своихъ рѣшеніяхъ, но она безусловно подчинена мотивамъ и всегда слѣдуетъ за ними съ необходимостію; она какъ флюгеръ на хорошо смазанномъ крюкѣ при непостоянномъ вѣтрѣ, тотчасъ поворачивается въ сторону того мотива, который ей представляется силою воображенія и одобряется разсудкомъ ¹⁾. И человѣкъ жестоко обманывается, когда онъ воображаетъ, будто-бы онъ свободно хочетъ того, къ чему онъ вынуждается необходимостію. На этомъ основаніи человѣкъ ошибался бы, когда держа въ рукѣ заряженный револьверъ, думалъ бы, что онъ можетъ имъ застрѣлиться, если только захочетъ. Въ этомъ случаѣ самое меньшее значеніе принадлежитъ механическому исполнительному орудію, а самое главное наиболѣе сильному и потому весьма рѣдкому мотиву, имѣющему ужасную силу—побѣдить привязанность къ жизни и страхъ смерти. Но разъ этотъ мотивъ вступилъ въ сознаніе и воздѣйствовалъ на волю, человѣкъ дѣйствительно можетъ застрѣлиться и даже *долженъ* застрѣлиться, если только, конечно, этому дѣйствию не воспрепятствуетъ еще болѣе сильный мотивъ, буде таковой вообще возможенъ ²⁾. По истинѣ, говоритъ Шопенгауэръ ³⁾, какъ мало самъ по себѣ можетъ прійти въ движеніе на билліардѣ шаръ, такъ мало самъ по себѣ и человѣкъ можетъ встать съ своего стула, если только не стащить его или не побудить его къ тому опредѣленный мотивъ; но тогда его вставаніе со стула будетъ также неизбѣжно и необходимо, какъ и движеніе шара вслѣдствіе произведеннаго толчка. Ожидать,—говоритъ Шопенгауэръ, ⁴⁾—что кто-либо сдѣлаетъ нѣчто, къ чему его вовсе

1) Стр. 76.

2) Стр. 77.

3) Стр. 78.

4) Ibid.

не побуждаетъ интересъ или мотивъ, все равно, какъ ожидать что сама собою ко мнѣ придвинется часть дерева, придвинется безъ веревки, которая бы ее тащила. Однимъ словомъ, какъ всѣ предметы опыта, такъ и человѣкъ есть явленіе въ пространствѣ и времени; а такъ какъ законъ причинности для вѣхъ этихъ явленій имѣетъ значеніе а priori и, слѣдовательно, дѣйствуетъ безъ всякаго исключенія, то ему долженъ быть подчиненъ также и человѣкъ. При предположеніи свободы воли,—думаетъ Шопенгауэръ ¹⁾,—было бы совершенно необъяснимымъ чудомъ всякое человѣческое дѣйствіе, именно какъ дѣйствіе безъ причины, при чемъ, конечно, бездѣйствовалъ бы и человѣческій разумъ, такъ какъ онъ не имѣетъ возможности мыслить что-либо иначе, какъ только по закону достаточнаго основанія и въ формѣ причинности.

Впрочемъ, тотъ глубоко ошибся бы, кто на основаніи приведенныхъ разсужденій Шопенгауэра подумалъ бы, что Шопенгауэръ отрицаетъ *абсолютную свободу человеческой воли*. Нѣтъ, онъ положительно признаетъ ее, но—только не въ эмпирической, а въ *трансцендентальной* или *умопредставляемой* (intelligibler) формѣ.

Не однѣ только причины, говоритъ онъ, сами по себѣ производятъ дѣйствіе ²⁾; напротивъ каждое дѣйствіе вытекаетъ изъ двухъ факторовъ—внутренняго и внѣшняго: именно—изъ первоначальной силы того, на что производится дѣйствіе, и изъ причины опредѣляющей, которая побуждаетъ ту силу обнаруживаться въ данномъ дѣйствіи. Такимъ образомъ всякая причинность предполагаетъ первоначальную силу, изъ которой она объясняется, но которая сама остается необъяснимою. Вотъ почему какъ въ физикѣ, такъ и въ химіи, при ихъ объясненіяхъ, всегда предполагаются силы природы, которыя обнаруживаются въ феноменахъ. Въ сведеніи феноменовъ къ силамъ въ сущности и состоитъ все объясненіе, предлагаемое наукою ³⁾. Сама сила природы не подлежитъ никакому объясненію, но она есть основной принципъ всякаго объясненія. Равнымъ обра-

1) Стр. 79.

2) Стр. 80.

3) Стр. 80.

зомъ сама она не подчинена также и никакой причинности; но она именно есть то, что каждой причинѣ даетъ ея свойство—быть причиною, т. е., способность производить дѣйствіе ¹⁾. Причины не опредѣляютъ ничего иного, кромѣ времени и мѣста для обнаруженія первоначальныхъ, необъяснимыхъ силъ, при предположеніи которыхъ онѣ только и суть причины, т. е., производятъ извѣстныя дѣйствія съ необходимостію ²⁾. Но что сказано о причинахъ вообще, то нужно сказать и о мотивахъ, побуждающихъ нашу волю обнаружиться въ томъ или другомъ направленіи. Мотивы также лишь вызываютъ обнаруженіе уже не относимой болѣе ни къ какимъ причинамъ, а, слѣдовательно, и необъяснимой силы, которую мы называемъ обыкновенно *волею* ³⁾. Но если эта сила не подлежитъ уже болѣе никакой причинности, то, очевидно, сама въ себѣ она свободна.

Для этого заключенія Шопенгауэръ находитъ ⁴⁾ подтвержденіе въ особенности въ философскомъ міровоззрѣніи *Канта*, вмѣстѣ съ которымъ онъ полагаетъ различіе между явленіемъ и вещью самой въ себѣ.

Профессоръ богословія, *Прот. Т. Буткевичъ*.

(Продолженіе будетъ)

¹⁾ Ibid.

²⁾ Стр. 81.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ Стр. 112. 125—126.

ЗАПАДНАЯ СРЕДНЕВѢКОВАЯ МИСТИКА

и

ОТНОШЕНІЕ ЕЯ КЪ КАТОЛИЧЕСТВУ.

(Продолженіе *).

2. Созерцательный методъ, какъ намъ извѣстно, уже приво-
дилъ мистиковъ къ такому общему абстрактному понятію о Бо-
жествѣ, изъ котораго выдѣлялись всѣ опредѣленные свойства,
усвояемая Ему въ безпредѣльной степени, какъ совершенному
личному Существу. Средневѣковые нѣмецкіе теософы предста-
вляли Божество какъ абсолютную сущность, чуждую всякихъ
опредѣленныхъ свойствъ. Такое понятіе о Божествѣ раздѣля-
лось всѣми мистическими сектами, за исключеніемъ Іоахими-
товъ, которые въ ученіи о Богѣ Самомъ въ Себѣ оставались
вѣрными общему ортодоксальному ученію, но своею супранату-
ралистическою теоріею извращали догматъ о Троичности Лицъ.
Амальрихане, а за ними Беггарды представляли Божество
подъ видомъ субстанціи, лишенной всякихъ опредѣленныхъ
свойствъ ¹⁾. Такая Сущность признавалась основою всего
дѣйствительнаго, началомъ, находящимся въ непосредственномъ
имманентномъ отношеніи къ конечнымъ вещамъ. Абсолютное у
сектантовъ не отдѣлялось отъ конечныхъ тварей, а напротивъ,
послѣднія признавались, какъ бы модусами, или атрибутами Аб-
солютнаго. Амальрихане признавали конечныя существа акци-
денціальными формами единой Божественной сущности. „Ра-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 10, за 1897 г.

¹⁾ Deus est nihil et deus est aliquid et tamen deus nec est aliquid nec ni-
hil. Tractatus *Heimerici*.

зумыны люди“ выражали свой взглядъ на отношеніе Божества къ конечнымъ тварямъ въ такой конкретной формѣ. „Богъ вездѣ — въ камнѣ, въ членахъ человѣческаго тѣла, въ таинствѣ Евхаристіи, въ хлѣбѣ, въ раю и въ аду“. Наивысшаго выраженія своего Абсолютное, по воззрѣнію сектантовъ, достигаетъ въ духѣ человѣческомъ, такъ что конечный духъ по существу отождествляется и совершенно сливается съ безконечнымъ Духомъ.

Но а) если Божество, по ученію сектантовъ, должно быть представляемо только подъ видомъ неопредѣленной сущности, лежащей въ основѣ конечныхъ тварей, если самыя конечныя твари являются какъ бы модусами Божественной Сущности, или моментами въ развитіи ея: то, очевидно, такое Божество не можетъ быть признано безусловно совершеннымъ Существомъ. Мало того, если допустить, что Божество по существу является чѣмъ-то безкачественнымъ, безсознательнымъ, то мы должны признать Его даже менѣе совершеннымъ, чѣмъ нѣкоторыя происшедшія отъ Него ограниченныя существа. Божество не будетъ имѣть даже того, что имѣетъ человѣкъ. Такой выводъ и дѣлаютъ сектанты. Но такимъ крайнимъ приниженіемъ Божества предъ конечнымъ тварнымъ духомъ, они открыто разоблачаютъ ложность своего понятія о Немъ. Такое ложное понятіе могло бы быть устранено при правильномъ руководствѣ аналогическимъ методомъ въ заключеніи отъ свойствъ духа человѣческаго къ свойствамъ Божиимъ. Если въ силу самосознанія духъ человѣческой возвышается надъ другими существами конечнаго міра, то очевидно, что самосознаніе должно быть усвоено и Богу, но въ безконечно совершенной степени. Слѣдовательно, Бога должно признать Личностью, обладающею абсолютнымъ самосознаніемъ. Продолжая руководство тѣмъ же аналогическимъ методомъ въ заключеніи отъ свойствъ духа человѣческаго къ свойствамъ Бога, какъ Винownika его, мы можемъ придти къ болѣе полному и опредѣленному понятію о Немъ, какъ о Существомъ всесвободномъ, всемогущемъ и святомъ. Такое понятіе о Богѣ будетъ согласно съ ученіемъ Священнаго Писанія. Священное Писаніе не только учитъ о Богѣ, какъ о единомъ самобытномъ Существомъ, не только приписываетъ Ему общія метафизическія свойства вѣчно-

сти (1 Тим. I, 17), вездѣсущія (Дѣян. XVII, 26—28), но усвояетъ Ему, какъ высочайшему и совершеннѣйшему Духу (Матѣ. V, 48) въ безпредѣльной степени личныя свойства—неограниченную премудрость (1 Кор. II, 7. 1. Тим. I, 17) абсолютно—совершенную волю, въ силу которой Онъ признается существомъ всесвободнымъ (Еф. I, 11) всемогущимъ (Матѣ. XIX, 26); усвояетъ Ему также наивысшія нравственныя свойства, объединяемыя въ понятіи о святости и благодати (Исход. XXX, 6. 1 Петр. I, 13—16. Иоан. I, 17. Матѣ. XIX, 17), не исключая и Его правосудія (1 Петр. I, 17. Рим. 2, 11). Такое понятіе о Богѣ, основанное на Божественномъ Откровеніи, даетъ возможность устранить какъ крайности односторонняго схоластическаго деизма, вызывавшаго противодѣйствіе со стороны мистиковъ, въ силу котораго разрывалась связь между Богомъ и міромъ, и Богъ представлялся какъ бы безучастнымъ зрителемъ всего, происходящаго въ мірѣ Имъ же созданномъ, такъ и крайности самихъ мистиковъ, выражающіяся въ сліянніи Бога и міра. На богооткровенномъ ученіи основано здравое теистическое міросозерцаніе, въ силу котораго необходимо допустить, что Богъ принимаетъ живое и дѣятельное участіе въ мірѣ, промышляетъ о немъ, согласно съ словами Священнаго Писанія: „о Немъ мы живемъ, движемся и существуемъ“ (Дѣян. XVII, 27—28); но въ то же время сохраняетъ свою самостоятельность, безпредѣльно возвышаясь надъ міромъ, какъ надъ своимъ твореніемъ (Дѣян. XVII, 24). По словамъ св. Аѳанасія Александрійскаго, „Богъ пребываетъ во всемъ по своей благодати и силѣ, внѣ же всего (т. е. Самъ въ Себѣ, внутри Себя) по своему собственному естеству“¹⁾. Несогласное съ христіанскимъ теистическимъ міросозерцаніемъ пантеистическое ученіе о Богѣ должно быть признано несостоятельнымъ, частнѣе въ слѣдующихъ отношеніяхъ: аа) оно не можетъ объяснить происхожденія тѣхъ свойствъ, какія замѣчаются въ видимой природѣ, въ человѣкѣ, какъ определенной индивидуальной личности, одаренной разумомъ и свободою, въ исторіи всего человѣчества, насколько въ ней проявляется высшее про-

¹⁾ Преосв. Сильвестръ, Опытъ Православнаго Догматическаго Богословія т. II, 126 стр.

грессивное религіозно-нравственное развитіе. При пантеистическомъ міровоззрѣніи, Божество можетъ дѣйствовать въ мірѣ, какъ роковая сила, съ фатальною необходимостью, но то, что дѣйствуетъ съ фатальною необходимостью, дѣйствуетъ безсознательно, слѣпо, пассивно. Между тѣмъ, изъ безсознательнаго и пассивнаго не можетъ произойти сознательное, активное. Коль скоро допускается возможность происхожденія человѣческаго духа съ его разумомъ и волею изъ безсознательной субстанціи, допускается прогрессивное развитіе человечества подъ воздѣйствіемъ какой-то роковой силы; то при подобныхъ выводахъ, явно нарушается одинъ изъ основныхъ логическихъ законовъ достаточнаго основанія, по которому въ дѣйствіи не должно быть ничего такого, что не заключалось бы прежде въ причинѣ. бб) Пантеизмъ, допуская необходимое развитіе всего существующаго изъ Божественной Сущности, тѣмъ самымъ устраняетъ различіе между добромъ и зломъ, ставитъ то и другое въ причинную зависимость отъ Божества, такъ что Божество, которому какъ совершеннѣйшему Существу, должна быть усвояема безпредѣльная святость, является не только источникомъ добра, но и зла. вв) Пантеистическое ученіе о Богѣ должно привести къ полному отрицанію религіи и нравственности. Религія, какъ живое и дѣятельное взаимное отношеніе между Богомъ и человѣкомъ, возможна только подъ условіемъ представленія о Богѣ, какъ о Личномъ совершеннѣйшемъ Существѣ. Только къ такому Существу человѣкъ обращается съ молитвою, ожидаетъ отъ Него помощи, видитъ въ Немъ праведнаго Мздовоздателя, награждающаго добродѣтель и карающаго порокъ какъ въ этой, такъ и въ будущей жизни. Но если Богъ представляется безсознательною сущностью, то основанія и побужденія къ истинной религіозности устраняются. Если божественная субстанція служитъ сущностью человѣка, въ такомъ случаѣ человѣкъ всецѣло ею опредѣляется. Потому всѣ дѣйствія человѣка должны быть признаны безразличными, или одинаково законными, какъ дѣйствія, опредѣляемыя божественною субстанціею, присущею ему. При такомъ представленіи объ имманентномъ отношеніи божественной сущности къ человѣку, въ послѣднемъ должна быть отвергнута свобода въ дѣя-

тельности, нравственные обязанности должны утратить всякую силу, отвѣтственность за поступки, возмездіе въ будущей жизни должны быть признаны по существу актами несправедливыми и потому невозможными. Такъ пантеистическое ученіе о Богѣ само по себѣ можетъ привести къ полному нигилизму. Этотъ нигилизмъ и служилъ общимъ результатомъ мистико-пантеистическихъ системъ сектантовъ, хотя, какъ мы увидимъ, онъ въ значительной степени обусловливался, независимо отъ общаго пантеистическаго начала, и тѣмъ субъективнымъ созерцательнымъ методомъ, на которомъ они обосновывали религію и нравственность.

б) Признавая Божество по своей сущности лишеннымъ опредѣленныхъ свойствъ, чѣмъ-то безкачественнымъ, сектанты однако допускали что Оно опредѣляется по отношенію къ міру какъ Отецъ, Сынъ и Духъ Святой. Однако они не возвышались до признанія богооткровеннаго догмата о Троичности Лицъ. Понятіе сектантовъ о Лицахъ Пресвятыя Троицы крайне неустойчиво, но несомнѣнно оно имѣло характеръ еретическій. Лица Пресвятыя Троицы сектанты признавались подъ видомъ различныхъ силъ, или образовъ Божества чрезъ посредство которыхъ Оно по временамъ открываетъ себя въ мірѣ. Амальрихане учили объ откровеніяхъ Бога въ мірѣ подъ различными именами Отца, Сына и Духа Святаго ¹⁾. Ортлибары пользовались ученіемъ о Троичности Лицъ только для обозначенія взаимныхъ религіозныхъ отношеній между людьми. Беггарды слѣдовали тѣмъ и другимъ, при чемъ въ формѣ религіозныхъ откровеній представляли себѣ проявленіе Бога въ людяхъ подъ именемъ того, или иного Лица Пресвятыя Троицы. „Она явилась только со времени рожденія Іисуса Христа, а раньше ея не было“ ²⁾. Іоакимиты отличались отъ мистико-пантеистическихъ сектъ тѣмъ, что Лица Пресвятыя Троицы представляли въ смыслѣ самостоятельныхъ Упостасей, имѣющихъ божественную природу, но ослабляли единство Ихъ по сущности, раз-

¹⁾ Pater in Abraham incarnatus, Filius in Maria, Spiritus in nobis quotidie incarnatur.

²⁾ Est Pater, qui aliquem trahit praedicatione sua in sectam; Filius, qui trahitur, Spiritus Sanctus, qui cooperatus est trahenti...

граничивая до противоположности участіе ихъ въ исторіи божественнаго домостроительства. Спиритуалистическою доктриною Іоахимитовъ проводилась идея о прогрессивномъ развитіи Божественнаго Откровенія въ теченіе трехъ періодовъ, соотвѣтствующихъ различной (до противоположности) дѣятельности Отца, Сына и Духа Святаго. Выходило, что всѣ истины, открытыя Отцемъ въ Ветхомъ Завѣтѣ, совершенно потеряли силу со времени явленія въ міръ Сына Божія, а Евангельское ученіе, открытое Сыномъ Божиимъ, должно оказаться излишнимъ со времени сошествія Святаго Духа и окончательнаго открытія новаго духовнаго царства въ обществѣ Іоахимитовъ¹⁾. Этою доктриною воспользовались Амальрихане, а за ними до извѣстной степени Беггарды еще шире для того, чтобы оправдать свой субъективный взглядъ на прогрессивное развитіе въ исторіи человѣчества въ смыслѣ постепеннаго освобожденія не только отъ обрядоваго Моисеева закона, имѣвшаго прообразовательное отношеніе къ Новому Завѣту, но также въ крайнемъ мистико-пантеистическомъ смыслѣ полнаго спиритуализированія христіанства—въ отрѣшеніи его отъ догматовъ, обрядовъ и даже отъ началъ нравственнаго закона. Ученіе сектантовъ о Троичности Лиць несостоятельно въ слѣдующихъ отношеніяхъ: аа) Оно заключаетъ въ себѣ непримиримое противорѣчіе между основаніемъ и слѣдствіями, выводимыми изъ него. Основаніемъ мистико-пантеистической системы служитъ общее понятіе о божественной субстанціи, какъ чуждой всякой опредѣленности. А между тѣмъ въ выводѣ объ отношеніи Божества къ міру допускается Его развитіе въ извѣстныхъ формахъ. Это понятіе о развитіи Божества, совершающееся съ необходимостью даже въ опредѣленное время, притомъ имѣющее окончиться съ прекращеніемъ міровой жизни, явно ограничиваетъ Его, сближаетъ съ конечными тварями. Конечно, въ силу такихъ перемѣнъ, Божество уже не можетъ признаваться Существомъ неизмѣняемымъ и свободнымъ, какимъ Оно должно быть по своей природѣ. Ограниченіе Божества доводится до крайней степе-

¹⁾ Теорія о прогрессивномъ развитіи Божественнаго Откровенія впервые была выражена монтеизмомъ, но далеко не проведена съ тою рѣшительною послѣдовательностью, съ какою она проводилась позднѣйшими мистическими сектами.

ни, когда подъ именемъ Лицъ Пресвятой Троицы откровения Божіи переносятся на людей и люди превращаются въ Лицъ Пресвятой Троицы, такъ что по произволу съ крайнимъ кощунствомъ даются имъ имена Отца, Сына и Духа Святаго. Здѣсь пантеизмъ получаетъ форму языческой антропологии, которая въ свое время была обличаема Апостоломъ Павломъ: „И славу нетлѣннаго Бога измѣнили въ образъ, подобный тлѣнному человѣку“ (Рим. I, 23 ст.). Истинное понятіе о Троичности Лицъ даетъ намъ Священное Писаніе. Оно съ полною опредѣленностью возвѣщаетъ намъ, что крещеніе Господне было торжественнымъ актомъ явленія міру Трехъ Лицъ Божества (Матѣ. III, 16—17). Самъ Господь призналъ вѣру въ Лицъ Пресвятыя Троицы обязательною для членовъ основанной Имъ Церкви, почему заповѣдалъ Апостоламъ учить всѣ народы, крестя ихъ во Имя Отца и Сына и Святаго Духа (Матѣ. XXVIII, 19. 20), прибавляя къ этому, по замѣчанію другаго Евангелиста: „кто будетъ вѣровать, спасенъ будетъ; а кто не будетъ вѣровать, осужденъ будетъ“ (Марк. XVI, 16). бб) Спиритуалистическая доктрина Іоакимитовъ, разрывающая связь между различными состояніями Церкви Божіей, по разграниченію дѣятельности Лицъ Пресвятыя Троицы въ исторіи домостроительства Божія, ясно опровергается тѣми мѣстами Священнаго Писанія, въ которыхъ указывается на равное божественное достоинство Лицъ Пресвятыя Троицы по единству сущности, а отсюда на равное божественное значеніе ихъ дѣятельности. Такъ Священное Писаніе открываетъ, что все, чему училъ и что дѣлалъ Сынъ Божій на землѣ, все это принадлежитъ Ему столько же, сколько и Богу Отцу; въ Немъ Отецъ пребываетъ и Онъ во Отцѣ (Іоан. X, 38. XIV, 10—11). „Кто видѣлъ Сына, тотъ видѣлъ и Отца (XIV, 9). Какъ Отецъ донынѣ дѣлаетъ, такъ и Сынъ донынѣ дѣлаетъ“ (V, 17—21, 26). Ученикамъ своимъ Спаситель говорилъ: „Духъ истинны“, который будетъ посланъ къ вамъ вмѣсто Меня“ не отъ Себя будетъ учить васъ, но будетъ говорить, что услышитъ и будущее возвѣститъ вамъ. Онъ прославитъ Меня, потому что отъ Моего возьметъ и возвѣститъ васъ. Все, что имѣетъ Отецъ, есть Мое“ (Іоан. XVI, 13—15). Отсюда не можетъ быть сомнѣнія, что въ раз-

личныхъ Лицахъ Пресвятыя Троицы явился міру Единый Богъ, почему тѣ истины, которыя Богомъ были открываемы, какъ вѣчно обязательныя, должны сохранять свою силу на всѣ времена. Та измѣняемость по существу, которая свойственна конечнымъ тварямъ, не можетъ принадлежать Богу, являющемуся равнымъ Себѣ въ словахъ и дѣлахъ. Священное Писаніе учитъ, что у Бога нѣтъ ни тѣни переменъ (Іоан. I, 17). *Азъ Господь Богъ вашъ*, говоритъ о Себѣ Самъ Богъ, *и не измѣняюся* (Малах. III, 6). „Богъ не человѣкъ, чтобы Ему лгать и не Сынъ человѣческій, чтобы Ему измѣняться“ (Числ. XXIII, 14. ср. I Цар. XV, 24. Пс. LI, 26—28). Если Единый Богъ дѣйствовалъ въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтѣ, то нельзя ихъ разграничивать въ такомъ смыслѣ, чтобы между ними была полная противоположность, такъ какъ бы первый исключительно былъ основанъ на началѣ правосудія, а второй на началѣ любви. Въ такомъ случаѣ оказались бы болѣе послѣдовательными гностики, допускавшіе для обоихъ завѣтовъ двухъ различныхъ дѣятелей въ лицѣ двухъ Эоновъ. Но такой взглядъ на разграниченіе Завѣтовъ уже былъ въ свое время основательнѣйшимъ образомъ опровергнутъ Отцами и Учителями Церкви. Такъ святой Иринеи Лионскій доказываетъ, что Одинъ Богъ, возвѣщенный законами и пророками, открылъ себя въ обоихъ Завѣтахъ. „Такъ какъ въ обоихъ Завѣтахъ проявляется та-же правда Божія въ наказаніи оскорбителей Бога и тамъ прообразовательно, временно и умѣреннѣе, а здѣсь (въ Новомъ) истинно вѣчно и гораздо строже, ибо вѣчный огонь и съ неба открывающійся гнѣвъ Божій отъ Лица Господа Нашего причиняетъ большую казнь подвергающимся ей: то пресвитеры выставляли безсмысліе тѣхъ, которые на основаніи того, что было съ прежде неповиновавшимися Богу, пытаются ввести другого Отца, противопоставляя сему то, какъ много по своему милосердію сдѣлалъ Господь пришедши для спасенія принявшихъ Его, а умалчивая о Его судѣ и о томъ, что ожидаетъ слышавшихъ Его ученіе и не исполнявшихъ и что Содому и Гоморрѣ отраднѣе будетъ на судѣ, чѣмъ тому городу, который не принялъ словъ Его учениковъ¹⁾. „Все одной и той-же сущ-

¹⁾ Св. Иринеи „Противъ ересей“, кн. IV, гл. V. 508—509. Переводъ свщ. Преображенскаго.

ности, т. е. отъ одного и того же Бога, какъ и Господь говорить ученикамъ: поэтому всякій книжникъ, наученный царству небесному, подобенъ хозяину, который выносить отъ сокровищницы своей новое и старое. (Матѣ. XIII, 52). Онъ не училъ, что одинъ выносить старое, а другой новое, но что это одинъ и тотъ-же. Ибо Господь есть хозяинъ, управляющій всѣмъ домомъ Отца! Онъ рабамъ и еще не обученнымъ даетъ соответственный законъ, а свободнымъ и оправданнымъ вѣрою даетъ сообразныя заповѣди и сынамъ открываетъ свое наслѣдство. Тотъ и другой Заветъ произвелъ одинъ и тотъ-же домохозяинъ Слово Божіе, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, который говорилъ съ Авраамомъ и Моисеемъ, а въ послѣднія времена возвратилъ намъ свободу и умножилъ происходящую отъ Него благодать¹⁾. Это единство въ дѣятельности всѣхъ Лицъ Пресвятой Троицы ясно утверждаетъ св. Иринеѣ, принимая во вниманіе, что Сынъ, совершивъ дѣло искупленія, отошелъ къ Отцу, а начатое Имъ дѣло продолжается въ Церкви Духъ Святой. „Таково, говоритъ онъ, распредѣленіе и распорядокъ спасаемыхъ и постепенно усовершенваемыхъ, что чрезъ Духа они восходятъ къ Сыну, а чрезъ Сына къ Отцу“²⁾. Св. Діонисій Римскій въ своемъ посланіи (*Adversus Sabellios*) сильно порицаетъ Савеліанъ за то, что они раздѣляютъ святую Единицу на три отдѣльныя и одна отъ другой чуждыя Впостаси. Такое ученіе есть Маркіоново, а Маркіонъ училъ не какъ ученикъ Христовъ, а какъ ученикъ діавола. Маркіониты не знаютъ ясно Троицы, проповѣдуемой божественнымъ писаніемъ; ни Ветхій, ни Новый Заветъ не учатъ о трехъ богахъ³⁾. „Божественному Слову“, пишетъ св. Діонисій, „необходимо быть въ единеніи съ Богомъ всяческихъ и Св. Духу должно пребывать и вселяться въ Богъ,—такъ чтобы Божественная Троица обновлялась и сосредоточивалась въ Богѣ Вседержителѣ, какъ въ своей главѣ“⁴⁾. Спиритуалистическая доктрина о прогрессивномъ развитіи Божественнаго

1) Св. Иринеѣ „Противъ ересей“, книга IV, гл. IX, стр. 429—431.

2) Ibid. кн. V, гл. 36, стр. 685.

3) *Patrologiae cursus completus* ed. Migne 1844. t. V, p. 112. Гусевъ, Ересь Антиринятаріевъ Казань. 1872. Стр. 243.

4) Ibid.

Откровенія въ томъ смыслѣ, какъ бы въ заключеніи оно, подъ воздѣйствіемъ Духа Святаго, должно представить существенное усовершеніе христіанства, находила себѣ опроверженіе со стороны тѣхъ представителей Церкви, которые старались противодѣйствовать крайностямъ монтеизма. По словамъ Климента Александрійскаго, періодъ истиннаго откровенія законченъ ¹⁾. „Слово все для насъ и Отецъ, и Мать, и Педагогъ“ ²⁾. „Желающій жить по закону Евангельскому не можетъ ни прибавить къ нему, ни отнять отъ него что-либо“. По словамъ св. Иринея Ліонскаго, какъ „солнце это твореніе Божіе—во всемъ мірѣ одно и то же; такъ и проповѣдь истины вездѣ сіяетъ и просвѣщаетъ всѣхъ людей, желающихъ придти въ познаніе истины. И ни весьма сильный въ словѣ изъ предстоятелей Церковныхъ не скажетъ много въ сравненіи съ симъ ученіемъ, ибо никто не выше Учителя,—ни слабый въ словѣ не умалитъ преданія. Ибо такъ какъ вѣра одна и та-же, то и тотъ, кто многое можетъ сказать о ней, не прибавляетъ и кто малое, не умаляетъ. Большее же или меньшее знаніе нѣкоторыхъ, по мѣрѣ разумѣнія, состоитъ не въ измѣненіи самаго содержанія,—не въ томъ, чтобы измышляли иного Бога, кромѣ Создателя, Творца и Питателя сей вселенной, какъ будто не удовольствуясь Имъ, или иного Христа, или иного Единороднаго но въ томъ, что тщательно изслѣдуютъ мысль сказаннаго въ притчахъ и соглашаются содержаніемъ вѣры“ ³⁾. „Впослѣдствіи именно этотъ взглядъ на раскрытіе догматовъ вѣры, съ особенною обстоятельностью былъ развитъ въ цѣломъ трактатѣ Викентія Лиринскаго. „Съ приращеніемъ лѣтъ“, пишетъ онъ, тѣла раскрываютъ и развиваютъ свои члены; однако остаются тѣмъ-же, чѣмъ были. Цвѣтущая пора дѣтства и зрѣлый воз-

¹⁾ Domini quae fuit in adventu doctrina, cum coepisset ab Augusto, medio tempore consummatur Apostolorum avtem Ejus doctrina usque ad Pavli ministerium, Neronis tempore consummatur. Inferius avtem circa tempora Adriani imperatoris fuerunt, qui haereses excogitantur. Strom. lib. 7, cap. XVII, p. 898. Изслѣдованіе *Касицина* „Расколы первыхъ вѣковъ христіанства“ В. I. М. 1889 стр. 55.

²⁾ Verbum est omnia infanti et Pater et Mater et Paedagogus et Altor. Clem. Alex. Paedag. lib. I, cap. 6, t. I, p. 123.

³⁾ Св. Иринея „Противъ ересей“ кн. I, гл. X, 2—3, 45—46.

расть старческой очень различны между собою, однако стариками дѣлаются тѣ-же самыя, которые были прежде. Настоящій правильный законъ преуспѣянiя, непреложный и благолѣпнѣйшій порядокъ возрастанiя несомнѣнно тотъ, когда теченiе лѣтъ развиваетъ въ болѣе зрѣлыхъ возрастахъ непремѣнно тѣ-же самыя составныя части и формы, какiя премудрость Творца предназначала въ малюткахъ. Этому же закону преуспѣянiя необходимо должно слѣдовать и догматическое учене христіанской вѣры. На церковной нивѣ предки наши посѣяли въ древности сѣмена пшеницы вѣры. Несправедливо и несообразно съ существомъ дѣла, чтобы мы, потомки ихъ, вмѣсто хлѣба, неподложной истины, оставили послѣ себя на слѣдникамъ подмѣненные плевелы, заблужденiя. Напротивъ, такъ какъ конецъ и начало не должны быть взаимно противорѣчивы, законно и послѣдовательно, чтобы отъ возрастанiя пшеницы посѣва мы пожали плоды тоже пшеницы догматической. Пусть первоначальныя посадки, съ теченiемъ времени развиваясь постепенно удобряются и воздѣлываются и теперь; но свойства ростковъ никакъ не могутъ быть измѣняемы. Пусть придается имъ видъ, форма, раздѣльность; но природа каждаго сорта должна остаться та-же. Не должно, напр., розовые кусты вселенскаго ученiя превращать въ терновникъ и волчцы¹⁾.

3. Космологическія воззрѣнiя сектантовъ имѣютъ пантеистическія оттѣнки, хотя они не отличаются тою опредѣленностью и цѣльностью, какою отличаются въ этомъ отношенiи аналогичныя по направленiю позднѣйшія философскія системы. Ортлибары голословно утверждали фактъ вѣчнаго существованiя міра. Изъ частныхъ выводовъ объ откровенiи Божества въ мірѣ не можетъ быть сомнѣнiя, что они склонны были производить самый міръ изъ божественной субстанціи, но только по духовнымъ, идеальнымъ типамъ, или формамъ, потому что матерію поставляли въ полную противоположность по отношенiю къ духовному началу и признавали ее источникомъ зла. Очевидно, въ основѣ ихъ космологіи лежалъ пантеистическій дуализмъ, соотвѣтствующій дуализму сирійскихъ гнос-

1) S. Vincentii Lirinensis Commonitorium primum, seu tractatus Peregrini. Patrologiae cursus completus... Migne t. L.

тиковъ, или манихеевъ ¹⁾, Амальрихане происхожденіе міра объясняли частиѣе въ духѣ Эригены посредствомъ реализаціи идей, или типовъ вещей, заключенныхъ въ божественной субстанціи, совершающейся съ натуральною необходимостью. Беггарды придерживались ученія Амальриханъ, но нѣсколько восполняли это ученіе обоснованіемъ всего существующаго изъ Божества путемъ эманациі, понимая ее въ смыслѣ прогрессивнаго самораскрытія Божества. Духъ человѣка съ полною опредѣленностью производился изъ божественной субстанціи и имъ обуславливалось самосознаніе Божества такъ, какъ бы въ немъ только Божество начинало сознавать Себя и любить Себя ²⁾. Однако Беггарды не дошли до чистаго пантеистическаго монизма. Къ пантеизму ихъ примѣшивался дуализмъ, но утонченный, какъ у гностиковъ александрійскихъ. Божественной субстанціи они противопоставляютъ матерію, существующую отъ вѣчности въ платоновскомъ смыслѣ, какъ начало несущее, не имѣющее никакихъ качествъ. Оно, по всей вѣроятности, мыслилось какъ всеобщій субстратъ всего тѣлеснаго ³⁾. При такихъ космологическихъ воззрѣніяхъ, зло представлялось необходимымъ, было ли оно оскудѣніемъ божественной жизни, вслѣдствіе нисхожденія Божества изъ себя въ рядъ низшихъ тварей въ регрессивномъ порядкѣ, или слѣдствіемъ вѣчно существующей матеріи. На установившейся міровой порядокъ сектанты смотрѣли или съ идеалистической—оптимистической точки зрѣнія, или съ точки зрѣнія пессимистической. Идеалистическаго оптимизма въ большей степени придерживались Амальрихане и Беггарды. По ученію Амальриханъ, конечныя твари—это акциденціальныя формы Божественной сущности, не имѣющія сами по себѣ реальности (акос-

1) Bei der Ortliebariern fehlt jene allgemeine pantheistische Voraussetzung und es macht sich in verschiedenen Sätzen eine Einwirkung des Dualismus geltend wie er in jener Zeit von den Neumanichäern oder Katharern gelehrt wurde *Preger*, op. cit. I, 192.

2) Dicere, quod anima sit sumpta de substantia dei Manicheorum haeresis est... thes. 7. Deitas dependet ab homine, unde necessario quaesit hominem. *Tractatus Heimerici* thes. 6.

3) Къ сожалѣнію, точныхъ указавій на значеніе матеріи въ процессѣ возникновенія міра мистики не даютъ. Объ этомъ мы можемъ заключать по аналогіи съ ихъ другими выводами.

мизмъ). Они склонны были къ идеализаціи язычества и къ ограниченію въ христіанствѣ тѣхъ специфическихъ особенностей, которыя возвышаютъ его надъ язычествомъ¹⁾. Въ этомъ смыслѣ нужно понимать ихъ положеніе: „Богъ говорилъ одинаково устами Овидія и бл. Августина“. Оптимистическимъ отношеніемъ къ дѣйствительности обуславливалось оправданіе антиномизма. Наказанія за грѣхъ въ будущей жизни отрицались ими, какъ несогласныя съ Божественною благостію, при чемъ видимо правосудіе Божіе отрицалось. Беггарды, въ общемъ соглашавсь съ оптимистическими воззрѣніями ихъ, съ своей стороны въ грубой конкретной формѣ обоготворяли конечныя твари. „Все въ мірѣ божественно, а потому все идеально совершенно“. Небожественное не можетъ считаться даже дѣйствительнымъ. Зло, съ точки зрѣнія Беггардовъ, было однимъ изъ моментовъ добра, столько же необходимымъ для усовершенствованія цѣлаго, сколько и добро. Самый грубый антиномизмъ ими оправдывался. Ортлибары, подъ вліяніемъ дуализма, были болѣе склонны къ пессимизму, насколько можно заключить изъ ихъ ригористическаго аскетизма, болѣе суроваго отрицанія значенія внѣшнихъ религіозныхъ формъ. Къ такому же пессимизму въ отношеніи къ современной дѣйствительности склонялись Іоахимиты, видѣвшіе только въ будущемъ, въ силу своихъ апокалиптическихъ мечтаній, наступленіе идеальнаго порядка. Но пессимизмъ во всякомъ случаѣ завершалъ собою мистико-пантеистическія системы, такъ какъ онѣ заканчивались положеніемъ, выраженнымъ съ особенною опредѣленностью Беггардами, что все въ концѣ концовъ возвратится въ Божество съ тою же необходимостію, съ какою вышло изъ Него.

Такого рода космологическія воззрѣнія сектантовъ должны быть признаны несостоятельными. а) Наблюденіе надъ свойствами конечныхъ тварей свидѣтельствуетъ объ ихъ условности, измѣняемости и ограниченности. Потому міръ не можетъ быть признанъ вѣчнымъ и самобытнымъ. Онъ не можетъ имѣть причины существованія въ себѣ самомъ, а долженъ быть признанъ зависимымъ отъ причины, лежащей внѣ его, ничѣмъ не обу-

¹⁾ *Снейресз.* Ученіе о Лицѣ Иисуса Христа. 73—83.

словливаемой и не ограничиваемой. Нельзя, однако остановиться на пантеистическомъ объясненіи происхожденія міра путемъ эманации изъ Абсолютнаго. Такая эманация непримирима съ истиннымъ понятіемъ о Всесовершенномъ Существовѣ, которое не можетъ измѣняться подобно конечнымъ существамъ, не можетъ подлежать общимъ натуральнымъ условіямъ въ своемъ развитіи. Нельзя объяснить также происхожденіе конечныхъ существъ изъ абсолютной сущности въ силу эманации, потому что въ такомъ случаѣ всѣ существа были бы признаны находящимися въ Богѣ отъ вѣчности и являлись бы только модификаціями божественной сущности, со всѣми божественными свойствами. Но приписать такія свойства конечнымъ тварямъ нельзя, потому что они измѣняемы, условны и ограничены. Такая причина происхожденія міра должна находиться внѣ міра, стоять не въ имманентномъ, а въ трансцендентномъ отношеніи къ нему; она должна по своимъ свойствамъ безусловно возвышаться надъ міромъ. Только Богъ, какъ Личное Всесовершенное Существо, могъ положить начало міру не въ силу внутренней или внѣшней необходимости самораскрытія Своего Существа, а по волѣ Своей путемъ творенія. Онъ создалъ міръ безъ всякой убыли Своей сущности, пребывъ по своему Существовѣ тѣмъ же неизмѣннымъ. И если съ понятіемъ о Богѣ, какъ Всесовершенномъ Существовѣ, непримиримо происхожденіе отъ Него міра по необходимому саморазвитію, или самораскрытію Его въ ряду конечныхъ тварей: то равно непримиримо съ тѣмъ же понятіемъ образованіе Имъ міра изъ готовой вѣчной матеріи. Коль скоро будетъ допущена внѣ Бога вѣчная матерія, то она —будетъ ли началомъ пассивнымъ, или активнымъ, внесетъ ограниченіе въ понятіе о Богѣ, ни въ чемъ не имѣющемъ нужды, довлѣющемъ въ Себѣ. Въ дуалистическихъ системахъ Богъ въ произведеніи міра представляется подобнымъ художнику человѣку, ограничиваемому въ своемъ произведеніи внѣшнимъ матеріаломъ. Но превосходство абсолютной и всемогущей воли предъ ограниченою состоитъ именно въ томъ, что она производитъ не только объекты, отличные отъ себя, но и самыя, такъ сказать, матеріалы, изъ котораго они должны быть произведены. Потому Богъ долженъ быть признанъ

Творцомъ міра не только по формѣ, но и по существу. Эта истина о созданіи міра Богомъ изъ ничего, безъ вѣчной матеріи, по свидѣтельству Священнаго Писанія, ясно выражается въ словахъ благочестивой Іудеянки, матери Маккавеевъ, которыми она увѣщаетъ одного изъ своихъ сыновей къ терпѣливому перенесенію мученій: *молю тя, чадо, до воззриши на небо и землю и вся, яже въ нихъ, видящъ, уразумѣши, яко отъ несущихъ сотвори сія Богъ* (2 Мак. VII, 28). Въ Новомъ Завѣтѣ точно также повторяется ученіе о твореніи, какъ центральный догматъ монотеизма, какъ одно изъ основаній, на которомъ зиждется наша христіанская вѣра и жизнь (Евр. XI, 3. Іоан. I, 3. Дѣян. XIV, 15—17. IV, 24). Св. Отцы и учителя Церкви не только подтверждали эту истину о созданіи міра Богомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ указывали на несостоятельность противоположныхъ мнѣній о возникновеніи міра изъ Божественной сущности путемъ самораскрытія ея, или объ образованіи міра изъ готовой матеріи. Бл. Августинъ говоритъ: „вселенная сотворена, а не родилъ ее Богъ изъ Самого Себя, чтобы быть ей тѣмъ-же, чѣмъ Самъ Онъ есть. Напротивъ, Онъ создалъ ее изъ ничего, чтобы не была равною ни Тому, Кѣмъ создана, ни Сыну Его, чрезъ Котораго создана“ ¹⁾. „Поелику многіе“, говоритъ Василій Великій, „представляли, что міръ не сотворенъ Богомъ, а самъ собою осуществился будучи какъ бы оттѣнкомъ Божія могущества и потому, хотя признавали Бога причиною міра, но причиною произвольною, какъ тѣнь бываетъ причиною тѣни, или сіяющее—сіянія; то пророкъ, предупреждая эту ложную мысль, выразился объ этомъ самымъ точнымъ образомъ, сказавъ: *вначалѣ сотвори Богъ*. Богъ былъ для міра не этимъ однимъ, т. е. не причиною только бытія, но сотворилъ, какъ благій полезное, какъ премудрый—прекраснѣйшее, какъ могущественный—величайшее“ ²⁾. Св. Іустинъ, полагая причину міра въ Богѣ, прямо отвергаетъ то платоновское мнѣніе, будто Богъ не сотворилъ, а только образовалъ міръ изъ совѣчной Себѣ матеріи; потому что если бы дѣйствительно матерія была вѣчна, то она была бы свободна отъ всякой

¹⁾ Преосвящ. Сильвестръ, Опытъ Православнаго Догматическаго Богословія т. III, 42.

²⁾ Бесѣды на шестодневъ. Тамъ-же стр. 43.

внѣшней необходимости и могла бы противиться волѣ Создателя, если бы Онъ не былъ ея Творцемъ“ ¹⁾).

б) Идея о созданіи міра Богомъ имѣетъ важное значеніе не только потому, что на основаніи ея для насъ представляется яснымъ происхожденіе міра; но также и потому, что она способствуетъ надлежащему уясненію особенностей міроваго порядка въ его настоящемъ видѣ, устраняющему указанныя нами крайности мистиковъ, допускаемая ими въ ихъ дальнѣйшихъ выводахъ. Если міръ произошелъ отъ Бога въ силу свободной воли Его; то при своемъ происхожденіи, онъ долженъ быть чуждъ зла, которое противорѣчитъ безпредѣльной святости Божіей и стоитъ въ противорѣчьи съ назначеніемъ тварей. Зло должно быть признано въ мірѣ не естественнымъ и необходимымъ явленіемъ, согласно съ мистико-пантеистическою доктриною, все безразлично производящею изъ божественной сущности, а явленіемъ случайнымъ и ненормальнымъ, происшедшимъ отъ злоупотребленія свободою со стороны духовно-разумныхъ существъ по отношенію къ Творцу. Потомъ, какъ свидѣтельствуется Божественное Откровеніе, если зло есть явленіе случайное и ненормальное, то оно можетъ быть путемъ борьбы ослабляемо, или побѣждаемо, хотя идеальное совершенство можетъ быть окончательно достигаемо духовно-разумными существами при дѣятельномъ отношеніи къ нему за предѣлами земной жизни. Потому несправедливо какъ оптимистическое воззрѣніе мистиковъ на міръ, ослабляющее тяжесть зла, представляющее его только однимъ изъ моментовъ добра или обезразличивающее зло; такъ и пессимистическое воззрѣніе на зло, какъ на начало необходимое, безусловно препятствующее достиженію личнаго счастья. Настоящій міръ не заключаетъ въ себѣ въ безпредѣльной степени полного идеальнаго совершенства, не можетъ быть признанъ божественнымъ въ пантеистическомъ смыслѣ; но во всякомъ случаѣ, какъ цѣлесообразно устроенное цѣлое, онъ отражаетъ въ себѣ совершенства Творца, насколько возможно тварямъ, при опредѣленныхъ имъ условіяхъ и законахъ бытія ²⁾. Такой взглядъ на міръ въ его первоначальномъ

¹⁾ Діалогъ съ Трифономъ 5. Переводъ Свящ. Преображенскаго, стр. 153.

²⁾ *Кудряковъ*, Начальныя основанія философіи. 324 стр.

и послѣдующемъ состояніи согласенъ съ ученіемъ Священнаго Писанія и Отцевъ Церкви. Священное Писаніе ясно учитъ, что міръ вышелъ изъ рукъ Творца желаннымъ по совершенству (Быт. I, 31). По словамъ Екклезіаста, Богъ все содѣлалъ прекраснымъ въ свое время (Еккл. III, 11). Онъ все создалъ для бытія и все въ мірѣ спасительно (Прем. I, 14. XI, 25). Но грѣхъ духовно-разумныхъ существъ извратилъ міровой порядокъ (Іоан. VIII, 44. Прем. 2, 24. Быт. III, 8. Рим. V, 18—19). Не смотря на появленіе нравственнаго зла со всѣми физическими бѣдствіями и смертію, міръ, по словамъ Священнаго Писанія, не перестаетъ служить чуднымъ и величественнымъ органомъ откровенія славы, премудрости и благодати Божіей (Пс. XVIII, 2. LIII, 24. CXLIV, 9); не перестаетъ служить самымъ лучшимъ училищемъ для воспитанія людей истинному Боговѣдѣнію и Богопочтенію (Пс. XXXIX, 26. LXXXV, 8—10. Рим. I, 20). Однако откровеніе не признаетъ настоящаго міра наилучшимъ и совершеннѣйшимъ. Оно учитъ о замѣнѣ его нѣкогда болѣе лучшимъ и совершеннѣйшимъ, когда *будутъ новое небо и новая земля* (2 Петр. 3, 3) и *когда сама тварь освободится отъ рабства тлѣнію въ свободу славы чадъ Божіихъ* (Рим. VIII, 21). И по воззрѣнію Отцевъ Церкви, настоящей міръ не есть наилучшій и совершеннѣйшій міръ уже по тому самому, что есть мѣсто только воспитанія и подвига для людей, служитъ переходною ступеню къ другому ожидаемому въ будущемъ лучшему и совершеннѣйшему міру ¹⁾. Но они чужды были пессимистическаго воззрѣнія на міръ. По воззрѣнію Отцевъ Церкви, зло не есть какая-либо сущность, имѣющая дѣйствительность (субстанціальное бытіе), подобно другимъ существамъ созданнымъ Богомъ, а есть только уклоненіе существъ отъ естественнаго состоянія, въ которомъ поставилъ ихъ Творецъ въ состояніе противоположное. Потому не Богъ—виновникъ зла, но оно происходитъ отъ самыхъ существъ, уклоняющихся отъ своего естественнаго состоянія и предназначенія. „Вѣруй, поучаетъ Св. Григорій, что зло не имѣетъ особой сущности, ни царства, что оно ни безначально, ни самобытно, а равно

¹⁾ Злат. Бес. на Еванг. Мате. XIII, 6. Преосвящ. Сильвестръ, Опытъ Православнаго Догматическаго Богословія III, 133.

не сотворено Богомъ, но есть наше дѣло, дѣло лукаваго и превзошло въ насъ отъ нашего нерадѣнія, а не отъ Творца ¹⁾. По мнѣнію Отцевъ Церкви, Богъ Своимъ промыслительнымъ отношеніемъ къ міру ограничиваетъ нравственное зло и пользуется самымъ физическимъ зломъ, то для наказанія людей за грѣхи, то съ воспитательною цѣлью исправленія ихъ ²⁾.

4. Съ космологическими воззрѣніями сектантовъ стоятъ въ тѣсной связи ихъ воззрѣнія антропологическія. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ мало данныхъ для цѣльнаго воспроизведенія сектантской мистической антропологии. Исключеніе въ этомъ отношеніи представляютъ Беггарды, которые являются болѣе послѣдовательными въ мистико-пантеистическомъ направленіи. Ихъ антропология сводится къ мистико-пантеистическому спиритуализму: она выражается въ обожествленіи духа человѣческаго. Духъ человѣческой ставится въ непосредственную связь съ Божествомъ, при чемъ видимо съ цѣлью павозможно большаго возвышенія его по достоинству природы существованіе ангеловъ совершенно отрицается, такъ что библейское сказаніе о созданіи ангеловъ для Беггардовъ утрачиваетъ всякую фактическую достовѣрность ³⁾. Мы знаемъ, что по происхожденію своему духъ непосредственно производится Беггардами изъ Божественной субстанціи. Онъ потому признается существовавшимъ отъ вѣчности въ Божествѣ ⁴⁾. На него переносятся божественныя свойства. Ему приписывается участие въ твореніи міра даже въ большей степени, чѣмъ Самому Богу ⁵⁾. Конечно, здѣсь Беггарды думаютъ выразить пантеистическую мысль о томъ, что, въ силу эманаций духъ по происхожденію предшествовалъ низшимъ тварямъ и былъ по отношенію къ нимъ обуславливающею причиною. Совершенство духа вы-

¹⁾ Слово на Крещеніе 2-е. Свято-Отечская, Хрестоматія Протоіерея Благо-разумова. М. 1883 г., стр. 230.

²⁾ Преосв. Спальвестръ, Опытъ Православнаго Догматическаго Богословія III, 133.

³⁾ Quod dicitur quod nec angelus sit nec demon de antiqua heresi est Esseorum, quem Christus evangelio et Nycena Synodus [condemnavit thes. 44 ср. thes. 101. Preger 1, 465.

⁴⁾ Dicunt quod esse eorum est aeternum et quod sunt in aeternitate. Ep. Iohanni Argentini. Döllinger II, 390.

⁵⁾ Dicunt quod creaverint omnia sicut Deus, imo, ut dicunt aliqui, plus quam Deus. Ibid.

ражается въ томъ, что въ немъ Богъ открываетъ себя, познаетъ и любитъ Себя. Этимъ и объясняется, что самый разумъ человѣческій возвышается Беггардами на степень такого супранатуральнаго органа, которымъ достигается абсолютное знаніе истины. Идеализируя въ пантеистическомъ смыслѣ духъ человѣка, Беггарды умалчиваютъ о происхожденіи тѣла. Но такъ какъ отрицать дѣйствительность тѣлесной природы въ человѣкѣ нельзя, то они ставятъ тѣло въ безусловную зависимость отъ духа, перенося на него божественное достоинство послѣдняго, или настолько игнорируютъ тѣло, что отрицаютъ возможность воскресенія его и соединенія съ духомъ для будущей жизни. Перемѣнъ въ природѣ человѣческой не допускается. Беггарды равнодушно относятся къ библейскому сказанію о грѣхопадѣніи прародителей, игнорируютъ его. Они такъ далеки отъ мысли о признаніи грѣха, какъ нравственнаго факта, бывшаго слѣдствіемъ злоупотребленія свободою духовно—разумныхъ существъ, что не допускаютъ существованія злого духа и прямо отрицаютъ возможность его паденія ¹⁾. Грѣхъ не имѣетъ реального объективнаго значенія. То, что признается грѣхомъ, въ дѣйствительности не соотвѣтствуетъ такому понятію ²⁾ потому, что, по указанному нами идеально-оптимистическому ученію Беггардовъ, все въ мірѣ произошло изъ Божества, все необходимо имѣетъ равносильное значеніе какъ добро такъ и зло ³⁾. Значитъ, нужно относиться къ тому и другому вполнѣ индифферентно, какъ происходящему отъ Бога, въ силу его предопредѣленія ⁴⁾. Такое заключеніе тѣмъ естественнѣе, что человѣкъ не имѣетъ въ себѣ свободной воли ⁵⁾. Духъ человѣка всецѣло опредѣляется божественнымъ началомъ, почему всѣ явленія въ жизни человѣка служатъ необходимымъ слѣдствіемъ

1) Dicere quod angeli non sint lapsi [de celo contra veritatem Evangelii est 60. (Luc. XI, 2. Petr. 2) *Preger* I, 466.

2) Dicere, quod nihil sit peccatum nisi quod reputatur peccatum haeresis Pelagii. thes. 61 *ibid*.

3) Omnia fiunt a Deo.

4) Quod de malo sicut de bono sit gaudendum, quia Deus sic praeordinavit. thes. 22. *Döllinger* II, 392.

5) Liberum arbitrium nihil potest, vel agit, nec in bono nec in malo, nisi sicut ducitur a Deo. *Döllinger* II, 416.

этого начала. Въ этомъ смыслѣ, какъ извѣстно, проводится Беггардами пантеистическій детерминизмъ.

Антропологическія воозрѣнія сектантовъ оказываются несостоятельными какъ въ исходномъ пунктѣ обожествленія человѣческой природы, такъ и въ послѣдующихъ выводахъ. а) прежде всего представляется непонятнымъ перенесеніе на духъ человѣческой тѣхъ идеальныхъ свойствъ, которыя не усваются сектантами божественной субстанціи, поставляемой въ причинное отношеніе къ человѣческому духу. Божественная субстанція представляется сектантами сущностью безличною, не имѣющею опредѣленнаго содержанія; между тѣмъ духу человѣческому приписываются личныя свойства въ абсолютно-совершенной степени; по крайней мѣрѣ, ему усваются абсолютный разумъ, способный къ совершенному знанію. Такъ духъ человѣческой становится божественнымъ, органомъ самосознанія и самооткровенія Божества. Но такой выводъ объ особенностяхъ духа является нелогичнымъ, потому что имъ допускается въ слѣдствіи болѣе, чѣмъ заключается въ самой причинѣ, обуславливающей его. Непонятно, какимъ образомъ Божество въ духѣ человѣческомъ достигло того самосознанія, котораго Оно не заключало въ Себѣ Самомъ. Идеалистическій спиритуализмъ сектантовъ, придающій исключительное значеніе въ природѣ человѣка и въ его жизни духу и игнорирующій тѣло, какъ существенную часть человѣческой природы, противорѣчитъ непосредственному сознанію и даннымъ опыта. Непосредственное сознаніе убѣждаетъ насъ, что хотя духу принадлежитъ руководственное значеніе въ жизни человѣка, но тѣло является необходимымъ органомъ внѣшняго проявленія духовной дѣятельности. Опытъ показываетъ, что всякое дѣйствіе, является ли оно нравственнымъ по своему достоинству, или порочнымъ, совершается человѣкомъ при совмѣстномъ участіи духа и тѣла, почему и сопровождается соотвѣтствующими слѣдствіями для всей его природы. При посредствѣ тѣла душа достигаетъ своего развитія и самоусовершенствованія. Оно обуславливаетъ познаніе видимаго міра, обуславливаетъ и отношеніе къ этому міру. Само по себѣ оно не служитъ необходимою причиною зла, но чувственныя влеченія и страсти, не встрѣчающія ак-

тивнаго противодѣйствія въ волѣ человѣка, насколько оно опредѣляется въ дѣятельности высшими разумными и нравственными мотивами, могутъ сопровождаться пагубными послѣдствіями для всей природы человѣка. Потому задача человѣка въ достиженіи нравственнаго совершенства заключается не въ игнорированіи тѣла, а въ его возвышеніи, равно какъ и въ облагороженіи всей природы путемъ борьбы съ плотскими похотствованіями и страстями. У Беггардовъ, равно какъ и у другихъ мистиковъ—сектантовъ ясно замѣчаются рѣзкіе переходы отъ односторонняго ригористическаго аскетизма до матеріалистическаго антиномизма, служащіе практическимъ выраженіемъ несостоятельности разсматриваемаго нами спиритуализма, насколько оно признаетъ тѣло несущественною стороною личности человѣка, или даже враждебною. Независимо отъ такого отрицанія достоинства тѣлесной природы человѣка, спиритуализмъ является несостоятельнымъ въ чрезмѣрномъ идеализированіи духовной природы самой по себѣ. Приписывать духу человѣческому абсолютное божественное вѣдѣніе, совершеннѣйшую волю, простирающуюся даже до всемогущества—значитъ впадать въ грубое фантастическое самообольщеніе. Мистицизмъ опускаетъ изъ виду то совершенство, какое доступно для конечнаго существа, насколько оно отлично отъ Безконечнаго. Человѣкъ уже по двоякому составу своей природы, какъ существо духовно-тѣлесное, въ познаніи и дѣятельности необходимо ограничивается условіями пространства и времени, надъ которыми безусловно возвышается Единный Богъ. Но и то относительное совершенство, какое въ этомъ отношеніи доступно человѣку, достигается прогрессивно, въ силу извѣстной постепенности, что игнорируется мистицизмомъ. Представляется дѣло такъ, какъ будто все идеальное содержаніе личности человѣка въ опредѣленномъ объемѣ дается ему отъ природы. Между тѣмъ опытъ показываетъ, что это содержаніе хотя отъ природы можетъ быть богатымъ по своимъ задаткамъ, получаетъ опредѣленный объемъ въ идеальной широтѣ только въ силу активнаго развитія и самоусовершенствованія личности. Въ томъ и состоитъ отличіе человѣка отъ Бога въ личныхъ духовныхъ свойствахъ, что тогда какъ Богу отъ вѣч-

ности эти свойства принадлежатъ въ безпредѣльно-совершенной степени, въ человѣкѣ эти свойства получаютъ извѣстное совершенство, ограничиваемое предѣлами его тварной природы путемъ постепеннаго развитія. Эта измѣняемость сама по себѣ еще не составляетъ существеннаго недостатка природы человека, но свойственна ему въ силу того положенія, которое онъ занимаетъ въ лѣстницѣ существъ, созданныхъ Богомъ. Однако въ человѣкѣ открываются и такіе недостатки, которые противорѣчатъ назначенію его природы, заключающемуся въ господственномъ положеніи его въ мірѣ, въ возможно большемъ приближеніи его по духовнымъ совершенствамъ къ Богу, въ уподобленіи Ему и ставятъ его въ рабскую зависимость отъ міра, отъ чувственныхъ наклонностей тѣла, какъ низшей части его природы. Эти недостатки осуждаются его личнымъ нравственнымъ сознаниемъ и потому свидѣлствуютъ, что они являются слѣдствіемъ не природы, въ томъ состояніи, въ какомъ она получила свое начало отъ Творца, а слѣдствіемъ послѣдующаго извращенія ея. Они указываютъ на ненормальное состояніе человеческой природы въ силу поврежденности ея грѣхомъ. Такимъ образомъ дѣйствительность и сила грѣха свидѣлствуются внутреннимъ опытомъ. Потому и по отношенію къ человѣку грѣхъ не есть вѣчто безразличное, имѣющее равную силу съ добромъ, но начало противоположное добру, уклоняющее человека отъ того совершенства, которое лежитъ въ Богѣ, препятствующее общенію съ Нимъ, какъ съ источникомъ свѣта и добра. Грѣховность природы человека служитъ самымъ выразительнымъ доказательствомъ несостоятельности допускаемаго Беггардами отождествленія ея съ природою Бога. Но поврежденіе человеческой природы грѣхомъ не простирается однако до полнаго субстанціального извращенія ея. Въ человѣкѣ сохраняется возможность къ совершенію добра, которая выражается фактически въ сознаніи необходимости его, въ способности къ активному совершенію его въ силу воли. Здѣсь мы приходимъ къ выводу о несостоятельности пантеистическаго детерминизма Беггардовъ, низводящаго личность человека до рабскаго пассивнаго отношенія его къ тѣмъ внутреннимъ духовнымъ мотивамъ, которыми онъ будто-

бы необходимо опредѣляется въ своей дѣятельности. Ложно ученіе о томъ, будто человѣкъ тождественъ по своей природѣ съ Богомъ, или находится въ непрерывномъ общеніи съ Нимъ, такъ чтобы все, дѣлаемое человѣкомъ, было абсолютно совершеннымъ по своему достоинству, божественнымъ, или являлось необходимымъ слѣдствіемъ божественнаго дѣятеля. Человѣкъ можетъ совершать не одно доброе, но и злое, съ чѣмъ до извѣстной степени согласны и Беггарды, не смотря на оправданіе зла его необходимостію. Но зло не можетъ происходить отъ Бога, какъ Существа, обладающаго безпредѣльною святостію. Оно лежитъ въ извращенной природѣ тварныхъ существъ. Ложно и то, будто человѣкъ опредѣляется внутренними мотивами съ одинаковою необходимостію къ добру, или ко злу. Отъ его воли зависитъ обращеніе къ тому, или другому, хотя окончательное утвержденіе въ добрѣ можетъ быть слѣдствіемъ только тѣснѣйшаго общенія съ Богомъ. Такая необходимость существуетъ въ мірѣ физическомъ, въ которомъ явленія природы находятся въ безусловной зависимости отъ законовъ, обуславливающихъ ихъ, но не въ мірѣ духовномъ. Наше личное сознаніе убѣждаетъ насъ съ особою силою, что мы обладаемъ активной способностью къ совершенію добра, или зла. Между различными мотивами, вліяющими на нашу волю, мы можемъ склоняться на сторону тѣхъ или другихъ по собственному усмотрѣнію. Мы можемъ даже предпочитать худшее лучшему, хотя потомъ и раскаиваемся въ томъ. „Самаго различія между понятіями свободы и необходимости въ насъ не существовало бы, если бы на опытѣ мы не встрѣчали фактовъ такого различія“ ¹⁾. Независимо отъ этого общаго убѣжденія въ свободѣ и самостоятельности человѣческой личности, различные частные факты свидѣтельствуютъ о несостоятельности пантеистическаго детерминизма. Порочныя дѣйствія вызываютъ въ насъ раскаяніе въ совершеніи ихъ, осуждаются, и наказываются мучительными угрызениями совѣсти. Мы сознаемъ себя отвѣтственными въ своихъ поступкахъ и сознаніе отвѣтственности вызываетъ ожиданіе возмездія за нихъ, если не отъ людей, то

¹⁾ Кудрявцевъ, Начальныя основанія философіи стр. 407.

отъ Бога. Самыя мѣропріятія различныхъ народовъ противъ преступленій противорѣчили бы началамъ справедливости, если бы не существовало общаго убѣжденія въ законности вмѣненія ихъ въ вину человѣку, обоснованнаго на сознаниі присущей ему свободы. Но и противоположные факты, имѣющіе отношеніе къ добродѣтели, приводятъ къ тому же выводу о принадлежности свободы человѣку. Всякое доброе дѣло само собою вноситъ отрадное чувство мира и утѣшенія въ душу человѣка именно потому, что входитъ въ кругъ его обязанностей, соотвѣтствуетъ нравственному долгу или общему назначенію человѣка. Неискоренимо также убѣжденіе въ томъ счастіи, которое является естественнымъ слѣдствіемъ добродѣтели, хотя оно въ полномъ объемѣ переносится за предѣлы земной жизни. Мистики совершенно разрушаютъ его своимъ безотраднымъ детерминизмомъ, отдающимъ личность человѣка въ жертву общаго теченія міровыхъ явленій, подчиняющихся естественнымъ законамъ.

б) Если мы отъ этихъ общихъ сужденій о недостаткахъ сектантской мистической антропологии, перейдемъ къ оцѣнкѣ ея на основаніи Священнаго Писанія и Церковнаго Преданія, то наши доводы получаютъ еще большую силу. Священное Писаніе высоко цѣнитъ достоинство природы человѣка въ ея первоначальномъ состояніи, насколько она отражала въ себѣ образъ и подобіе Божіе. Оно нигдѣ не уравниваетъ и не отождествляетъ человѣка съ Богомъ, но ставитъ человѣка въ господствующее отношеніе къ видимой природѣ и въ лѣстницѣ созданныхъ Богомъ существъ отводитъ ему мѣсто послѣ ангеловъ (Пс. VIII, 6). Однако и ангелы, хотя по природѣ безплотные духи (Евр. 1, 14. Кол. 1, 16) по достоинству ниже Сына Божія (Евр. 1, 4—18, 1, 21). Священное Писаніе не приписываетъ имъ вездѣсущія. Оно изображаетъ ихъ то сходящими съ неба, то восходящими на небо (Дан. XI 18, 21. Лук. 1. 26), изъ чего можно заключать, что въ одно и то-же время ангелы не могутъ быть на небѣ и на землѣ. Они не стоятъ выше условій пространства и времени, такъ какъ ограничены и конечны. Въ ихъ внутренней жизни, какъ конечной, имѣютъ мѣсто своего рода возрастаніе и преуспѣяніе,

равно какъ упадокъ и омертвѣніе, что неразлучно съ своего рода измѣняемостію, преемственною послѣдовательностію, или временностію. По словамъ Св. І. Дамаскина, безтѣлеснымъ и невещественнымъ ангель называется по сравненію съ нами. Ибо въ сравненіи съ Богомъ, единымъ несравнимымъ все называется грубымъ и вещественнымъ. Одно только Божество въ строгомъ смыслѣ невещественно и безтѣлесно¹⁾. Такъ какъ ихъ природа ограничена, то и самыя силы ихъ имѣютъ границы, въ какомъ бы направленіи они не развивались. Объ ограниченности ума ангеловъ прямо свидѣтельствуемъ Писаніе, когда утверждаетъ, что они не знаютъ глубины существа Божія, видимаго одному Духу Божию (1. Кор. 2, 11), не знаютъ будущаго, тоже вѣдомаго одному Богу (Марк. XIII, 32), а также не знаютъ вполнѣ тайны искупленія, въ которую желаютъ проникнуть (Еф. 2. 10) и даже не знаютъ сердечныхъ помышленийъ человѣческихъ (3 Царств. VIII, 39. Іерем. XVII, 9). Они не были созданы по естеству добрыми, что свойственно только Богу, а только со способностію выбора добра, почему на первыхъ порахъ они вовсе не были утверждены въ добрѣ; они могли и должны достигнуть этого только вполнѣ въ послѣдствіи путемъ нравственнаго испытанія и подвига. Они были неудобопреклонны къ злу, но не совсѣмъ непреклонны²⁾. По такимъ свойствамъ своей природы ангелы стоятъ ниже Сына Божія настолько, насколько Сынъ выше твари, почему и приносятъ Ему божественное поклоненіе (Еф. 1, 4—14) Апостоль Павелъ рѣшительно предостерегаетъ отъ воздаянія ангеламъ божескихъ почестей (Кол. 2, 18). Но если такъ, то мыслимо-ли оказаніе подобныхъ почестей человѣку, принадлежащему не къ небесному горнему міру, а къ земному? Священное Писаніе ясно свидѣтельствуемъ объ ограниченности природы человѣческой, когда говоритъ о происхожденіи ея отъ Бога въ силу творенія (Быт. II, 7) (Быт. I, 26—27). „И сотвори Богъ человѣка, по образу Божию сотвори его“. Оно же частіе опредѣляетъ двойственный составъ природы человѣческой при самомъ про-

¹⁾ Изложеніе вѣры Іоанна Дамаскина по отрывку, помѣщенному въ Свято-Отеческой Христологіи протоіерей Благоразумова, стр. 537. М. 1883.

²⁾ Тамъ-же 549 стр.

исхожденіи ея отъ Бога въ силу творческаго акта (Быт. II, 7). Указывая на различные способы созданія Богомъ челоуѣка по духу и по тѣлу и усвоая послѣднему руководителное значеніе въ нравственной дѣятельности, Священное Писаніе не оправдываетъ мистическаго спиритуализма. По Апостолу Павлу все, что ни дѣлаетъ духъ, онъ дѣлаетъ совмѣстно съ тѣломъ (2 Кор. V, 10). При нормальномъ отношеніи духа къ тѣлу послѣднее могло сдѣлаться послушнымъ рабомъ и сотрудникомъ перваго (I Кор. IX, 27. Гал. V, 24). Оно могло сдѣлаться храмомъ Божиимъ (I Кор. III, 16. 17) и совмѣстно съ нимъ участвовать въ прославленіи Бога (I Кор. VI, 20). По словамъ Св. Иринея Ліонскаго, тѣла въ отношеніи къ душѣ—то же, что свѣтильникъ въ отношеніи къ огню, или лучше—орудіе въ отношеніи къ художнику. „Въ немощи челоуѣческой плоти открывается сила Божія, дарующая нашему тѣлу причастіе воскресенія и безсмертія“¹⁾. Самое совершенство перваго челоуѣка по Священному Писанію представляется не безусловнымъ, или самобытнымъ, принадлежащимъ только Богу, а условнымъ, такимъ, которое только въ будущемъ можетъ достигнуть своей полноты (Матѣ. V, 48). Челоуѣкъ нуждался въ особомъ откровеніи отъ Бога, чтобы получить понятіе о Создателѣ (Матѣ. XI, 27). Для нравственнаго развитія его дана была особая заповѣдь (Быт. 2, 17), выполненіе которой могло вестъ къ утвержденію въ добрѣ. Изъ Отцевъ Церкви особенно выразительно указываетъ на ограниченность природы перваго челоуѣка, какъ тварнаго существа, Св. Иринеи Ліонскій, очевидно, имѣя въ виду мудрованія гностиковъ, ставившихъ духъ челоуѣка въ непосредственную связь съ божественною плиромою. „У Бога, по его словамъ, оказывается сразу могущество, премудрость и благодать... Челоуѣкъ постепенно приближается къ Несозданному. Челоуѣку надлежало сперва произойти и произшедши возрасть, возросши возмужать, возмужавши размножаться и умножившись укрѣпляться силами“...²⁾. Но если природа перваго челоуѣка и имѣла особое преимущество по нравственной чистотѣ и невинности, по

1) Св. Иринеи „Противъ ересей“ кн. V, гл. III, 1—3, стр. 582—585.

2) Тамъ-же кн. II, гл. XXVIII, 3 стр. 564.

преобладающей склонности къ добру, то это преимущество она утратила со времени грѣхопаденія, вслѣдствіе желанія пріобрѣсти независимое положеніе отъ Бога (Быт. III, 1—5), возбужденнаго діаволомъ (Прем. 2, 24. Іоан. VIII, 24). Поврежденіе природы человѣческой грѣхомъ, въ силу преемственной порчи ея, стало проявляться въ преобладающей склонности ко злу (Рим. V, 18—23). Но лишившись совершенства и безстрастія, человѣкъ не лишился природы и силы, которую получилъ отъ преблагатаго Бога. Онъ сохранилъ ту природу, съ которою сотворенъ былъ и природную силу свободную, живую и дѣятельную, такъ что по природѣ могъ избирать и дѣлать добро, убѣгать и отвращаться зла ¹⁾. По Иринею Ліонскому, человѣкъ и по грѣхопаденіи сохранилъ въ себѣ свободу, такъ что „самъ для себя иногда дѣлается пшеницею, иногда соломою ²⁾. Отъ самаго человѣка зависитъ удержаться ли на высотѣ чести, какой онъ сподобленъ своимъ Творцемъ (Пс. XLVIII, 21), или же, ниспавъ долу, сравняться съ бессмысленными скотами и уподобиться имъ“. Св. Іустинъ Философъ, заботясь о томъ, чтобы язычники не смѣшивали христіанское ученіе о Промыслѣ съ естественнымъ детерминизмомъ, или фатализмомъ, съ особенною выразительностію уясняетъ понятіе о свободѣ человѣка. „Мы говорятъ онъ, научены пророками, что каждому по достоинству дѣла воздаются или наказанія и мученія, или награды и объявляемъ это за истину. Ибо если не такъ, по все бываетъ отъ судьбы, то совершенно нѣтъ въ насъ свободы. Если судьбою опредѣлено одному быть добрымъ, а другому порочнымъ, то одинъ не былъ бы достоинъ одобренія, а другой порицанія... Но что человѣкъ съ свободнымъ произволеніемъ или поступаетъ хорошо или грѣшитъ, это мы такимъ образомъ доказываемъ: мы видимъ, что одинъ и тотъ же человѣкъ переходитъ къ противоположнымъ вещамъ; а если бы опредѣлено было ему судьбою или быть порочнымъ или честнымъ, то онъ не былъ бы способенъ къ такимъ противоположностямъ

¹⁾ Посланіе восточныхъ патріарховъ гл. 14. Преосвящ. Сильвестръ Олимпійскій Православнаго Догматическаго Богословія III, 432.

²⁾ Св. Иринея Ліонскаго „Противъ ересей“ кн. VI, гл. IV, 3. Стр. 414. Срав. XXXVII. 3—4. Стр. 557.

и не могъ бы многократно перемѣняться. Ибо тогда мы утверждали бы, что судьба причина пороковъ и между тѣмъ дѣлаетъ противное самой себѣ, или надлежало бы признать за истину положеніе, что нѣтъ ни добродѣтели, ни порока, но только въ мнѣніи различается доброе или худое; а это, какъ показываетъ истинный разумъ, есть величайшее нечестіе и беззаконіе. Судьбу же неизбѣжную мы допускаемъ въ томъ, что избирающимъ доброе предлежитъ достойная награда, равно какъ избирающимъ противоположное предстоятъ сообразныя наказанія¹⁾.

А. Вертеловскій.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ 1 Апологій св. Іустина Философа 43, въ переводѣ священника Преображенскаго, стр. 81.

ОГЮСТЬ КОНТЪ, КАКЪ ЧЕЛОВѢКЪ И МОРАЛИСТЪ.

(Продолженіе *).

Любовь къ себѣ совмѣстна съ любовью къ другимъ и съ заботою о ихъ благѣ. Любовь къ другимъ не можетъ уживаться только съ эгоизмомъ, потому что эгоизмъ ставитъ свое я выше всего, считаетъ себя центромъ всего, а на другихъ смотритъ, какъ на средства для достиженія своихъ недостойныхъ цѣлей. Въ христіанинѣ не можетъ быть эгоизма, потому что его любовь къ Богу вытѣсняетъ малѣйшіе проблески эгоизма изъ его сердца. Любя больше всего Бога, какъ совершеннѣйшую и высочайшую Личность, онъ не можетъ не любить людей, поскольку они достигаютъ уподобленія Богу, какъ первообразу всякаго совершенства, и выполняютъ чрезъ это свое личное человѣческое назначеніе. Какъ въ себѣ, такъ и въ другомъ онъ видитъ прежде всего личность и сознаетъ ея высокое достоинство и назначеніе. Позитивисты сами свидѣтельствуютъ о несостоятельности своего ученія о нравственности тѣмъ противорѣчіемъ, въ какое впадаютъ, а именно: они считаютъ личность необходимымъ и единственнымъ источникомъ эгоизма и въ то же время въ той же самой личности открываютъ еще другой новый источникъ альтруизма, способность къ безкорыстному человѣколюбію и самопожертвованію.

Разумная любовь къ себѣ не только совмѣстна съ любовью къ другимъ, но и необходима для того, чтобы могла существовать эта послѣдняя. Мы можемъ понимать нужды и потребности другихъ постольку, поскольку отождествляемъ ихъ су-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 10, за 1897 г.

ществованіе съ своимъ собственнымъ, ставимъ себя на мѣсто ихъ. Кто напр., сознаетъ важность умственныхъ приобрѣтеній для себя и дорожитъ ими, тотъ не можетъ не понимать умственныхъ потребностей своего меньшаго брата, лишеннаго возможности развиваться и приобрѣтать знанія. Оставаться глухимъ къ этой потребности можетъ тотъ, кто самъ не дорожитъ своими познаніями и развитіемъ,—кто, слѣдовательно, не живетъ истинно человѣческой жизнью и не любитъ себя разумной любовью.

Разумная забота о собственномъ благѣ не есть непременно посягательство на благо ближняго. Стремясь къ достиженію своего духовнаго блага, совершенствуясь умственно и нравственно, человѣкъ не только не наноситъ этимъ ущерба другому, но, напротивъ, дѣлается способнымъ оказать больше услугъ другому, чѣмъ оказалъ бы онъ въ томъ случаѣ, если бы не заботился о себѣ. Такой индивидуумъ, подготовившись къ служенію другимъ, будетъ лучше выполнять то дѣло, за которое возьмется. Что касается матеріальнаго блага, то христіанство позволяетъ каждому потреблять такое количество продуктовъ труда, какое необходимо для удовлетворенія насущныхъ потребностей и какое возможно безъ ущерба другимъ. Но оно запрещаетъ всякую алчность и всякія хищническія поползновенія на счетъ ближняго, въ заботахъ о собственномъ счастьи.

Такимъ образомъ, евангельская заповѣдь: *люби ближняго какъ самаго себя* совсѣмъ не санкціонируетъ эгоизма и не противорѣчитъ любви къ ближнему и заботамъ о его благѣ, какъ это думаютъ позитивисты. Уважая человѣческую личность, христіанство считаетъ законной любовь къ себѣ и требуетъ любви къ другому. Наоборотъ, позитивное правило, хотя и гласитъ: *люби другаго больше, чѣмъ себя самаго, и живи не для себя, а для другихъ*, на самомъ дѣлѣ подрываетъ истинную любовь къ ближнему и не согласно съ заботой объ его благѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, если человѣческая личность не только не имѣетъ цѣны, но и есть причина зла, то какъ отсюда можетъ вытекать требованіе любить человѣка и жить для его блага? Мы равнодушно относимся къ предметамъ, не имѣющимъ никакой цѣнности и не только не стремимся, но удаляемся отъ

тѣхъ изъ нихъ, которые причиняютъ вредъ. Какимъ же образомъ можетъ случиться, что, отрекаясь отъ собственной личности, какъ отъ зла, мы въ состояніи будемъ полюбить личность другаго, которая есть такое же зло и ничтожество, какъ и наша личность? Не значитъ ли это, что съ нами должно произойти нѣчто необыкновенное, противорѣчащее и нашей логикѣ, и нравственному чувству? Контъ замѣчаетъ, что мы можемъ любить все человѣчество. Но количество здѣсь не имѣетъ значенія, оно не измѣняетъ качества предметовъ, потому что, сколько бы разъ ни брали мы слагаемымъ нуль, въ итогѣ получимъ также нуль. Какъ человѣкъ, такъ и человѣчество есть ничтожество, зло. Итакъ, изъ понятія о личности, какъ ничтожествѣ и злѣ, совсѣмъ не слѣдуетъ, чтобы мы любили это ничтожество и зло. Такая любовь была бы, напротивъ, безнравственной, ибо, поддерживая жажду бытія личностей, она распространяла бы зло. Конттовскій альтруизмъ ведетъ къ безнравственности еще и съ той стороны, что, унижая личность, даетъ поводъ людямъ недостойнымъ смотрѣть на нее, какъ на средство для достиженія своихъ низкихъ, эгоистическихъ цѣлей.

Истинный альтруизмъ требуетъ отъ cadaго предварительной подготовки для лучшаго служенія другимъ, но мнимый альтруизмъ отрицаетъ ее, такъ какъ онъ запрещаетъ жить для себя. Подготовка, необходимая для успѣшной альтруистической дѣятельности, соединяется неизбѣжно съ заботами объ удовлетвореніи индивидуальныхъ нуждъ и потребностей. Но, отвергая личную жизнь, мнимый альтруизмъ отвергаетъ, такимъ образомъ, и то средство, чрезъ которое достигается выполненіе правила *жить для другихъ*. Этимъ онъ самъ лишаетъ людей возможности лучшимъ способомъ исполнять его собственную заповѣдь и достигать нравственности.

Эту заповѣдь не могутъ выполнять люди еще подготовляющіеся къ альтруистической дѣятельности, т. е., не достигшіе извѣстнаго возраста. Съ точки зрѣнія мнимаго альтруизма ихъ жизнь должна быть признана безнравственной. Такое же сужденіе долженъ произнести альтруизмъ и о жизни неспособныхъ къ труду на пользу „другихъ“ по причинѣ болѣзни, увѣчья или старости. Но какой здравомыслящій человѣкъ въ состояніи

признать правильность такого сужденія? Само собою понятно, что молодые и старые люди, больные и увѣчные не только могутъ, но и дѣйствительно живутъ вполнѣ нравственной жизнью, обладаютъ вполнѣ нравственными качествами. Слѣдовательно, принципъ *жить для другаго* не можетъ быть признанъ годнымъ для всѣхъ и общеобязательнымъ. Нравственный принципъ долженъ брать человѣка не со стороны только его внѣшнихъ отношеній къ другому, но главнымъ образомъ самого по себѣ, какъ личность, заключающую въ самой себѣ достоинство и цѣль.

Напрасно мы стали бы искать въ позитивной нравственности какихъ-либо безкорыстныхъ, возвышенныхъ мотивовъ. Ни о какомъ безкорыстїи и самопожертвованїи здѣсь не можетъ быть и рѣчи.

Въ самомъ дѣлѣ, что слѣдуетъ разумѣть подъ именемъ жертвы, если человѣкъ не долженъ признавать что-либо принадлежащимъ или могущимъ принадлежать ему по праву, какъ, напр., имущество, уваженіе къ собственному достоинству, семейную жизнь, и если самая жизнь его есть ничтожество? Обладая, напр., цѣннымъ имуществомъ или имѣя право на приобрѣтеніе его, богатый человѣкъ отказывается отъ него въ пользу „другихъ“, это значитъ, что онъ жертвуетъ его. Или воинъ, напр., умираетъ на полѣ битвы за свое отечество и оставляетъ послѣ себя сиротствующими жену и дѣтей, которыхъ любилъ; это значитъ также, что онъ жертвуетъ всѣмъ дорогимъ для себя, своими семейными привязанностями и своей жизнью, которую считалъ благомъ. Но можно ли назвать именемъ жертвы, если кто-либо даетъ ближнему вещь ничего не стоящую: какое-нибудь изломанное перо, ненужную тряпку или даже вещь, прямо вредную для него? Въ этомъ не будетъ уже любви къ ближнему или какой-либо жертвы въ пользу его, а скорѣе одно эгоистическое глумленіе надъ нимъ. Если кто-либо отказывается брать на себя семейныя обязанности, считая бракъ зломъ, то въ этомъ не заключается также жертвы, а проявленіе лишь одного крайняго эгоизма.

По ученїю мнимыхъ альтруистовъ, люди, сколько бы ни добивались личнаго счастья, никогда не достигнутъ его; они всегда будутъ обречены только на одни страданья и лишенія.

Между тѣмъ забота о счастья есть такое будто бы важное и святое дѣло, выше и святѣе котораго ничего быть не можетъ. Напрасно только люди расходуютъ свою жизнь на пріобрѣтеніе счастья такимъ путемъ; есть другой путь, болѣе вѣрный, которымъ люди скорѣе пришли бы къ своей цѣли, если бы избрали его. Этотъ путь есть *жизнь для другаго*. Если мы всѣ будемъ жить одинъ для другаго, то этимъ скорѣе и вѣрнѣе обезпечено будетъ довольство и спокойствіе cadaго. Таковъ ходъ заключеній альтруистовъ и таковы истинные мотивы ихъ дѣятельности! Слѣдовательно, если бы каждый достигалъ счастья непосредственнымъ путемъ, *живя для себя*, безъ служенія другимъ, то ему не должно бы быть никакого дѣла до ближнихъ и ихъ блага. Но развѣ такой мотивъ не есть *эгоистическій*, когда всѣ добрыя, благожелательныя отношенія къ людямъ сами по себѣ не имѣютъ никакого значенія? Христіанская дѣятельность на пользу ближняго чужда такого мотива: христіанинъ совершаетъ дѣла любви и самопожертвованія не ради достиженія своего личнаго, призрачнаго счастья, а потому, что это святой долгъ его, завѣщанный ему Самимъ Богомъ, и его сердце не можетъ не любить тѣхъ, кого любитъ Богъ.

Итакъ, правило Конта *жить для другаго* несостоятельно во всѣхъ отношеніяхъ и въ сущности есть отрицаніе и попраніе дѣйствительной любви къ людямъ. Несомнѣнно выше этого правила Евангельская заповѣдь о любви къ ближнему.

Съ индивидуума Контъ переноситъ центръ тяжести на безличное общество и говоритъ объ „общемъ благѣ“ и о жизни для общаго блага и счастья. Въ этомъ видѣ его ученіе напоминаетъ одну изъ формъ той теоріи „общаго счастья“, представителями которой были Бентамъ, Милль, Гельвецій и др. Но что такое „общее благо“ или „общее счастье“ безъ индивидуумовъ или личностей? Это простая абстракція, не имѣющая никакой реальности. Благо и счастье существуютъ только для человѣка, они всегда субъективны. Что соотвѣтствуетъ нашей природѣ, то благо; что противорѣчитъ ей, то зло. И чѣмъ больше соотвѣтствія, тѣмъ больше счастья, и наоборотъ. Это внутреннее чувство или переживаніе есть центральное зерно понятія блага, которому свойственны разныя качественныя из-

мѣненія и количественныя степени. Если мы и говоримъ объ объективныхъ благахъ, то разумѣемъ подъ ними выводныя или посредствующія блага, которыя имѣютъ цѣну только потому, что служатъ конечной цѣли или внутреннему благу, удовлетворяющему внутреннее чувство. Объективныя блага суть науки, искусства и вообще вся культура, поскольку она служитъ, средствомъ къ широкому развитію индивидуальной жизни въ смыслѣ нравственнаго назначенія во всѣхъ направленіяхъ. Контъ самъ цѣнитъ въ наукѣ и искусствахъ одну только внутреннюю сторону, смотритъ на нихъ, какъ на средства къ возвышенію нравственной жизни. Слѣдовательно, онъ противорѣчитъ своимъ ученіемъ объ „общемъ благѣ“ какого-то безличнаго общества своему же собственному взгляду на благо.

Чувство блага всегда субъективно, оно не можетъ быть передаваемо другому. Упражненіе духовныхъ силъ, развитіе ума, открытіе истины, всегда сопровождаются чувствомъ радости которое никогда не можетъ быть передано кому-нибудь. А изъ такихъ чувствъ состоитъ почти вся разумная жизнь человѣка. Это не отчуждаемая, неотъемлемая собственность каждаго и она можетъ быть получена только личнымъ путемъ, а не альтруистически. Смотримъ ли мы на мальчика, оставшагося побѣдителемъ въ игрѣ съ товарищами, или на изобрѣтателя, выдумавшаго новую машину, или на романиста, удачно очертившаго какой-либо характеръ, или на поэта, изящно передавшаго волновавшее его чувство,—во всѣхъ этихъ случаяхъ мы испытываемъ такія удовольствія, которыми, по самой природѣ вещей, могутъ наслаждаться исключительно только тѣ, на чью долю они выпали.

„Общее благо“ или „общее счастье“ составляется дѣятельностями отдѣльныхъ лицъ, изъ которыхъ каждое имѣетъ право на свою долю счастья. Но права на счастье, по Контю, не одинаковы для всѣхъ, потому что не всѣ одинаково содѣйствуютъ общей коопераціи. Должно быть соотвѣтствіе между получаемой долей и заслугой. Но, соразмѣряя пользованіе общимъ благомъ съ способностями и трудами каждаго, Контъ забываетъ, что человѣкъ имѣетъ право на это благо уже просто какъ человѣкъ, независимо отъ своего ума или глупости,

что даже при малыхъ результатахъ его дѣятельности, онъ все-таки хочетъ ѣсть и что при полномъ осуществленіи его принципа, иной геній получилъ бы ненужные ему милліоны, а иной увѣчный бѣднякъ не смѣлъ бы даже и думать не только о благахъ жизни, но и о правѣ на существованіе.

Альтруизмъ возможенъ только при существованіи въ обществѣ важныхъ золъ, обусловленныхъ многочисленностью недостатковъ въ человѣческой природѣ. Съ улучшеніемъ же приспособленія къ существованію, съ улучшеніемъ самаго человѣчества, будетъ уменьшаться и сфера поводовъ для проявленія самоотверженной дѣятельности. А такъ какъ альтруизмъ направленъ на постоянное улучшеніе человѣческаго существованія и самой человѣческой природы, то повятно, что онъ самъ себѣ заграждаетъ дорогу и постепенно суживаетъ сферу своей дѣятельности, т. е., идетъ къ собственному самоуничтоженію. Выполнимость правила *жить для другаго* постепенно уменьшается, по мѣрѣ улучшенія жизни и человѣческой природы. А если идеальная человѣческая природа необходимо дѣлаетъ его невыполнимымъ на практикѣ, то оно, слѣдовательно, не есть совершенный нравственный законъ, такъ какъ совершеннымъ нравственнымъ закономъ долженъ считаться лишь такой законъ, который дѣлается совершенно выполнимымъ, какъ только человѣческая натура становится совершенною.

Поэтому, совершеннымъ нравственнымъ правиломъ должно быть такое правило, въ которомъ гармонически сочетались бы *жизнь для другихъ* и *жизнь для себя*, каковымъ правиломъ и является Евангельская заповѣдь *люби ближняго своего, какъ самаго себя*. Она беретъ человѣка не только въ его настоящихъ, несовершенныхъ, но и будущихъ совершенныхъ условіяхъ существованія, рассматриваетъ его, какимъ *долженъ* быть, какъ нравственно-дѣйствующій субъектъ. Личность сама по себѣ заслуживаетъ уваженія, какова бы она ни была и при какихъ бы условіяхъ ни существовала.

Мы сказали, что объективнымъ основаніемъ для альтруистической морали Конта служитъ ученіе о человѣчествѣ, какъ великомъ организмѣ и высшемъ Существовѣ, бытіе котораго единственно реально и которому должна подчиняться, поэтому, вся-

кая призрачная жизнь отдѣльнаго человѣка. Какъ существо органическое, оно управляется великимъ біологическимъ закономъ, по которому *часть подчиняется цѣлому*. Какъ существо синтетическое, оно объединяетъ въ себѣ мысли, чувства и дѣла всѣхъ своихъ индивидуальныхъ органовъ. Это новое Существо и есть, по Контю, высшій Законодатель нравственности, высшій судія и мздовоздаятель. Его природа болѣе нравственная, чѣмъ интеллектуальная, есть выраженіе высшаго альтруистическаго принципа.

Но такой взглядъ на человѣческій родъ противорѣчитъ здравому смыслу, наукѣ и религіи. Человѣчество не есть какое-либо реальное Существо, а только отвлеченное понятіе. Въ дѣйствительности существуетъ не человѣчество, а человѣкъ или люди, образующіе отдѣльные народы и національности.— Не только человѣчество, но даже и общество не можетъ быть названо организмомъ. Это названіе можетъ прилагаться къ нимъ только метафизически. Органическая гипотеза въ социологіи утверждается не на фактахъ и доказательствахъ, а на одномъ *сравненіи* общества съ организмомъ вообще. Но сравненіе еще не есть доказательство (*comparatio non est ratio*). Противъ этой гипотезы говоритъ тотъ фактъ, что у общества и тѣмъ болѣе у человѣчества нѣтъ такъ называемаго *общаго чувства илища* (*sensorium commune*), которое есть у каждаго организма. Въ обществѣ не всѣ его члены заразъ испытываютъ страданіе и наслажденіе, но обыкновенно бываетъ такъ, что одни испытываютъ страданіе, а другіе въ это время наслаждаются. Люди живутъ личной, отдѣльной жизнью; ихъ нельзя приравнять къ какимъ-нибудь клѣточкамъ или, напр., рѣсничкамъ эпителія дыхательнаго пути, безсознательно и механически отправляющимъ свои однообразныя спеціальныя функціи. Человѣкъ существо личное, живущее своей особой жизнью, и разумно, и свободно выполняющее свое собственное назначеніе. Біологія говоритъ, что закономъ органической жизни является не одно только подчиненіе „части организма своему цѣлому“, но и такое состояніе, когда *цѣлое служитъ своимъ частямъ*. Матерія стремится обособиться и, если такъ можно выразиться, индивидуализироваться, начиная съ самой простой клѣтки и кончая сложнымъ

органомъ тѣла, а это и значить, замѣчаетъ ученый Гелленбахъ, что *цѣлое служитъ частямъ* (соч. „Индивидуализмъ при свѣтѣ біологіи“).

Принимать человѣчество за великій индивидуумъ, обладающій однимъ безраздѣльнымъ умомъ, волей и чувствомъ, нельзя, потому что у человѣчества нѣтъ души, какъ реальной сущности. То, что называется, напр., Лебонъ „душою расъ“, или „душой народовъ“, есть только обозначеніе совокупности духовныхъ особенностей извѣстной расы или извѣстнаго народа. Это названіе собранія общихъ духовныхъ признаковъ, безъ соотвѣтствія какой-либо духовной субстанціи. Контъ говоритъ, что „никакой отдѣльный разумъ не въ состояніи выдѣлиться изъ мыслящей массы и освободиться отъ вліяній, сходящихся къ одной точкѣ теченій общественной мысли“. Зависимость индивидуальнаго мышленія отъ коллективнаго ояъ доказываетъ способностью всякаго энергическаго убѣжденія, хотя бы и ложнаго, самобытно разстраивать убѣжденіе, ему противоположное, какъ бы основательно оно ни было. Мнѣнія толпы отличаются, дѣйствительно, энергіей или стихійностью; но ни общество, ни человѣчество нельзя назвать толпой. Если въ обществѣ возможны люди съ независимыми убѣжденіями, то тѣмъ болѣе они возможны въ человѣчествѣ. Энергія ложныхъ общественныхъ убѣжденій часто уступаетъ истинности индивидуальныхъ мнѣній. Объ этомъ свидѣтельствуетъ вся исторія умственнаго прогресса и науки. Что отдѣльный умъ не только въ состояніи выдѣлиться изъ мыслящей массы, но и идти въ своемъ развитіи наперекоръ ей, это видно, на примѣръ, на Сократѣ, который возвысился надъ современниками идеей единаго истиннаго Бога и, не смотря на фанатизмъ своихъ гонителей, не отказался отъ этой идеи, но умеръ за нее. Въ новой исторіи, независимо отъ общаго убѣжденія въ неподвижности земли и вращеніи вокругъ нея солнца, Галилей открылъ законъ движенія міровыхъ свѣтилъ, и энергіи ложнаго мнѣнія массы противопоставилъ истину собственнаго пониманія астрономическихъ явленій. Умирая за свое дѣло, великій старецъ говорилъ: „а все-таки земля движется!“ До какихъ крайнихъ предѣловъ личное мнѣніе можетъ противопоставлять себя общему убѣжденію, видно на исторіи того же Галилеевскаго открытія.

Хотя оно нынѣ и стало общепризнанной истиной, однако нашелся какой-то нѣмецъ Шефферъ, который въ 1877 году издалъ книгу съ доказательствами въ пользу прежняго опровергнутаго мнѣнія, что солнце вращается вокругъ земли. Не свидѣтельствуютъ ли подобные факты о томъ, что общій разумъ есть абстракція, что реально существуютъ отдѣльные умы и пока они не убѣдятся въ той или иной истинѣ, не можетъ составиться и общаго убѣжденія въ ней. Въ общественной жизни не существуетъ исключительно одного какого-либо опредѣленнаго умственнаго направленія, а обыкновенно наблюдается нѣсколько теченій, не только не сходящихся въ какой-то „общей точкѣ“, но даже прямо расходящихся одно съ другимъ. Мы различаемъ мнѣніе правительства, взгляды общества и такъ называемый говоръ толпы, между этими элементами трудно бываетъ установить какое нибудь согласіе и найти умозрительное единство. Даже въ мыслящей части общества движеніе идей не всегда направляется въ одно общее русло. Но различіе въ мнѣніяхъ и взглядахъ не наноситъ ущерба общей умственной жизни; напротивъ, оно даетъ ей содержательность, интересъ и привлекательность. Было бы печально, если бы всѣ умы копировали другъ друга и подчинялись мнѣнію массы, которая всегда консервативна. Проповѣдывать подчиненіе индивидуальной мысли общему мнѣнію это значитъ налагать руку на свободу ума и оправдывать умственный деспотизмъ. Итакъ, умозрительнаго единства нѣтъ въ дѣйствительности и оно не есть необходимое условіе истинной общественности; для установленія такой общественности и ея развитія необходимо возможно болѣе широкій просторъ для индивидуальной умственной дѣятельности и самобытвое, оригинальное участіе всѣхъ въ общей умственной работѣ.

Равнымъ образомъ нельзя допустить, чтобы у человечества, какъ цѣлаго, была какая-то одна общая воля. Контъ самъ говоритъ, что Высшее Существо живетъ только въ своихъ отдѣльныхъ органахъ или составляющихъ его организмъ индивидуумахъ и что чрезъ нихъ только оно можетъ проявлять свою дѣятельность. Слѣдовательно внѣ этихъ индивидуальныхъ волей не существуетъ и воли Высшаго Существа. Какъ въ

мышленіи, такъ и въ дѣйствіяхъ, характерахъ и образѣ жизни нѣтъ единства, но существуетъ разнообразіе, личный опытъ и просторъ характеровъ. Цѣль, къ которой стремятся всѣ и каждый, есть индивидуальность силы и развитія. Къ достиженію этой цѣли ведутъ свобода и разнообразіе положеній. Соединеніе этихъ двухъ условій даетъ отдѣльной личности, а слѣдовательно и обществу, энергію. Нельзя назвать общество совершеннымъ, если всѣ подражаютъ другъ другу. Хотя, конечно, нельзя требовать, чтобы люди жили такъ, какъ будто до появленія ихъ на свѣтъ не существовало никакихъ знаній, никакого опыта, и нельзя говорить, что опытъ не показалъ еще превосходства того или другаго образа жизни и дѣятельности, и личность не должна пользоваться опытомъ, завѣщаннымъ намъ предками. Но необходимо, чтобы каждая личность пользовалась этимъ опытомъ критически, самостоятельно, выбирая то, что идетъ ей вкусу, характеру и положенію. Допустимъ, что поступки, совершаемые другими, хороши, но мы должны слѣдовать имъ по внутреннему убѣжденію, по сознанію ихъ достоинства, а не потому, что такъ дѣлаютъ другіе или такъ принято. Всякая личность для своего самостоятельнаго существованія развиваетъ не только наблюдательность и умъ, но и разсудительность, твердость, энергію и самообладаніе. Люди не автоматы и не колеса въ машинѣ, движенію которыхъ можно дать одно общее направленіе, а живыя существа, которыя имѣютъ потребность расти и развиваться всесторонне, сообразно стремленію своихъ внутреннихъ силъ. На ряду съ развитіемъ ума и воли въ каждомъ индивидуумѣ происходитъ развитіе желаній и влеченій. Усиленіе ихъ не опасно; оно бываетъ опасно въ томъ случаѣ, если одни влеченія и желанія развиваются на счетъ другихъ, остающихся слабыми и мертвыми. Сильныя влеченія это та же энергія, только подъ другимъ именемъ. Пламенная любовь къ добру, высокія гуманныя стремленія свойственны сильнымъ натурамъ.

Человѣчество не можетъ быть названо Высшимъ Существомъ, этому противится нашъ разумъ и наше нравственное чувство. Человѣчество есть бытіе конечное, условное, между тѣмъ съ понятіемъ о Высшемъ Существовѣ мы соединяемъ бытіе беско-

нечное и безусловное. Оно не можетъ быть названо существомъ совершеннымъ, потому что въ человѣчествѣ сохраняется не одно только хорошее, но и все дурное, рядомъ съ Христомъ и Сократомъ находятся люди, убившіе ихъ. Между тѣмъ съ идеей о Высшемъ Существомъ мы связываемъ представленіе о Существомъ безусловно совершенномъ.

Мысль Конта, что человѣчество есть осуществленіе принципа добра и любви, что будто вся исторія его представляетъ картину развитія этихъ началъ, есть мысль односторонняя и преувеличенная. Противъ нея свидѣтельствуетъ та же самая исторія человѣчества. Не восходя къ отдаленному дикому и варварскому состоянію человѣчества, характернымъ отличіемъ котораго служитъ людоедство и невольничество, припомнимъ хотя нѣсколько страницъ изъ новой исторіи. Не такъ давно въ Европейскихъ цивилизованныхъ государствахъ правосудіе отличалось крайней жестокостью: отрѣзываніе ушей, носовъ, губъ, языка, колесованіе, четвертованіе, сожженіе живьемъ считалось самыми обычными видами наказаній; фальшивые монетки сваривались въ кипящемъ маслѣ, преступники, вмѣсто тюрьмы, садились въ клѣтки и подвергались самымъ ужаснымъ и безчеловѣчнымъ пыткамъ. Еретиковъ и евреевъ тысячами мучила и казнила инквизиція во имя всеблагого и милостиваго Бога! Невольничество допускалось не только гражданской, но и духовной властью: до конца XVIII столѣтія іезуиты владѣли церковными рабами въ департаментѣ Юры; даже въ началѣ настоящаго вѣка (1820 г.) при изгнаніи іезуитовъ изъ Россіи оказалось, что эти служители религіи добра и любви владѣли въ Польшѣ 22000 рабовъ. Рабство исчезло только на нашихъ глазахъ; но, хотя закономъ оно и отмѣнено, фактически же существуетъ и въ настоящее время въ видѣ притѣсненій сильнымъ слабого, въ видѣ самой разнообразной эксплуатаціи бѣдности, нищеты, недуга, порока, страсти, привычки, нужды. Войны—это страшное зло для народнаго благосостоянія и величайшій позоръ для человѣчества, должны были бы исчезнуть, по предсказанію Конта, но къ стыду народовъ даже теперь, накануне XX вѣка, происходитъ рѣзня на Востокѣ и можетъ быть въ эту минуту гибнуть христіане

отъ руки своихъ же цивилизованныхъ единовѣрцевъ. Такъ называемый „Судъ Божій“, имѣвшій мѣсто въ грубые, невѣжественные средніе вѣка, продолжаетъ существовать и теперь въ формѣ дуэли. Подкидываніе и убіеніе младенцевъ, можно сказать, болѣе чѣмъ обычное явленіе. Проституція и сводничество прогрессируютъ, а не уничтожаются. Словомъ, не смотря на современное образованіе, на эпоху господства ума и анализа, на глубокое значеніе науки, на большое количество ученыхъ коллегій, университетовъ, высшихъ и низшихъ школъ и на сравнительно улучшенныя условія жизни, человѣчество стоитъ низко въ нравственномъ отношеніи. Нравственный прогрессъ идетъ медленными, едва замѣтными шагами, если признать его существованіе.

Человѣчество, даже очищенное отъ несовершенныхъ личностей и взятое въ числѣ своихъ лучшихъ представителей, такъ сказать, идеальное человѣчество не можетъ удовлетворить нашего нравственнаго чувства. Люди, на какой бы высокой ступени умственнаго и нравственнаго развитія ни стояли, все-же представляются людьми, т. е., въ процессѣ своего развитія, какъ бы ищущими совершенства, которое всегда стоитъ въ концѣ этого процесса, въ отдаленіи. Всѣ потребности человеческой природы: умственные, нравственные и эстетическія, никогда не могутъ найти въ самыхъ же людяхъ, какъ существахъ копечныхъ, своего полного завершенія. Невозможно сказать, вотъ здѣсь предѣлъ, выше котораго не могутъ развиваться истина, справедливость, любовь и правда, потому что чувство долга и мученіе, испытываемое при неисполненіи его, всегда стоятъ впереди развитія человѣка. При томъ, самыя понятія: правда, любовь и справедливость, настолько возможны и осуществимы въ человеческихъ обществахъ, насколько они предполагаютъ дѣйствительно существующій предметъ, какъ безконечный источникъ ихъ проявленій. Безъ признанія абсолютной, всесовершенной правды, добра и любви невозможно познаніе, а равно и развитіе въ самомъ обществѣ, никакой правды, никакой любви и никакого добра. Богъ есть высочайшее совершенство: онъ и безусловная правда, и беско-

нечная любовь; къ нему и стремятся человѣческій разумъ и человѣческое чувство.

Необходимость высочайшаго идеала совершенства для нашей дѣятельности сознаютъ и сами защитники отрѣшенной отъ религіи, гуманитарной морали. Такъ, напр. графъ Л. Толстой въ самой слабости человѣческихъ силъ видитъ поводъ искать высшаго образца и мѣрила для дѣятельности. Сказать, что человѣкъ слабъ, что нужно дать ему задачу по силамъ, что, слѣдовательно, достаточно для него и условной нравственности человѣчества, это все равно, по выраженію Л. Толстого, что сказать: „рука моя слаба, я не могу провести линіи, которая была бы прямая, т. е., кратчайшая между двумя точками, и потому, чтобы облегчить себя, и желая провести прямую линію, я возьму за образецъ кривую и ломанную; но, вѣдь, чѣмъ слабѣе моя рука, тѣмъ нужнѣе мнѣ совершенный образецъ“. Человѣкъ слабъ и поэтому ему необходимъ совершеннѣйшій образецъ добра и правды, онъ нуженъ не для исполненія его во всей идеальной точности, а для того, чтобы этимъ правильнымъ мѣриломъ лучше оцѣнивать работу своего духа.

Мы сказали уже, что жертвовать своей волей въ пользу другой эгоистической воли несправедливо, потому что, отрицая эгоизмъ въ себѣ, несправедливо было бы утверждать его въ другихъ. Осуществленіе правды и любви возможно только по отношенію къ тому, что само по себѣ не можетъ быть эгоизмомъ, что по своей природѣ есть правда. Если же всякое конечное существо по своей природѣ не представляетъ нравственнаго начала, не представляетъ правды, то, слѣдовательно, осуществленіе нравственнаго начала возможно только по отношенію къ существу безусловному, обладающему правдою по природѣ. Воля другихъ только тогда можетъ служить нравственнымъ законамъ, когда эти другіе сами осуществляютъ выше нихъ стоящій нравственный законъ, осуществляютъ правду. Идеальное человѣчество можетъ служить образцомъ для подражанія, какъ этого желаютъ Контъ, Милль и другіе поклонники человѣчества, постольку, поскольку оно въ своей дѣятельности проявляетъ стремленія къ безконечному идеалу совершенства. Итакъ, все правильное духовное развитіе чело-

вѣка обуславливается, его вѣрой въ Высочайшее Существо, какъ безконечную полноту всѣхъ совершенствъ.

Если человѣчество въ отвлеченіи не есть реальность и не есть безусловное совершенное Существо, то оно и не можетъ быть объективнымъ основаніемъ нравственности и высшимъ и авторитетнымъ моральнымъ Законодателемъ. Слѣдовательно заповѣдь альтруизма объективно ни на чемъ не основана и, какъ такая, она не имѣетъ всеобщности и обязательности.

Ученіе Конта объ альтруистической нравственности лишено и *субъективных* основаній. Человѣкъ, по нему, есть „высшая степень животности“ (Le supérieur degré d'animalité) и то, что называютъ „душой“, есть только подходящій терминъ для обозначенія „совокупности интеллектуальныхъ и моральныхъ функцій мозга“. Личность человѣка, покоившаяся въ періодъ теологіи и метафизики на признаніи особой духовной сущности, въ періодъ позитивныхъ знаній понимается просто какъ феномень, такъ какъ въ человѣкѣ нѣтъ того, что спиритуалисты называютъ единствомъ и тождествомъ духа. Умъ человѣка отличается отъ ума животныхъ только степенью. Изреченіе де Блэнвиля, что „инстинктъ есть разумъ въ покоѣ, а разумъ есть инстинктъ въ движеніи“, признается Контомъ безусловно вѣрнымъ. Въ человѣкѣ нѣтъ свободы воли; онъ, какъ и животныя, подчиняется общему закону необходимости. Его альтруизмъ есть принадлежность и животныхъ. Самое бытіе человѣка случайно и мимолетно и не имѣетъ никакой продолжаемости за гробомъ.

Такой взглядъ на человѣка не можетъ служить сколько-нибудь годнымъ основаніемъ понятія о немъ, какъ нравственно-дѣйствующемъ субъектѣ; напротивъ, онъ противорѣчитъ такому понятію. Въ самомъ дѣлѣ, если человѣкъ *только* животное, хотя бы и высшее, то какъ отсюда слѣдуетъ требованіе, предъявляемое къ нему позитивистами, чтобы онъ обуздывалъ себя и жилъ для другаго? Къ животнымъ не предъявляется такого закона, они могутъ „жить для себя“; но *почему* же человѣкъ не можетъ жить для себя, а долженъ „жить для другихъ“? Если онъ животное, то не лучше ли предоставить ему жить такъ, какъ живутъ животныя, т. е., руководиться эгоизмомъ? Если принять во вниманіе, что у большинства людей любовь

къ себѣ сильнѣе любви къ другимъ, и если далѣе альтруистическій инстинктъ у нѣкоторыхъ людей выражается слабѣе, чѣмъ у животныхъ и даже низшихъ, и насѣкомыхъ, напр. муравьевъ, пчелъ и др., то не основательнѣе ли доказывать превосходство эгоизма предъ альтруизмомъ съ позитивной точки зрѣнія? Правда, это будетъ не совсѣмъ нравственно, но зато послѣдовательно, согласно съ положительнымъ понятіемъ о человѣкѣ, и, слѣд., научно.

Подобно Контю, нѣкоторые ученые, напр., Спенсеръ, Леббокъ и Эпинасъ, склонны преувеличивать размѣры такъ называемой альтруистической способности животныхъ и указываютъ на ихъ соціальную жизнь, какъ на выраженіе будто бы присущаго имъ альтруизма. Но животныя собираются въ общества подъ вліяніемъ однихъ біологическихъ импульсовъ питанія и размноженія, а не *сознательно* и *свободно*, какъ человѣческія существа. Животныя не сознаютъ ни цѣли своихъ обществъ, ни мотивовъ ихъ возникновенія, отчего и самыя общества ихъ не прогрессируютъ; напротивъ, мы видимъ, что они распадаются по удовлетворенію біологическихъ инстинктовъ. Животнымъ неизвѣстны ни чувства дружбы, ни уваженія, ни вообще какая-либо умственная и нравственная солидарность. Въ соціальное же чувство человѣка входитъ *нравственное* чувство, возвышающее его индивидуальную и общественную жизнь надъ жизнью животныхъ. Человѣческія общества, по сознанию самаго же Кюпта, отличаются отъ животныхъ обществъ тѣмъ, что „въ нихъ дается преобладаніе болѣе *возвышеннымъ способностямъ* *человѣческой природы* (благороднымъ чувствамъ) или путемъ обезпеченія физическихъ нуждъ, значеніе которыхъ становится все менѣе и менѣе захватывающимъ, или путемъ прямого и постояннаго возбужденія, сообщаемого умственнымъ и нравственнымъ функціямъ“.

Нельзя смѣшивать біологическихъ и нравственныхъ явленій, рѣзко и существенно отличающихся другъ отъ друга. Біологическія явленія, напр. питаніе, развитіе, ростъ, размноженіе совершаются механически, безъ участія сознанія и воли, тогда какъ вся нравственная жизнь человѣка проходитъ при свѣтѣ сознанія и при непремѣнномъ участіи его свободной воли.

Человѣкъ въ состояніи дѣлать такъ, а не иначе, выбирать тѣ или другія рѣшенія, въ состояніи противиться біологическимъ импульсамъ, способенъ къ воздержанію и даже полному подчиненію своего тѣла разуму. Животныя не имѣютъ этой способности, они роковымъ образомъ подчиняются біологической необходимости. Эта способность принадлежитъ только человѣку и составляетъ его отличіе и преимущество; на ней, а не на біологическихъ законахъ, основываются всѣ правила общежитія, взаимныя обязательства, общественные договоры и заповѣди, безъ которыхъ не прочно никакое общество.

Н. Васильковъ.

(Окончаніе будетъ).

Идея Бога и безсмертіе души предъ судомъ новѣйшихъ критиковъ.

КАРО, члена Парижской Академіи наукъ.

(Продолженіе *).

II.

Всѣ гипотезы относительно будущей жизни колеблются между двумя рѣшеніями: идеею метемпсихоза и идеею о продолженіи въ будущей жизни личнаго бытія души.

Конечно, имѣеть большое значеніе уже и самое допущеніе будущей жизни и продолженія въ ней личнаго существованія. Допуская первую мысль, мы рѣшительно отрекаемся отъ грубыхъ идей матеріализма и тонкостей пантеизма; допуская вторую мысль, мы порываемъ всякую связь съ соблазнительными мечтами метемпсихоза. И однако нашъ разумъ еще не удовлетворяется и упорно продолжаетъ свои изысканія по вопросу о той жизни. Другая жизнь! Одно это слово возбуждаетъ въ насъ цѣлый міръ мыслей. Да и что въ этомъ удивительнаго? Мы занимаемъ такъ мало мѣста въ томъ пунктѣ пространства и времени, который данъ для нашей настоящей жизни, мы такъ скоро проходимъ поприще этой жизни, наука такъ точно взвѣсила шаръ, на которомъ законъ притяженія держитъ наше тѣло какъ бы плѣнникомъ,—что все наше существо рвется изъ этой не имѣющей въ себѣ ничего таинственнаго области къ перспективамъ будущаго. Намъ недостаточно знать, что другой міръ существуетъ; недостаточно знать и то, чѣмъ не можетъ быть другая жизнь: вѣтъ, мы хотимъ знать, что онъ есть.

* См. ж. „Вѣра и Разумъ“, за 1897 г. № 10.

Къ несчастію, ни разумъ, ни вѣра не даютъ отвѣта на запросы этой неотвязчивой любознательности. Научная философія не стала бы компрометтировать себя рискованными предположеніями. Религія христіанская, хотя утверждаетъ и больше, чѣмъ философія, однако многихъ вопросовъ не разрѣшаетъ и имѣетъ свои тайны. Такимъ образомъ, какъ со стороны разума, такъ и со стороны вѣры, духъ человѣческой встрѣчаетъ, въ области этихъ вопросовъ, такъ сказать, нѣкоторую раздражающую его сдержанность. Тогда воображеніе доканчиваетъ то, что начали разумъ и вѣра.

Но, въ концѣ концовъ, и воображеніе имѣетъ лишь ограниченную силу. Въ этихъ новыхъ областяхъ, къ которымъ оно приступаетъ съ такимъ стремительнымъ рвениемъ, оно скоро начинаетъ чувствовать со всѣхъ сторонъ недостатокъ въ точкахъ опоры. И вотъ обыкновенно оно безсвязно и невнятно лепечетъ какіе-то, развѣ лишь поэтически-правдоподобные, вымыслы относительно будущей жизни и другого міра. Лишь изрѣдка удавалось ему сказать нѣчто вразумительное, высказать нѣкоторыя вѣроятныя догадки, развитыя нѣкоторыя аналогіи. Но не будемъ однако слишкомъ требовательны и, въ виду этихъ трудныхъ вопросовъ, примемъ рѣшеніе довольствоваться иногда лишь вѣроятнымъ и возможнымъ.

Наша мысль съ первыхъ же шаговъ истощается особенно въ изображеніи неба. Легче изобразить мученія и страданія, чѣмъ блаженство, и въ особенности блаженство безконечное. Неопредѣленность, безцвѣтность и монотонность,—вотъ чѣмъ грѣшатъ почти всѣ попытки воображенія обрисовать состояніе блаженныхъ душъ. Небо древнихъ мало разнообразится. Безъ сомнѣнія, Цицеронъ и Сенека удачно оживили первовачальное представленіе о будущемъ мірѣ, и эта замѣна елисейскихъ полей народной религіи и поэзіи небомъ философскимъ составляетъ прогрессъ, справедливо отмѣчаемый въ исторіи нравственныхъ пдей античнаго міра. Но къ чему, въ концѣ концовъ, сводится это представленіе даже и у Цицерона? Все къ тѣмъ же двумъ или тремъ идеямъ, которыя были уже высказаны Платономъ, или лучше, которыя столь естественны для нашего

разума, что онъ наталкивается на нихъ тотчасъ же, какъ начинаетъ изображать будущій міръ; но эти идеи также въ высшей степени неопредѣленны, не имѣютъ для воображенія никакой выразительности и пластичности. И здѣсь тоже душа, отрѣшившись отъ бремени тѣла, проходитъ это грубое небо, на которомъ образуются облака, дожди и бури и восходитъ на небо болѣе чистое, которое есть наше истинное отечество, тамъ наконецъ мы будемъ блаженны, и если теперь, освободившись отъ житейскихъ заботъ и занятій, предаемся желанію знать и видѣть, то тогда мы будемъ дѣлать это съ полною свободой и проводить радостную жизнь въ созерцаніи истины, въ обществѣ всѣхъ тѣхъ, кто намъ былъ дорогъ,—святыхъ душъ и боговъ. Изображеніе неба у Сенеки отличается большею силою и оригинальностію воображенія. Въ нѣскольکو сильныхъ и энергичныхъ выраженіяхъ онъ старается воспроизвести блескъ божественнаго свѣта, созерцаемаго въ самомъ его источникѣ,—свѣта, которымъ, такъ сказать, переполнено небо. „Этотъ день, котораго ты боишься, какъ послѣдняго дня твоей жизни, есть день твоего рожденія для вѣчности. Ты вздыхаешь, ты плачешь, но когда мы родимся, мы также плачемъ. Нужно имѣть о себѣ и своей участи болѣе высокія и чистыя представленія. Да, нѣкогда природа откроетъ тебѣ великую тайну; мракъ разсѣется, и свѣтъ окружитъ тебя со всѣхъ сторонъ. Представь себѣ, какой свѣтъ произведетъ множество стѣтилъ, лучи которыхъ соединятся вмѣстѣ. Ни одно облачко не будетъ омрачать этой ясности. Небо вездѣ будетъ одинаково свѣтло, ибо переменна дня и ночи существуетъ только на землѣ. Тогда ты скажешь, что прежде ты жилъ во мракѣ, ибо будешь видѣть во всей полнотѣ тотъ свѣтъ, который теперь достигаетъ до тебя посредствомъ глазъ,—какъ бы сквозь узкія и темныя окна, и который однако возбуждаетъ въ тебѣ такое удивленіе. Что же скажешь ты объ этомъ божественномъ свѣтѣ, когда проникнешь въ самый его источникъ?“ ¹⁾

¹⁾ Dies iste, quem tamquam extremum reformidas, aeterni natalis est... Gemis, ploras; et hoc ipsum flere nascentis est... Imaginare tecum, quantus ille sit fulgor, tot sideribus inter se lumen miscentibus“, etc. (Письмо 102).

Христіанство дополнило ученіе о безсмертіи и дало ему болѣе опредѣленныя формы. Къ философскимъ идеямъ о будущей жизни и продолженіи за гробомъ личнаго бытія души, оно присоединило весьма важныя догматы: о первородномъ грѣхѣ, о постепенномъ твореніи душъ, о сверхъестественномъ общеніи съ Богомъ, о вѣчности мученій и блаженства, о воскресеніи тѣла. Но эти догматы удовлетворяютъ разумъ, а воображеніе требуетъ чувственныхъ картинъ, которыхъ, однако, въ богословіи, утверждающемся на откровеніи, мы не находимъ. Откровеніе учитъ людей тому, что необходимо для спасенія, предоставляя человѣку свободу во всемъ томъ, что не затрогиваетъ догматовъ о спасеніи. Воображеніе воспользовалось этой свободой, но неумѣло и неудачно. За исключеніемъ нѣкоторыхъ прекрасныхъ легендъ,—произведеній неизвѣстныхъ поэтовъ,—оно сумѣло составить о раѣ лишь грубыя представленія, справедливо возбуждающія насмѣшки. Я говорю, конечно, о народномъ воображеніи. Умы, подобныя Данте, оставляютъ свой отпечатокъ на всѣхъ своихъ представленіяхъ, и этотъ отпечатокъ есть величіе.

Должно согласиться, что средневѣковыя представленія о небѣ не отличаются красотою. „Вотъ, говорятъ намъ Жанъ Рэйно, на трибунахъ этого страннаго неба чинно, одинъ около другого, сидятъ избранные, каждый занимая то мѣсто, какое онъ заслужилъ себѣ трудами своего краткаго земнаго странствованія; они всецѣло погружены въ свое суровое созерцаніе и навсегда облеклись въ тѣ земныя тѣла, въ какихъ захватила ихъ смерть. Что дѣлаютъ тамъ эти правидѣнія? Живые ли это или мертвые? О, Христе! какъ страшитъ меня этотъ рай, и какъ пріятнѣе для меня моя жизнь съ ея бѣдствіями, несчаствіями и мученіями, нежели это безсмертіе съ его блаженнымъ миромъ!“ Послушайте теперь другого писателя, обладающаго большимъ изяществомъ выраженій и болѣе живою ироніей. Онъ восклицаетъ: „что это за небо, въ которомъ господствуетъ безмолвное, можно сказать, ледяное созерцаніе одного только предмета,—Бога, забвеніе прошедшаго, уничтоженіе всякихъ интересовъ, и молчаніе, если бы блаженнымъ душамъ изъ милости

не дарована была привиллегія пѣть постоянно, въ одинъ и тотъ же голосъ одно и то же *аллелуя!* Люди, находящіеся въ такомъ покоѣ, не имѣютъ уже ничего человѣческаго; они уже не мыслятъ, ничего не помнятъ и не движутся! Они созерцаютъ, молятся и поютъ, размѣщенные по окружностямъ разнообразнаго размѣра: всѣ радіусы исходятъ отъ одного солнца, какъ спицы въ колесѣ, всѣ одинаково прямы и неуклонны. Посмотрите на рай, какъ его изображаютъ художники: на немъ всегда лежитъ печать временнаго и земнаго. Въ самомъ дѣлѣ, что мы здѣсь видимъ? Синеву, которая пронизывается свѣтомъ до самой глубины, громадный кругъ, нѣчто въ родѣ бездны, усыпанной человѣческими головами,—блаженными фигурами, которыя держатся на двухъ крыльяхъ. Первые изъ нихъ имѣютъ законченный видъ, другія отдѣланы менѣе тщательно, третьи едва намѣчены, наконецъ послѣднія, по требованію перспективы, превращаются въ кружокъ, или въ точку подъ полукругомъ. У всѣхъ одинокъ и тотъ же взглядъ, одна и та же улыбка, тѣ же полуоткрытыя подъ вліяніемъ экстаза уста, а въ глубинѣ, въ свѣтовомъ кругѣ, треугольникъ съ символическимъ голубемъ¹⁾. Не это ли печальное небо и теперь еще популяризируютъ среди дѣтей и народа милліоны грубыхъ картинъ? Въ средніе вѣка ни о чемъ больше не мечтали, какъ объ этой монастырской вѣчности, главное занятіе которой состояло въ пѣніи псалмовъ среди гигантскаго собора, построеннаго на тверди небесной. Многіе изъ нашихъ современниковъ,—людей весьма достаточныхъ и благочестивыхъ, остаются въ этомъ отношеніи на уровнѣ среднихъ вѣковъ. Но не внушаетъ ли это холодное блаженство просто страхъ? Не возбуждаютъ ли угрюмыя радости этого рая желаніе уклониться отъ нихъ?

Великіе богословы стремятся избѣгать подобныхъ представленій о будущей жизни. Они благоразумно держатся идеи духовнаго неба и это не потому, что небо есть чисто идеальное небо, невещественная обитель чистыхъ духовъ, ибо нужно допустить и участіе воскресшаго тѣла въ безсмертіи души, но

1) *Les Horizons célestes.*

потому, что небезопасно позволять воображенію вводить въ эту таинственную область свои привычки, вкусы и мечтанія. Таково уже было небо Аристотеля, для котораго высшимъ блаженствомъ служило наслажденіе мысли, сосредоточенной въ созерцаніи. Таковъ *духовный рай* Тома Аквината, который считалъ высшимъ блаженствомъ созерцаніе божественнаго разума. Не таковъ ли, далѣе, и рай Боссюэта, который говоритъ во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій и съ большою настойчивостью о томъ, что „начало вѣчной жизни состоитъ въ знаніи посредствомъ вѣры, а конецъ вѣчной жизни—въ видѣніи лицомъ къ лицу и открыто; небесное блаженство заключается въ томъ, что мы будемъ вѣчно видѣть Бога такъ, какъ Онъ есть, и любить Его непрестающею любовью“? Такимъ образомъ Боссюэтъ указываетъ наиболѣе возвышенную и выдающуюся черту безсмертія. Все прочее, по его мнѣнію, есть дѣло простаго любопытства и служитъ лишь нищею воображенія. Разумъ и вѣра ничему здѣсь не могутъ научиться; это—область воображенія и аффекта,—*somnia optantis, non docentis*, какъ любилъ повторять Монтэнъ, вспоминая о Цицеронѣ.

Но вѣдь это любопытство существуетъ, и оно насъ преслѣдуетъ и мучитъ. Предоставимъ же ему свободу, поскольку оно не становится въ слишкомъ открытое противорѣчіе съ разумомъ. Установимъ свою точку отправленія. Эта точка есть именно та, гдѣ останавливается наука о душѣ. Философія указываетъ въ природѣ человѣка нѣкоторые признаки его безсмертія. Это безсмертіе ничтожно, если оно не есть безсмертіе личности. Оно несправедливо, если оно одинаково какъ для добрыхъ, такъ и для злыхъ. Оно открываетъ безпредѣльное поприще для удовлетворенія нашихъ самыхъ возвышенныхъ стремленій, для развитія нашихъ способностей. Вотъ что защищаетъ спиритуализмъ и считаетъ себя въ правѣ доказывать.

Можно ли хоть немножко уяснить и опредѣлить эти слишкомъ общія мысли? Каждая изъ нихъ содержитъ въ себѣ извѣстныя слѣдствія: одни изъ нихъ незамѣтны и неясны, и ихъ слѣдовало бы показать въ ясномъ свѣтѣ; другія слишкомъ общи и потому, не смотря на свою кажущуюся ясность, почти

безполезны для нашего разума; ихъ было бы интересно разъяснить при помощи наглядныхъ примѣровъ и развить настолько насколько позволяетъ индукція. Это работа очень трудная и изобилующая множествомъ подробностей, о которыхъ мы можемъ дать лишь слабыя представленія, напоминая о тѣхъ впечатлѣніяхъ, какія производитъ, на примѣръ, чтеніе нѣкоторыхъ новѣйшихъ книгъ, въ родѣ: *la Vie future selon la foi et la raison*, *Horizons célestes*, пятая книга сочиненія *Connaissance de l'ame* и т. д.

Общаго между этими писателями только то, что всѣ они одинаково отличаются жаждою безсмертія и религіозностью, которая поддерживааетъ эту жажду, упорядочиваетъ ее и отклоняетъ отъ опасныхъ путей. Въ остальномъ они различны между собою: и по способу доказательствъ, и по цѣли сочиненій, и по характеру талантовъ. Заслуга г. Анри Мартена состоитъ въ томъ, что онъ довольно вѣрно опредѣлилъ, какъ религіозный и именно христіански настроенный человѣкъ долженъ относиться къ тому или другому вопросу относительно будущей жизни. Благодаря его сочиненію мы знаемъ, что можно и чего нельзя допустить по вопросу о матеріальныхъ и нравственныхъ условіяхъ будущей жизни,—такъ сказать, по вопросу о физикѣ и метафизикѣ безсмертія. Авторъ въ этой области не имѣетъ никакого притязанія на оригинальность; онъ старается только о точности и успѣваетъ въ этомъ. Онъ избѣгаетъ здѣсь своихъ личныхъ взглядовъ съ такою же тщательностью, съ какою другіе писатели нашего времени ищутъ пикантной своеобразности. Онъ утверждаетъ только то, что освящено авторитетомъ религіи. Его сочиненіе скорѣе можетъ служить лишь справочною книгою, и притомъ даже для лицъ свободомыслящихъ, потому что она точно устанавливаетъ мнѣніе церкви (католической) по этимъ столь спорнымъ вопросамъ; и такъ какъ даже самый послѣдовательный раціонализмъ никогда не отрицалъ, что христіанство имѣетъ свою глубокую метафизику, то это сочиненіе очень полезно для всѣхъ какъ для враговъ, такъ и для друзей христіанства, въ томъ отношеніи, что оно есть сжатое изложеніе этой метафизики по столь важному во-

просу,—изложеніе, которое есть плодъ несомнѣнной эрудиціи. Развѣ не интересно, даже съ точки зрѣнія философской любознательности, найти краткое и талантливое изложеніе взглядовъ католическаго богословія на будущую жизнь?

Совсѣмъ другой характеръ имѣютъ „*Horizons célestes*“, и глава о *безсмертіи* въ сочиненіи „*Connaissance de l'âme*“. Авторъ книги: „*Horizons célestes*“ ¹⁾ не принадлежитъ ни къ числу философовъ, ни къ числу богослововъ. Можно ли даже назвать его писателемъ? Я не знаю. Это скорѣе страдавшая и желающая себя утѣшить свѣтлыми надеждами душа. „Кто я таковъ, говоритъ онъ намъ,—это вопросъ неважный; лучше, если вы меня не будете знать. Но я любилъ, и люблю; я страдалъ, и буду страдать. Многіе, кого я любилъ, скрылись отъ меня; я видѣлъ, какъ вокругъ меня стала распространять свой мракъ полная призраковъ ночь, наводившая уныніе на печальную душу. Я все пережилъ и испыталъ: и слишкомъ поздня раскаянія, и вопли о помощи, отвѣтомъ на которыя было гробовое молчаніе, и бѣдствія, и сомнѣнія, даже ожесточеніе и уныніе, которое хуже смерти... Тогда я искренно и страстно искалъ лучи, ниспадавшіе съ неба, наполняли мою душу свѣтомъ и блаженствомъ. Не относитесь ко мнѣ съ недоувѣріемъ: я ничему не хочу учить. Дайте мнѣ вашу руку. Пойдемъ, поговоримъ о тѣхъ, которые оставили насъ. Я знаю, гдѣ находятся тѣ, которыхъ мы любили. Я видѣлъ ихъ, и это не сонъ. Я предлагаю вамъ не видѣнія или откровенія, а только благія обѣтованія Бога. Съ моей стороны—ничего, со стороны Бога—много: завѣреніе въ томъ, что мы будемъ жить, что мы увидимся и будемъ вѣчно любить другъ друга“. Такъ начинается авторъ свою книгу и такъ продолжаетъ все время, не особенно заботясь о порядкѣ и методѣ, хотя можетъ быть въ данномъ случаѣ лучшимъ методомъ является тонкій опытъ сердца, знающаго больныя стороны вопроса и затрогивающаго ихъ съ осторожностью, съ глубокою и ясною вѣрою, оставляя въ сторонѣ то, что относится къ области чистой науки и умозрѣнія.

¹⁾ *Госпожа де-Гаспарэнъ.*

II. Гратри, въ главѣ о *безсмертіи*, заканчивающей его трудъ *la Connaissance de l'âme*, точно также не имѣетъ ничего общаго съ богословами. Объ немъ особенно справедливо сказать, что онъ пускается въ открытое небо, желая увлечь насъ съ собой, и мы слѣдуемъ за нимъ съ удивленіемъ и даже съ трепетомъ, хотя въ самомъ этомъ страхѣ есть нѣчто пріятное. Вторая глава представляетъ странное и любопытное усиліе поэтического символизма подмѣтить въ видимомъ мірѣ исторію невидимой жизни души и предугадать, путемъ этого сравненія, законы ихъ общихъ судебъ. Авторъ самъ увѣщаетъ себя „обратить взоры на звѣздное небо, и постараться найти въ немъ признаки временности и непостоянства настоящей жизни,—изучить переходную форму дома Божія и его возможно-идеальную форму, постараться открыть гармонію этихъ формъ съ формами и состояніями жизни нашей души“. Настоящая жизнь души сравнивается у него съ настоящимъ состояніемъ неба; будущая жизнь уподобляется формамъ будущаго преобразованнаго мірозданія! Мистическая астрономія, психологія, объясняемая по аналогіи съ законами Кеплера, астрономія и психологія, сливающаяся въ гармоническое, обворожительное цѣлое! Смѣсь смутныхъ чаяній и научнаго знанія, математическихъ формулъ и молитвъ, лиризма и геометріи, — вотъ что представляетъ это размышленіе. Это—своеобразный трудъ, доводимый до конца со смѣлостью мысли и стиля, которая какъ будто смѣется надъ невозможностью. Что это такое? философскій тезисъ, молитва, сновидѣніе? Здѣсь есть все это; но среди многихъ мистическихъ бредней, рѣшительно не признающихъ разсудочнаго анализа, встрѣчаются прекрасныя индукціи, поэтическія и сильныя гипотезы, которыя являются рѣшительною побѣдою надъ областью неизвѣстнаго.

Каждый изъ этихъ авторовъ слишкомъ бы далеко увлекъ насъ вслѣдъ за собой, если бы мы захотѣли за нимъ послѣдовать. Намъ нужно поставить себѣ извѣстныя границы. Постараемся наскоро воспроизвести лишь нѣкоторыя идеи, которыми на нашъ взглядъ, философія можетъ воспользоваться, по крайней мѣрѣ, какъ матеріаломъ для своихъ размышленій.

Спиритуализмъ утверждаетъ, что послѣ смерти сохраняется тождество личности. Всѣ спиритуалисты согласны въ этомъ, но, можетъ быть, слѣдовало бы настаивать на этомъ больше чѣмъ это дѣлается, не для того, чтобы съ большею силою утвердить это условіе будущей жизни, но для того, чтобы попытаться извлечь изъ него болѣе точные и ясные выводы.

Слово „тождество“ очень неопредѣленно. Пока оно не развито во всемъ объемѣ заключающійся въ немъ мысли, въ немъ для меня ясно скорѣе то, что оно отрицаетъ, чѣмъ то, что оно утверждаетъ. Именно имъ отрицается мысль о двухъ жизняхъ, о двухъ мірахъ, всецѣло чуждыхъ другъ другу,—о томъ, что за одною жизнью слѣдуетъ другая, не стоящая ни въ какой связи съ первой; отвергается та мысль, что грѣхъ можетъ быть наказанъ, хотя бы мы совершенно забыли о немъ, и добродѣтель можетъ получить награду, хотя бы человѣкъ утратилъ всякое сознаніе ея. Отвергаются однимъ словомъ, во всѣхъ ихъ видахъ, метемпсихозъ и пантеистическая доктрина о возвращеніи всѣхъ тварей въ божественную субстанцію. Неужели это все? Много ли это, если мы будемъ знать только одно то, что обѣ части нашей жизни неразрывны и что въ безконечномъ будущемъ мы останемся самими собой?

Осмѣлимся извлечь изъ этой идеи нѣкоторые болѣе содержательные выводы. При какихъ условіяхъ я дѣйствительно могу остаться самимъ собой, сознавать себя самимъ собой въ своей будущей вѣчной жизни, или сохранить то тождество личности, которое мнѣ обѣщаютъ?

Первое условіе—это, безъ сомнѣнія, память о томъ, чѣмъ я былъ, что дѣлалъ и какъ страдалъ. Скажутъ ли намъ, что наполнять мою бессмертную жизнь незначущими воспоминаніями и низкими интересами моей прошедшей жизни значитъ унижать ее? Но средняго нѣтъ, приходится выбирать что-нибудь одно: вы или должны закрыть для меня всякую перспективу протекшихъ дней, и тогда вы отнимете у меня самое условіе тождества, которое дается мнѣ только памятью, или должны допустить, что моя память имѣетъ право возвращаться къ моему прошедшему и воспроизводитъ исторію моей жизни. Если

я есмь я, то только чрезъ ту исторію, которая есть плодъ моихъ трудовъ на землѣ. Что за бѣда, если поприще этой исторіи имѣетъ скромный видъ? Интересъ извѣстнаго дѣйствія зависитъ не отъ величія поприща и пышности обстановки. Сколько великихъ сердецъ незамѣтно работаетъ въ тиши самой скромной жизни? Эта жизнь есть *моя* жизнь: этого достаточно для того, чтобы она меня интересовала. Я понимаю, что она можетъ быть неинтересною для другихъ, но она интересна для меня. Келлія монаха бѣдна, убога, печальна; но если онъ провелъ въ ней тридцать, сорокъ лѣтъ своей жизни, если онъ находитъ въ ней живой слѣдъ своего труда и своей молитвы, этого достаточно: бѣдная келлія освѣщается этимъ воспоминаніемъ; самая эта бѣдность составляетъ долю его блаженства. Кромѣ того, если справедлива мысль, что всѣ условія будущей жизни суть слѣдствія поступковъ и чувствованій моей прошедшей жизни, то не долженъ ли я знать, даже съ нѣкоторыми подробностями, эти поступки и чувствованія, отъ которыхъ зависитъ характеръ моей вѣчной жизни?

Но мы наталкиваемся на болѣе трудный вопросъ. Одинъ ли я создалъ ту индивидуальность, которую я сохраню въ будущей жизни? Кто опредѣлитъ ту долю участія какую имѣли другіе въ образованіи моего характера, въ направленіи моей жизни? Мои поступки и мои мысли въ извѣстной мѣрѣ принадлежатъ мнѣ и касаются только меня. Но въ моихъ чувствованіяхъ нужно различать два нераздѣльных термина: мою личность, испытавшую эти чувствованія, и другую личность, ихъ внушившую. Забуду ли я объ этой личности, которую я любилъ, чрезъ которую былъ счастливъ и ради которой страдалъ? Можетъ ли это быть? Разъ мы допустимъ, что важнѣйшая часть моихъ воспоминаній, т. е., моего я не погибнетъ, — мои чувствованія не войдутъ ли въ составъ неразрывной ткани моей прошедшей жизни, и могутъ ли они существовать въ моей памяти, не существуя въ моемъ сердцѣ? Могу ли я вспоминать о томъ, какъ я любилъ кого-нибудь въ теченіе моей жизни, не любя его при этомъ воспоминаніи? Развѣ можно раздѣлить эти два факта? Не составляютъ ли они скорѣе одинъ фактъ? Такъ возникаетъ предъ

нами великій вопросъ о вѣчности личныхъ привязанностей. Этотъ вопросъ неизбеженъ, потому что наша мысль обращаетъ свои взоры къ вѣчности всегда по поводу какой-нибудь неуничтожаемой смертью привязанности, задавая тревожный вопросъ, возвратитъ ли она намъ ту дружбу или любовь, которую она у насъ похитила. Останусь ли я самимъ собою, если вы искалѣчите мое сердце, если вы отнимете у меня то, что составляло сладость моей жизни; что имѣло такое большое значеніе для моихъ трудовъ и мечтаній, для моихъ скорбей и радостей? Если я со смертію потеряю воспоминаніе о тѣхъ и любовь къ тѣмъ, которыхъ я любилъ и которые такъ тѣсно связаны были съ моею жизнью, то я не узнаю самаго себя, часть моего тождества уничтожится и моя собственная исторія станетъ для меня загадкой.

По этому вопросу нѣкоторые сдѣлали вѣрное и тонкое наблюденіе. Послѣдуемъ, говорятъ, указаніямъ, какія даетъ намъ природа. Почему Богъ увѣковѣчилъ родственныя привязанности у людей, когда Онъ прекращаетъ ихъ у животныхъ? Зачѣмъ бы Онъ сдѣлалъ ихъ самыми сладостными, самыми прекрасными, самыми здоровыми изъ привязанностей, если бы немного позднѣе Онъ пустилъ имъ угаснуть? Не есть ли это предзнаменованіе, предувѣдомленіе, обѣтованіе? Эти привязанности являются намъ съ характеромъ устойчивости, который дѣлаетъ ихъ священными. „Любить только въ этой земной жизни было бы высшимъ несчастіемъ. Я принесу себя въ жертву другому, я получу этотъ неизреченный даръ сердца; наши мысли объединятся и будутъ литься однимъ потокомъ; путемъ этихъ тайныхъ и неизъяснимыхъ связей я буду жить въ немъ или въ ней; любовь совершитъ во мнѣ чудо, уничтоживъ во мнѣ эгоизмъ... Но вотъ приходитъ смерть, и мы должны сказать: все кончено... Первый попавшійся человѣкъ будетъ для меня такъ же дорогъ, или (что тоже) такъ же безразличенъ, какъ и этотъ человѣкъ, всякая личность такъ же драгоценна, какъ и эта любимая, навсегда исчезнувшая личность? Ахъ! мое сердце протестуетъ противъ этого. Если я перестану любить тѣхъ, кого любилъ, если я перестану любить ихъ точно такую

же, конкретною и личною любовію, какою любилъ, то я перестану быть самимъ собой“ ¹⁾). Многіе настаиваютъ на этой идеѣ, —описывая въ холодныхъ и непривѣтливыхъ чертахъ вѣчность, въ которой нѣтъ никакихъ человѣческихъ привязанностей, тѣ странныя фигуры, которыя должны замѣнить для меня семью и друзей, но тѣ, которыхъ я не знаю, которыя скитаются среди мириадъ этихъ, такъ сказать, потерявшихъ себя въ себѣ существъ, не имѣющихъ дѣйствительнаго тождества, общихъ связей и воспоминаній, —чуждыхъ для всѣхъ и какъ бы испуганныхъ тою неизвѣстностью, къ которой привела ихъ смерть. Одною изъ великихъ мыслей Данте не является ли мысль о томъ, что человѣческія привязанности продолжатся въ вѣчной жизни и что онѣ имѣютъ печать неизмѣнности? „Онъ сохранялъ ихъ даже въ аду. Съ одинаковою силою увлекаемыя однимъ и тѣмъ же вихремъ, стенающія отъ одинаково безутѣшной скорби, угнетенныя, объята трепетомъ, души, которыхъ соединили преступныя привязанности, остаются вѣрными другъ другу. Неужели же этого не будетъ по отношенію къ чистымъ привязанностямъ? И если нечестивыя привязанности не боятся смерти, то погибнуть ли святые, въ которыхъ Богъ вложилъ искру жизни, которыя не могутъ умереть?“

Здѣсь возникаетъ страшный вопросъ: но тѣ, которыхъ мы любили, —всѣ ли они будутъ блаженны? Это неизъяснимая тайна. На всѣ эти вопросы относительно карающаго безсмертія вѣра имѣетъ отвѣты, а разумъ не имѣетъ, или если имѣетъ, то такіе, которые не отличаются точностью и удовлетворительностью. Онъ растерянно поникаетъ предъ путями божественной правды.

Итакъ, нѣтъ личнаго тождества безъ памяти, и памяти безъ любви. Для того, чтобы искоренить во мнѣ воспоминаніе о тѣхъ, кого я любилъ, нужно перевернуть все мое прошедшее, а для того, чтобы перестать любить, нужно забыть, что я любилъ. Поэтому вѣчность моихъ привязанностей, повидимому, является однимъ изъ элементовъ личнаго безсмертія, т. е., того

¹⁾ *Les Horizons célestes.*

безсмертія, которое одно только меня интересуетъ, одно только есть настоящее безсмертіе.

Все ли это? Нѣтъ, еще не все. Не очевидно ли, что всѣ существенныя свойства человѣческой природы, должны сохраниться, какъ условія и гарантіи тождества. До какихъ предѣловъ можно простирать этотъ принципъ? Въ какихъ границахъ мы можемъ примѣнять его, не нарушая требованій благоразумной индукціи, не входя въ область слишкомъ нескромныхъ и смѣшныхъ предположеній? Можно ли сдѣлать еще шагъ въ примѣненіи этого принципа тождества? Отчего нѣтъ, если дѣло идетъ о сохраненіи существеннаго свойства человѣческой природы? И—если поставить вопросъ съ полною откровенностью,—будетъ ли тождество полно, если уничтожится различіе половъ, если душа не сохранитъ своеобразія своихъ способностей и свойствъ, если на небѣ будетъ только одинъ родъ душъ, когда на землѣ существуетъ два рѣзко отличающихся другъ отъ друга рода? Предположимъ даже, что при рожденіи между двумя душами не бываетъ различія, но жизнь, со всѣми ея естественными и нравственными условіями, не кладетъ ли навсегда глубокаго различія между душою мужчины и душою женщины, и это столь рѣзко выраженное различіе не становится ли непремѣннымъ элементомъ будущей личной жизни? Но можно ли допустить, что такое рѣзкое различіе не имѣетъ своего источника гдѣ нибудь поглубже? Я нахожу въ книгѣ *Terre et Ciel* нѣкоторые весьма вѣрные взгляды (которые ничего не потеряли бы, если бы были изложены попроще) на этотъ глубокий контрастъ въ способѣ пониманія жизни, ея постановки и направленія, на рядъ противоположностей, какія замѣчаются между душою мужчины и душою женщины, рядъ свойствъ и расположеній, преобладающихъ у того или другого пола, на тотъ дуализмъ, образуемый самыми тонкими оттѣнками чувства и разума, нѣжности и силы, осторожности и смѣлости, активности и пассивности, который метафизика не должна уничтожать своими формулами, предоставивъ его оцѣнку тѣмъ, кто наблюдалъ жизнь человѣческую съ истиннымъ чувствомъ и любовью. На законахъ этихъ-то оттѣн-

ковъ, говорятъ намъ, и покоится принципъ взаимной симпатіи половъ, *главная роль которой состоитъ въ томъ, что она даетъ намъ замѣтить въ другомъ преобладающія свойства, обратныя нашимъ собственнымъ* и привлекаетъ насъ къ нему, потому что образъ, рождающійся въ нашей душѣ на ряду съ нашимъ собственнымъ, дополняетъ послѣдній, когда съ нимъ соединяется, и влечетъ насъ къ себѣ всѣми своими тонкими различіями.—Въ виду всего этого, быть можетъ, уже не слишкомъ будетъ безразсудно думать, что въ принципѣ нашей духовной природы есть нѣкоторыя характеристическія различія, выраженіемъ которыхъ служатъ особенности нашей тѣлесной природы, и что эти различія сохранятся даже и тогда, когда разрушится тѣло?

Но самое это тѣло, къ которому философская доктрина о безсмертіи относится, повидимому, съ такимъ крайнимъ презрѣніемъ, было существеннымъ орудіемъ и выраженіемъ нашей личности, и если все тѣло погибнетъ, то наша личность останется ли въ цѣлости? Не угрожаетъ ли это тождеству личности? Никакая доктрина не обнаружила такого уваженія къ человѣческой личности, какъ христіанство: христіанство, какъ извѣстно, ясно исповѣдуетъ воскресеніе тѣла. Его ученіе, при этомъ, не имѣетъ ничего общаго съ метемпсихозомъ, не смотря на кажущееся ихъ сходство, которымъ нѣкоторые злоупотребили. Метемпсихозъ возвращаетъ душѣ тѣло, но тѣло, совершенно отличное отъ того, съ которымъ она была соединена; христіанство возвращаетъ личности ея собственное тѣло, которое и узнаетъ каждый изъ насъ.

Философія, нужно сознаться, не можетъ заходить такъ далеко, не входя въ опасную область вопросовъ, недоступныхъ для разума. Но если она совершенно не въ силахъ рационально обосновать этотъ догматъ, то значитъ ли это, что она въ правѣ разрушать его? Анри-Мартенъ не допускаетъ этого, и одна изъ самыхъ любопытныхъ главъ его книги имѣетъ цѣлью доказать, что тѣ спиритуалисты, которые допускаютъ будущую жизнь, не имѣя притязаній опредѣлять ее, могли бы избавить себя отъ труда нападать на этотъ догматъ и должны отно-

ситься къ этому вопросу съ благоразумною осторожностью. Эти нападенія естественны лишь со стороны противниковъ безсмертія, а также со стороны послѣдователей метемпсихоза. Чистый спиритуализмъ совсѣмъ не долженъ рѣшать вопросовъ этого порядка. Безъ сомнѣнія, разъ догматъ о воскресеніи тѣла данъ богословіемъ, философія можетъ изслѣдовать, какія его слѣдствія и какъ онъ мирится съ положительными научными данными. Это ея право; и Мартенъ не думаетъ оспаривать его.

Но онъ хочетъ доказать и искусно доказываетъ, что въ догматѣ о воскресеніи нѣтъ ничего а ргіогі несовмѣстимаго съ данными разума ¹⁾).

Вотъ краткое изложеніе этого его аргумента, который, кажется, навѣялъ на него философіею Лейбница. Оставивъ этотъ видимый и осязаемый организмъ, составляющій человеческое тѣло, душа не можетъ ли сохранить организмъ болѣе тонкій, который, быть можетъ, еще въ этой жизни служить орудіемъ ея воздѣйствій на тѣло? Благоразумная философія, которая знаетъ, что утверждаетъ и что отрицаетъ, не можетъ по этому пункту, ничего ни утверждать, ни отрицать. Нѣкоторые утверждаютъ, что тѣло, какое получитъ душа по воскресеніи, не можетъ быть тождественнымъ съ тѣмъ тѣломъ, въ которомъ она нѣкогда жила и которое, какъ организованное тѣло, прекратило свое существованіе. Это справедливо, если рѣчь идетъ о молекулахъ, входящихъ въ составъ этого много разъ измѣнявшагося въ теченіе нашей земной жизни тѣла. Но знаемъ ли мы, въ чемъ состоитъ принципъ тождества живыхъ тѣлъ? Кто осмѣлится отвѣтить на этотъ вопросъ? Вѣрно только то, что этотъ принципъ не состоитъ въ полномъ и постоянномъ тождествѣ элементовъ матеріи. Кто опредѣлитъ намъ то *нѣчто*, которое живетъ въ дубѣ, начиная съ момента его всхода, во всѣ періоды его роста, живетъ въ насѣкомомъ во всѣхъ его формахъ и метаморфозахъ, живетъ въ человеческомъ

1) *La Vie future*, chap. VIII.

тѣлѣ во всѣхъ фазисахъ его жизни, составляя вмѣстѣ и специфическую природу, и индивидуальность живыхъ тѣлъ? Это *нѣчто* дѣйствительно существуетъ, потому что специфическая природа и индивидуальное тождество ясно сохраняются въ этомъ тѣлѣ. Но это *нѣчто* не есть измѣняющаяся матерія, оно неуловимо для насъ и ускользаетъ отъ всѣхъ нашихъ наблюдений; мы видимъ лишь его обнаруженія, но не можемъ уловить устойчивую причину измѣняющихся явленій.

Мы можемъ только предположить, что этотъ принципъ есть принципъ невѣсомый, потому что онъ не уничтожается и не измѣняется при постепенномъ обновленіи всей вѣсомой матеріи живого тѣла. Но между живыми тѣлами есть такія, которыя соединены съ разумною душою, и кто намъ докажетъ, что этотъ принципъ не можетъ быть въ нѣкоторомъ отношеніи съ душою, что это отношеніе не можетъ поддерживаться или возстановиться послѣ смерти, и что этотъ принципъ не можетъ продолжать свое существованіе и послѣ полного разложенія матеріи, какъ онъ сохраняетъ свое существованіе при постоянномъ и полномъ обновленіи матеріи во время жизни? Кто намъ докажетъ, что этотъ принципъ, въ силу своего постоянного единенія съ одною и тою же душою, не можетъ когда нибудь сдѣлаться, по волѣ Создателя, факторомъ возстановленія разрушившагося тѣла? Воскресшее тѣло, безъ сомнѣнія, будетъ состоять не изъ тѣхъ частицъ матеріи, изъ какихъ состоитъ теперь. Но и во время жизни остается-ли когда нибудь въ тѣлѣ постоянный и неизмѣнный составъ матеріальныхъ частицъ? Сущность тѣла не въ этомъ обмѣнѣ матеріи: онъ есть лишь его феноменальная сторона. Истинную сущность тѣла составляетъ тотъ таинственный принципъ тождества, который сохраняетъ ему неизмѣнную форму и сообщаетъ ее измѣнчивой матеріи.

Спросить, что дѣлается съ этимъ принципомъ въ періодъ времени между смертію и воскресеніемъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ одна гипотеза,—не отличающаяся, правда, новизною, потому что Лейбницъ, который ее впервые развилъ ясно, могъ найти зачатки ея у неоплатониковъ. Можно предположить—такова сущность этой гипотезы,—что фізіологическій принципъ

жизни невѣсомъ, но не безтѣлесенъ, и что душа остается въ соединеніи съ этимъ принципомъ, послѣ того какъ она оставляетъ вѣсомое и видимое тѣло ¹⁾).

Этотъ тезисъ стремится доказать, что догматъ о воскресеніи, не заключаетъ въ себѣ ничего невозможнаго и никакого противорѣчія, въ силу котораго философія должна бы была отвергнуть его *a priori*. И дальше этого разумъ, конечно, не можетъ идти въ подобныхъ вопросахъ.

Авторъ книги: *Horizons célestes* старается разрѣшить этотъ вопросъ при помощи чувства. Воскресеніе, возстановленіе: какое чудное слово! „Нѣкогда возстанетъ тотъ, кого я люблю, а не кто другой. Это не новое твореніе, а возстановленіе. Богъ не дастъ мнѣ, вмѣсто дорогого усопшаго, образъ котораго сохраняетъ мое сердце, какое-нибудь другое, неизвѣстное мнѣ существо; нѣтъ! Богъ возставитъ мнѣ того, кого я любилъ, и моя надежда не будетъ обманута! Среди этого праха—о, неизреченное милосердіе Божіе!—скрывается видимый лишь для Бога зародышъ, заключающій въ себѣ жизнь, которую я считалъ навсегда угасшею. Какъ пшеничное зерно, погребенное въ землѣ, при первыхъ дождяхъ, всходитъ покрытое зеленью и полное свѣжести, такъ воскреснетъ и мой возлюбленный въ прославленномъ и нетлѣнномъ тѣлѣ, подобномъ тѣлу воскресшаго Иисуса“. Оставимъ эти тайны. Не будемъ стараться понять то, что очевидно превышаетъ силы человѣческаго разума. Въ особенности воздержимся отъ того, быть можетъ, нѣсколько нескромнаго любопытства, которымъ страдаетъ авторъ *Horizons célestes* и подъ вліяніемъ котораго онъ доходитъ даже до вопроса о томъ, какимъ образомъ нѣкоторые изъ его знакомыхъ, обладавшіе уродливою фізіономіей, будутъ, въ день воскресенія, облечены въ красоту безсмертную: но одному этому вопросу

1) Мысль о тѣлѣ—принципѣ или о невѣсомомъ, хотя и не безтѣлесномъ принципѣ, весьма часто встрѣчается у Лейбница: *Non est necesse ad animae immortalitatem tuendam, ut sit substantia separata; potest enim semper induta manere subtili corpore, quale ego etiam angelis tribuo. (Epistola Leibnitii ad Bierlingium Janvier 1713 etc., etc.*

можно было бы подозрѣвать женщину въ этомъ симпатичномъ и поэтичномъ писателѣ, если бы мы его уже не знали. Но можно припомнить, что даже бл. Августинъ поддался соблазну этихъ мелкихъ вопросовъ о мистическомъ тѣлѣ и обѣщаль ему исправленіе всѣхъ недостатковъ, — лишь бы это не препятствовало сохраненію тождества. Онъ полагалъ, что недостатки художбы и тучности будутъ въ должной мѣрѣ сглажены, и что Божественный художникъ, не передѣлывая своего творенія, постепенно исправитъ его для вѣчности.

Философія чувствуетъ себя совершенно чуждою въ области этихъ вопросовъ и спѣшитъ ихъ оставить. Подобныя частности пугаютъ ее и, конечно, не безъ основанія. Все, что она можетъ дать нашему нетерпѣливому разуму это какая нибудь остроумная и образная аналогія.

* * *

(Продолженіе будетъ).

ЛИСТОКЪ

для

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Іюня № 11. 1897 года.

Содержаніе. Высочайшій манифестъ.—Высочайшія награды.—Отчетъ эмеритальной кассы духовенства Харьковской епархіи за 1896 годъ.—Списокъ воспитанницъ Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища за 18⁹⁶/₉₇ г.—Краткій отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища за 18⁹⁶/₉₇ уч. годъ.—Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго училища.—Программа преподаванія въ приготовительномъ классѣ Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго училища.—Вѣдомость № 4-й о церковно-приходскихъ школахъ Харьковской епархіи за 18⁹⁵/₉₆ учебный годъ (въ особомъ приложеніи).—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій,

Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Въ 29-й день сего мая Любезнѣйшая Супруга НАША, ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ѲЕОДОРОВНА, благополучно разрѣшилась отъ бремени рожденіемъ НАМЪ Дочери, нареченной Татьяною.

Такое ИМПЕРАТОРСКАГО Дома НАШЕГО приращеніе приемля новымъ знаменованіемъ благодати Божіей на НАСЪ и ИМПЕРІЮ НАШУ изливаемой, возвѣщаемъ о семъ радостномъ событіи вѣрнымъ НАШИМЪ подданнымъ и вмѣстѣ съ ними возносимъ ко Всевышнему горячія молитвы о благополучномъ возрастаніи и преуспѣяніи Новорожденной.

Повелываемъ писать и именовать, во всѣхъ дѣлахъ, гдѣ приличествуеть, Любезнѣйшую НАШУ Дочь, Великую Княжну Татьяну Николаевну, Ея Императорскимъ Высочествомъ.

Данъ въ Петергофѣ мая, въ день 29-й, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ девяносто седьмое, Царствованія-же НАШЕГО въ третье.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:

„НИКОЛАЙ“.

Высочайшія награды.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Синодальнаго Оберъ-Прокурора, Всемилостивѣйше соизволилъ, въ 10-й день истекшаго мая, на награжденіе, за труды по народному образованію, діаконѣ: законоучителя частнаго начальнаго училища въ г. Харьковѣ, содержимаго Григоріемъ Власовскимъ, Василя Браиловскаго и Харьковской Всѣхсвятской церкви Павла Θεонтистова серебряными медалями, съ надписью „за усердіе“, для ношенія на груди на Александровской лентѣ.

За заслуги по духовному вѣдомству Всемилостивѣйше пожалованы, въ 6-й день мая 1897 г., золотыми медалями съ надписью „за усердіе“ для ношенія на шеѣ, на *Станиславской лентѣ*: старосты церквей: домовою, что при Харьковской мѣщанской богадѣльнѣ, 2-й гильдіи купецъ Василій Семененко, соборной Покровской г. Ахтырки, 2-й гильдіи купецъ Θεодоръ Курило; серебряными: на *Аннинской лентѣ*: слободы Рубежной, Волчанскаго уѣзда, Харьковскій мѣщанинъ Іосифъ Швецовъ, Преображенской заштатнаго города Бѣлополя, Сумскаго уѣзда, 2-й гильдіи купецъ Максимъ Пазухинъ, Александро-Невскаго молитвеннаго дома, что при станціи Славянскъ Курско-Харьково-Севастопольской желѣзной дороги, личный почетный гражданинъ Власій Голоснякъ, Троицкой г. Лебедина, Лебединскій 2-й гильдіи купецъ Константинъ Стѣшенко, Дмитриевской г. Харькова, 1-й гильдіи купецъ Григорій Бочаровъ, села Новой Рябины, Богодуховскаго уѣзда, крестьянинъ Алексѣй Страшенно, слободы Боромли, Ахтырскаго уѣзда, Ахтырскій 2-й гильдіи купецъ Петръ Эфросъ, Покровской заштатнаго города Бѣлополя, Сумскаго уѣзда, 2-й гильдіи купецъ Митрофанъ Балаценко, Вознесенской г. Лебедина, мѣщанинъ Василій Воскобойниковъ; для ношенія на груди серебряными: на *Станиславской лентѣ*: Свято-Духовской г. Харькова, мѣщанинъ Иванъ Боровлевъ, села Тростянца, Ахтырскаго уѣзда, крестьянинъ Андрей Кожушко, слободы Стецковки, Сумскаго уѣзда крестьянинъ Иванъ Чугай.

О Т Ч Е Т Ъ

о приходѣ, расходѣ и остаткѣ суммъ эмеритальной кассы духовенства Харьковской Епархіи за 1896 годъ, (второй со времени открытія кассы).

Къ 1-му января 1896 года въ остаткѣ отъ 1895 года суммъ эмеритальной кассы состояло: . . 222.133 р. 80 к.

Сія сумма заключалась:

1. Въ билетѣ 1-го внутренняго съ выигрышами займа въ	100 р. — к.
2. Въ 52 свидѣтельствахъ Государственной 4% ренты, по 1000 руб. каждое на	52.000 „ — „
3. Въ 12-ти свидѣтельствахъ той же 4% ренты, по 500 руб. каждое на	6.000 „ — „
4. Въ 3-хъ свидѣтельствахъ, той же ренты по 200 руб. каждое на	600 „ — „
5. Въ 8 свидѣтельствахъ той же ренты, по 100 руб. каждое на	800 „ — „
6. Въ долговыхъ квитанціяхъ Правленія Харьковскаго Епархіальнаго свѣчнаго завода на . .	162.000 „ — „
и 7. Наличными	633 „ 80 „
	<hr/>
	222.133 р. 80 к.

Въ теченіе 1896 года поступило:

I. Наличными деньгами.

а) Взносовъ отъ участниковъ кассы обязательныхъ и добровольныхъ	28.983 р. 32 к.
б) Взносовъ отъ церквей епархіи	7.370 „ — „
в) Отъ харьковскаго епархіальнаго свѣчнаго завода 3.000 р. за 1895 г. и 10.000 р. за 1 пол. 1896 года, а всего	13.000 „ — „
г) Процентовъ на капиталъ кассы	15.273 „ 34 „
д) Штрафныхъ—за просрочку взносовъ	12 „ 83 „
е) Взносовъ на управленіе кассою	1.908 „ 74 „
ж) Отъ харьковскаго епархіальнаго попечительства капитала, собраннаго въ пользу семействъ умершихъ священно и церковно-служителей . .	265 „ 89 „
з) Отъ діаконѣвъ и псаломщицѣвъ епархіи въ пользу семействъ умершихъ—діакона Васильковскаго и псаломщика Мигулина	16 р. 50 к.

в) Ошибочно представленныхъ благочиннымъ	108 „ — „
і) Возвращены проценты на капиталъ, собранный въ пользу семействъ умершихъ священно и церковно-служителей, за смертію тѣхъ лицъ, которымъ они были высланы	64 „ 58 „
к) Оборотныхъ—за проданные билеты для обмѣна на болѣе крупныя	2.591 р. 66 к.
<hr/>	
Всего наличными поступило:	69.594 р. 86 к.

II. Билетами.

а) Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Попечительства капиталъ, собранный въ пользу семействъ умершихъ священно-и церковно служителей епархіи	85.050 р. — к.
б) Приобрѣтено за наличныя деньги	63.800 „ — „
в) Получено въ Банкирской конторѣ Новова въ обмѣнъ за мелкіе билеты	5.000 „ — „
г) Возвращены Правленіемъ Харьковскаго Епархіальнаго свѣчнаго завода процентныя бумаги, взятыя заимообразно изъ кассы въ 1895 г.	12.000 „ — „
<hr/>	
Всего билетами поступило:	165.850 р. — к.

III. Долговыми квитанціями Харьковскаго Епархіальнаго свѣчнаго завода.

Двѣ квитанціи по 10.000 р. каждая на отданныя заимообразно Правленію Харьковскаго Епархіальнаго свѣчнаго завода процентныя бумаги	20.000 р. — к.
Всего въ 1896 году—наличными, билетами и долговыми квитанціями Харьковскаго Епархіальнаго свѣчнаго завода поступило на приходъ	255.444 „ 86 „

А съ остаточными отъ прошлаго 1895 года на приходъ поступило:

а) Наличными деньгами	70.228 р. 66 к.
б) Билетами	225.350 „ — „
в) Долговыми квитанціями Харьковскаго Епархіальнаго свѣчнаго завода	182.000 р. — к.
<hr/>	
А всего	477.578 р. 66 к.

Въ теченіе 1896 года израсходовано.

I. Наличными деньгами:

а) На выдачу пенсіи	534 р. 34 к.
б) На выдачу процентовъ съ капитала, собраннаго въ пользу семействъ умершихъ священно и церковно-служителей	3.115 „ 35 „
в) На выдачу жалованья служащимъ въ кассѣ.	1.271 „ — „
г) На канцелярскіе и почтовые расходы	103 „ 20 „
д) На поѣздки по дѣламъ кассы	22 „ 15 „
е) На застраховку выигрышнаго билета 1-го Внутренняго займа	4 „ 30 „
ж) На возвратъ взносовъ.	18 „ — „
з) Возвращены Благочинному ошибочно имъ представленные	108 „ — „
и) на покупку процентныхъ бумагъ	63.472 „ 26 „
(Въ томъ числѣ за проц. по купон. 260 р. 96 к.).	
Итого.	68.648 р. 60 к.

II. Билетами:

а) Продано билетовъ для покупки болѣе крупныхъ.	2.600 р. — к.
б) Обмѣнены мелкіе билеты на болѣе крупные.	5.000 „ — „
в) Отданы заимообразно Правленію Харьковскаго Епархіальнаго свѣчнаго завода на четыре мѣсяца, на основаніи резолюціи Его Высокопреосвященства	20.000 „ — „
Итого.	27.600 р. — к.

III. Долговыми квитанціями Харьковскаго Епархіальнаго Свѣчнаго завода:

Правленіемъ Епархіальнаго Свѣчнаго завода погашено долга возвращеніемъ процентныхъ бумагъ, взятыхъ заимообразно 12.000 р. — к.

Всего — наличными, билетами и долговыми квитанціями Харьковскаго Епархіальнаго Свѣчнаго завода въ 1896 году израсходовано 108.248 р. 60 к.

Къ 1-му января 1897 г. состоитъ въ остаткѣ.

а) Наличными деньгами 1.580 ¹⁾ 6 к.

¹⁾ *Примѣчаніе:* въ суммѣ остатка наличными деньгами изъ взносовъ, собранныхъ отъ причтовъ Епархіи на управленіе кассою, остается 1.444 р. 67 к.

б) Билетами	197.750 „ — „
в) Долговыми квитанціями Харьковскаго Епархіальнаго Свѣчнаго завода	170.000 „ — „
<hr/>	
Итого.	369.330 р. 6 к.

Въ истекшемъ 1896 году назначена и выдана пенсія слѣдующимъ лицамъ:

1. Вдовѣ прот. Крестовоздвиженской ц. г. Харькова Аянѣ <i>Шелкуновой</i>	42 р. — к.
2. Зашт. псаломщику с. Охочей Зміевскаго уѣзд. Павлу <i>Стаховичу</i>	7 „ — „
3. Вдовѣ псаломщ. с. Бурлея Зміевскаго уѣзда Маріи <i>Ястремской</i>	7 „ — „
4. Зашт. псал. с. Ворожбы Лебединскаго уѣзда Григорію <i>Лисанскому</i>	7 „ — „
5. Вдовѣ свящ. с. Нижней Сыроватки Сумскаго уѣзда Маріи <i>Лавденковой</i>	21 „ — „
6. Вдовѣ псаломщ. с. Вобрика Сумскаго уѣзда Евфросиніи <i>Строевской</i>	5 „ 8 „
7. Зашт. діак. с. Закотной Старобѣльскаго уѣзд. Василю <i>Попову</i>	14 „ — „
8. Вдовѣ свящ. с. Верхней Дуванки Куинскаго уѣзда Марей <i>Чугаевой</i>	21 „ — „
9. Вдовѣ псаломщ. Деркульскаго завода Старобѣльскаго уѣзда Акилинѣ <i>Оржельской</i>	7 „ — „
10. Вдовѣ свящ. с. Шандриголовой Изюмскаго у. Екатерины <i>Могилянской</i>	21 „ — „
11. Зашт. прот. с. Павловоѣ Сумскаго уѣзд. Захаріи <i>Добрейскому</i>	21 „ — „
12. Вдовѣ прот. г. Чугуева Зміевскаго уѣзд. Аннѣ <i>Сильванской</i>	21 „ — „
13. Зашт. свящ. с. Малой Писаревки Богодуховскаго уѣзда Василю <i>Торанскому</i>	21 р. — к.
14. Зашт. свящ. с. Ольшаной Лебединскаго у. Петру <i>Яновскому</i>	21 „ — „
15. Вдовѣ прот. с. Ново-Пскова Старобѣльскаго уѣзда Любови <i>Раздольской</i>	21 „ — „
16. Зашт. прот. с. Черниговки Старобѣльскаго у. Николаю <i>Матвѣеву</i>	21 „ — „

17. Вдовѣ свящ. с. Петро-Павловки Старобѣльскаго у. Маріи <i>Ястремской</i>	21	„	—	„
18. Зашт. свящ. с. Борщоваго Харьковскаго уѣзда Іоанну <i>Ковалеву</i>	21	„	—	„
19. Зашт. свящ. с. Русской Лозовой Харьковскаго уѣзда Арсенію <i>Будянскому</i>	21	„	—	„
20. Зашт. свящ. с. Большихъ Проходовъ Харьковскаго уѣзда Григорію <i>Лобковскому</i>	21	„	—	„
21. Вдовѣ свящ. с. Ольшаной Харьковскаго уѣзд. Анастасіи <i>Любичкой</i>	21	„	—	„
22. Вдовѣ свящ. с. Гавриловки Харьковскаго у. Анастасіи <i>Ветуховой</i>	18	„	60	„
23. Вд. свящ. с. Бабаевъ Харьковскаго у. Юліи <i>Лобковской</i>	20	р.	16	к.
24. Вд. свящ. с. Основы Харьковскаго у. Маріи <i>Кунцовой</i>	21	„	—	„
25. Вд. свящ. с. Лозоваго Богодуховскаго у. Зинавдѣ <i>Рудинской</i>	21	„	—	„
26. Зашт. свящ. с. Алексѣевки Харьковскаго у. Василю <i>Марченкоу</i>	39	„	—	„
27. Вд. свящ. с. Мостковъ Старобѣльскаго у. Татьянѣ <i>Соколовой</i>	31	„	50	„
<hr/>				
Итого	534	р.	34	к.

Всѣмъ вышепоименованнымъ лицамъ пенсія въ 1896 году выдана за первое полугодіе въ количествѣ 534 р. 34 к., за второе же полугодіе таковая выдана въ январѣ 1897 года, кромѣ священника *Марченко*, вд. прот. *Щелкуновой* и вд. свящ. *Соколовой*, которымъ пенсія и за вторую половину 1896 года выдана въ означенномъ году.

Слѣдующимъ лицамъ эмеритальная пенсія назначена въ 1896 г., а будетъ выдаваться въ 1897 и слѣдующ. годахъ:

1. Зашт. діак. с. Барвенково Изюмскаго уѣзда Николаю *Любарскому* съ 1 іюля 1896 г. по 28 р. въ годъ.
2. Вд. діак. с. Печенѣгъ Волчанскаго уѣзда Харитинѣ *Федоровой* съ 1 января 1897 г. по 28 р. въ годъ.
3. Вд. псаломщ. с. Тарановки Зміевскаго у. Θεодосіи *Михайловской* съ 1 іюля 1896 г. по 14 р. въ годъ.
4. Вд. свящ. г. Сумъ Евфросиніи *Паумовой* съ 1 іюля 1896 г. по 35 р. въ годъ. (Пенсія смѣшанная).

5. Вд. свящ. с. Ясеноваго Лебединскаго у. Аннѣ *Шебатинской* съ 1 января 1898 г. по 42 р. въ годъ.
6. Вд. прот. Харьковской Свято-Духовской ц. Ольгѣ *Левандовской* съ 17 іюня 1896 г. по 42 р. въ годъ.
7. Дочери умер. прот. с. Чернетчины Ахтырскаго у. Ольгѣ *Трояновой* съ 1 февраля 1896 г. по 42 р. въ годъ.
8. Зашт. діак. с. Ворожбы Лебединскаго у. Василю *Заводовскому* съ 1 іюля 1896 г. по 28 р. въ годъ.
9. Вд. діак. съ с. Деркачевки Лебединскаго у. Анастасіи *Флоринской* съ 1 іюля 1896 г. по 28 р. въ годъ.
10. Вд. псалом. с. Кругляковки Купянскаго у. Александрѣ *Кустовской* съ 4 апрѣля 1896 г. по 14 р. въ годъ.
11. Зашт. свящ. с. Средняго-Бурлучка Волчанскаго у. Іоанну *Кіановскому* съ 18 іюня 1896 г. по 42 р. въ годъ.
12. Вд. свящ. с. Городнаго Богодуховскаго у. Анастасіи *Федоровой* съ 14 марта 1896 г. по 42 р. въ годъ.
13. Вд. свящ. с. Верхней-Писаревки Волчанскаго у. Евдокіи *Оцельковой* съ 7 іюня 1896 г. по 42 р. въ годъ.
14. Вд. діак. г. Чугуева Зміевскаго у. Агrippинѣ *Поповой* съ 1 іюля 1897 г. по 28 р. въ годъ.
15. Зашт. псаломщ. с. Поповки Старобѣльскаго у. Николаю *Лигицкому* съ 12 іюня 1896 г. по 14 р. въ годъ.
16. Вд. діак. с. Малиновой Зміевскаго у. Маріи *Ковалевской* съ 1 января 1898 г. по 28 р. въ годъ.
17. Вд. свящ. с. Вуймера Лебединскаго у. Маріи *Проскурниковой* съ 29 апрѣля 1896 г. по 42 р. въ годъ.
18. Зашт. свящ. г. Лебедина Петру *Чижевскому* съ 23 іюля 1896 года по 42 р. въ годъ.
19. Вд. прот. г. Славянска Маріи *Любирской* съ 1 января 1896 г. по 42 р. въ годъ.
20. Вд. діак. с. Муратовой Старобѣльскаго у. Еленѣ *Цоповой* съ 1 іюля 1897 г. по 28 р. въ годъ.
21. Зашт. прот. с. Безлюдовки Харьковскаго у. Іоанну *Хижнякову* съ 11 сентября 1896 г. по 42 р. въ годъ.
22. Вд. прот. Харьковской Троицкой ц. Олимпіадѣ *Лашенковой* съ 24 сентября 1896 года по 42 р. въ годъ.
23. Вд. свящ. с. Верхней Покровки Старобѣльскаго у. Александрѣ *Инноковой* съ 1 января 1896 г. по 42 въ годъ.
24. Вд. свящ. с. Колонтаева Богодуховскаго у. Аннѣ *Кримицкой* съ 14 сентября 1896 г. по 42 р. въ годъ.

25. Вд. свящ. с. Гладкова Старобѣльскаго у. Аннѣ *Жадановской*, съ 1 января 1898 г. по 42 р. въ годъ.
26. Зашт. псал. с. Караванска Валковскаго у. Виссаріону *Дюкову*, съ 5 мая 1896 г. по 14 р. въ годъ.
27. Вд. псал. с. Ряснаго Ахтырскаго у. Олимпіадѣ *Фіалковской*, съ 27 апрѣля 1896 г. по 14 р. въ годъ.
28. Сиротамъ свящ. с. Журавнаго Ахтырскаго у. *Матвѣевымъ*, съ 1 іюля 1896 г. по 42 р. въ годъ.
29. Вд. свящ. с. Рудовки Старобѣльскаго у. Антонинѣ *Каплуновой*, съ 1 января 1897 г. по 42 р. въ годъ.
30. Вд. свящ. с. Ново-Оспной Купянскаго у. Анастасіи *Васильковской* съ 1 января 1898 г. по 42 р. въ годъ.
31. Вд. діак. с. Вирей Сумскаго у. Александрѣ *Башинской*, съ 1 іюля 1897 г. по 28 р. въ годъ.
32. Вд. псал. с. Сороковки Харьковскаго у. Наталіи *Фаворовой*, съ 1 января 1897 г. по 14 р. въ годъ.
33. Вд. псал. с. Гуляй-поля Зміевскаго у. Серафимѣ *Власовской* съ 1 января 1896 г. по 14 р. въ годъ.
34. Зашт. свящ. с. Яблочнаго Богодуховскаго у. Андрею *Стелечкому*, съ 23 августа 1896 г. по 42 р. въ годъ.
35. Вд. свящ. с. Голой-Долины Изюмскаго у. Софіи *Арефьевой*, съ 31 октября 1896 г. по 42 р. въ годъ.
36. Зашт. діак. с. Балаклеи Зміевскаго у. Алексѣю *Критскому*, съ 1 іюля 1896 г. по 28 р. въ годъ.
37. Вд. псал. с. Покровска Купянскаго у. Агrippинѣ *Рудневой*, съ 8 ноября 1896 г. по 14 р. въ годъ.
38. Зашт. діак. с. Циркуновъ Харьковскаго у. Стефану *Ромальскому*, съ 9 августа 1896 г. по 28 р. въ годъ.
39. Зашт. псал. с. Веселаго Харьковскаго у. Никашору *Будянскому*, съ 1 января 1896 г. по 14 р. въ годъ.
40. Зашт. псал. с. Малой Писаревки Богодуховскаго у. Васплію *Семенову*, съ 7 сентября 1896 г. по 14 р. въ годъ.
41. Вд. діак. с. Стратилатовки Изюмскаго у. Маріи *Грабовской*, съ 1 января 1897 г. по 14 р. въ годъ (пенсія псаломщицкая).

Списокъ воспитанницъ приготовит. I, II, III, IV и V классовъ Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища, составленный послѣ годичныхъ испытаній за 189⁶/₇ учебный годъ.

Мая 15 и 24 дня 1897 года.

ПРИГОТОВИТЕЛЬН. КЛАССА.

а) Удостоены перевода въ первый классъ.

1. Андреевкова Евфросинія—вагр. пахвальнымъ апостомъ, Бого-

славская Евгенія—нагр. похв. листомъ, Быковцева Вѣра, Вербицкая Лидія, 5. Веселовская Александра, Горална Елена, Гревпирская Марія, Гура Марія—нагр. похв. листомъ, Давидовичъ Вѣра, 10. Евецкая Варвара—нагр. похв. листомъ, Жадановская Ксенія, Жуковская Марія, Знаменская Екатерина, Квитницкая Клавдія, 15. Климентова Елена, Любарская Софья, Могиланская Таисія, Михайловская Марія, Мураховская Таисія, 20. Нечаева Анна, Николаевская 1-я Марія, Николаевская 2-я Ольга, Оглоблина Надежда, Полянская Анастасія, 25. Попова Варвара, Приходина Лидія, Самойлова Елисавета, Сильванская Александра, Соколовская Софья, 30. Соболева Марія, Станиславская Людмила—нагр. похв. листомъ, Сулима Александра—нагр. похв. листомъ, Страхова Вѣра—нагр. похв. листомъ, Тимоеева Олимпіада—нагр. похв. листомъ, 35. Толмачева Анна—нагр. похв. листомъ, Филевская Татіана, Флиппова Александра, Хижнякова Марія, Школьникъ Надежда—нагр. похв. листомъ, 40. Эннатская Дарія, Фаворова Марія, Федорова 1-я Надежда—нагр. похв. листомъ, Федорова 2-я Анна, Федоровская Наталія—нагр. похв. листомъ.

б) Будутъ переведены въ первый классъ, если передержать удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ.

45. Зданевичъ Валентина, Щелковская Лидія—по русскому языку, Федорова 4-я Марія, Федорова 3-я Анастасія—по счисленію.

в) Крыжановской Анастасіи, какъ не державшей экзамена по всѣмъ предметамъ по болѣзни предоставляется право держать таковой послѣ каникулъ.

г) Оставляется въ подготовит. классѣ на повторительный курсъ, по болѣзни, по просьбѣ отца.

50. Шиплова Антонна.

д) Оставляются въ подготовительномъ классѣ на повторительный курсъ.

Артюховская Вѣра и Прокоповичъ Надежда.

ПЕРВАГО НОРМ. КЛАССА.

а) Удостоены перевода во второй классъ.

1. Богославская Серафима, Булгакова Александра, Быкова Анна, Веселовская Серафима, 5. Гордѣенко Лидія, Григоровичъ Надежда, Дементьева Елена—нагр. пох. лист., Дзюбанова 1-я Анна, Дзюбанова 2-я Наталія, 10. Доброничская Марія, Жукова Елена—нагр. похв. лист., Знаменская Ольга, Иванова Надежда, Инокова Вѣра, 15. Калашникова Анна, Касьянова Анна, Кирше Марія, Краснокутская Софья, Кустовская Лариса, 20. Лонгинова Ольга—нагр. похв. лист., Луценко Зинаида, Мухина 1-я Александра, Му-

хина 2-я Зоя, Насѣдкина Нина нагр. похв. лист., 25. Нлбулицева Барвара, Пономарева Клавдія, Попова Евгенія, Салухина Зинаида, Сергѣева Елена, 30. Соболева Марія, Спѣснцевъ Елена—нагр. похв. лист., Стенурская Елена—нагр. пох. лист., Стефановская Евдокія, Страхова Зоя, 35. Сукачева Дарія—нагр. похвальн. лист., Туранская Любовь, Черняева Ольга, Яновская Анна, Ястремская Евдокія—нагр. похв. лист., 40. Ѳедорова Александра, Ѳедоровская Александра.

б) Будутъ переведены во второй классъ, если передержать удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ.

Войтова 1-я Марія—по русскому языку, Матвѣева Барвара—по русскому и по славянскому языку.

в) Оставляется въ 1 классѣ на повторительный курсъ, по просьбѣ опекуни, по болѣзни.

Войтова 2-я Елпсавета.

г) Увольняется изъ числа воспитанницъ училища.

45. Полтавцева Анна

ПЕРВАГО ПАРАЛ. КЛАССА.

а) Удостоены перевода во второй классъ.

1. Антонова Марія, Бородаева Марія, Букницъ Александра, Васютинская 1-я Анна, 5. Васютинская 2-я Валентина, Власовская Марія—нагр. похв. лист., Григорьева Марія, Григоросуло Варвара, Егорова Валентина, 10. Кохаповская Лидія, Краснокутская Ѳеоктиста, Кузьменко Александра, Кунпцына Варвара, Максимова Зинаида, 15. Малиженковская Марія, Мальцева Елена—нагр. похв. лист., Мураховская Вѣра, Мухина Лидія, Невструева Анастасія, 20. Нлколаевичъ Анастасія, Пироженко Александра, Панкратьева Варвара, Пономарева Ѳеофанія, Попова 1-я Александра (Петр.), 25. Попова 2-я Александра (Стеф.), Попова 3-я Марія, Протопопова Марія, Раевская 1-я Варвара, Роменская Евгенія, 30. Рубинская Пелагія, Сѣрая Зинаида, Тенета Екатерина, Трегубова Зинаида.

б) Будутъ переведены во второй классъ, если передержать удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ.

Семпановская Анна,—по русск. языку; 35. Корнутаенко Анна, Ѳэмина Клавдія—по арифметикѣ, Склярова Марія—по Зак. Божію и арифметикѣ, Клименко Антонина, Кремлянская Наталія—по русскому языку, славянскому языку и арифметикѣ.

в) Оставляется въ 1 классѣ на повторительный курсъ, по просьбѣ отца, по болѣзни.

40. Раевская 2-я Александра.

г) Предложить родителямъ Тумской Александры, какъ по имѣющей возможности заниматься, по слабости зрѣнія, уволить ее изъ училища.

ВТОРОГО КЛАССА.

а) Удостоены перевода въ третій классъ.

1. Алѣйникова Анна—нагр. похв. листомъ, Антонова Зинаида, Бажулова Марія, Базилевичъ Ангелина, 5. Богословская Антонина, Будянская Любовь, Васильковская Клавдія, Ведрицкая Ларисса, Вербяцкая Галица, 10. Виноградова Антонина, Горбунова Александра, Дикарева Матрона, Ялпинская Софья, Закрицкая Марія, 15. Знаменская Антонина, Иванова 1-я Антонина, Иванова 2-я Зинаида, Измайлова 1-я Клавдія, Измайлова 2-я Александра—нагр. похв. листомъ, 20. Ильина Анна, Крохатская Ольга, Лашина Евгенія, Леонтовичъ Анна,—нагр. похв. листомъ, Любарская Александра, 25. Медяникъ 1-я Александра, Медяникъ 2-я Павлина, Мигулица Вѣра, Морозова Зинаида, Николаевская Нина, 30. Петрова Александра, Петровская Параскева, Поморцева Наталія, Понировская Лидія, Попова Антонина, 35. Протопопова Любовь, Ракшевская Марія, Рубинская 1-я Олимпиада—нагр. похв. листомъ, Рубинская 2-я Юлія, Смирнова Софья—нагр. похв. листомъ, 40. Сѣдашова Марія, Твердохлѣбова Ольга, Титова Агнія, Тихоцкая Зинаида, Тугаршнова Лидія, 45. Фенева Елена, Филевская Антонина, Хижнякова Анна, Чиркина Анастасія, Чугаева Анна, 50. Шемигонова Марія, Юдиничъ Глафира, Яковлева Екатерина, Федорова Ольга.

б) Будутъ переведены въ третій классъ, если передержать удовлетворительно экзамень послѣ наникуть.

Несторенко Елена—по Зак. Божію, 55. Торанская Елена—по русск. языку, Черняева Марія,—по арифметикѣ, Шишлова Клавдія—по арифметикѣ и географіи.

в) Оставляется во II классѣ на повторительный курсъ по просьбѣ отца, по болѣзни. Геновская Елена.

г) Увольняется изъ числа воспитаницъ училища, по просьбамъ родителей.

Пашкова Марія 60. Бортникова Пелагія.

д) Увольняется изъ числа воспитаницъ.

Кремповская Евдокія.

ТРЕТЬЯГО НОРМ. КЛАССА.

а) Удостоены перевода въ IV классъ.

1. Бортникова Елена, Буткевичъ Елена, Бѣликова Татіана—нагр. похв. листомъ, Васильева Анна, 5. Вербяцкая Зинаида—

нагр. похв. листомъ, Грекова Марія, Григоросуло Татіана, Еллинская Александра, Калюжная Анна, Корнильева Дарія, Кохановская Евгенія—нагр. похв. листомъ, Краснокутская Ольга, Крохатская Любовь, Лаврова Софья—нагр. похв. листомъ, 15. Любарская 2-я Анна—нагр. похв. листомъ, Навродская Анастасія—нагр. похв. листомъ, Николаевичъ Клавдія —нагр. похв. листомъ, Никулищева Александра, Попова 1-я Елена, 20. Попова 2-я Вѣра, Самойлова Александра, Сапухина Елена, Сидорова Елена, Созонтьева Елена, 25. Стояновичъ Надежда, Стеллецкая Софья, Филиппова Анна, Янзень Екатерина—нагр. похв. листомъ, Ястремская Елисавета; 30. Оеденко Инна, Оедорова Надежда.

б) Будуть переведены въ четвертый классъ, если передержать удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ.

Геневская Екатерина, Смирнская Александра, Оаворова Анастасія—по сочиненію; 35. Климентова Наталія—по сочиненіямъ, Лонгинова Надежда—по русскому языку, Мвнченко Елена—по географіи, Оедоровская Елисавета—по арифметикѣ, Соколовская Валентина—по русскому языку и географіи; 40. Любарская 1-я Марія, Ооменко Анна—по русск. языку и сочиненіямъ.

б) Ооставляются въ III классѣ на повторительный курсъ, по просьбамъ родителей, по болѣзни.

Полтавцева Дарія, Титова Елена, Сильванская Анна.

ТРЕТЬЯГО ПАРАЛ. КЛАССА.

а) Удостоены перевода въ IV классъ.

1. Бородаева Елена, Булгакова Марія—нагр. похв. листомъ, Бутова Елена, Василевская Ольга, 5. Войтова Викторія, Вышемирская Марія—нагр. похв. листомъ, Грекова Александра, Григоровичъ Зинаида, Данцлова Елена, 10. Дьякова Платонида, Еварицкая Анна, Колесникова Варвара, Куницына Ольга, Купчинская Марія, 15. Куруханова Раиса, Лалухина Людмила, Люмицарская Софья, Макухина Марія, Маслова Агнія, 20. Метницкая Инна, Морозова Лидія, Мураховская Евдокія, Мухина Анна, Оглоблина Вѣра, 25. Орлова Евдокія, Павлова 1-я Клавдія, Полянская Евдокія, Сенявина Ксенія, Старченко Анастасія, 30. Сумская Татіана, Труфанова Людмила, Фіалковская Марія, Флейснеръ Александра, Хижнякова Лидія, 35. Ходаковская Александра, Шебатинская Евлампія, Шейке Антонина, Оедоровская Елена—нагр. похв. лист.

б) Будуть переведены въ четвертый классъ, если передержать удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ.

Вышнякова Елена—по сочиненіямъ, 40. Козьменко Александра—по арифметикѣ, Карташевская Евгенія, Хомовская Антонина—по географіи.

в) Увольняется изъ числа воспитанницъ училища за долговременную неявну, безъ объясненія причины.

Павлова 2-я Марія.

ЧЕТВЕРТАГО НОРМАЛЬНАГО КЛАССА.

а) Удостоены перевода въ пятый классъ.

1. Алѣйникова Анна—нагр. похв. листомъ, Антоновская Антонина, Богославская Марія, Васильковская Марія, 5. Вербницкая, Анисія—нагр. похв. листомъ, Еллинская Анна, Зеленина Надежда—нагр. похв. листомъ, Иванова Александра—нагр. похв. листомъ, Капустянская Надежда, 10. Кириллова Ларисса, Купріанова Ольга, Луговникова Надежда, Морозова Анна, Мухина Марія, 15. Муравовская Софья, Новикова Анастасія, Оглоблина Анастасія, Павлова Вѣра, Попова 2-я Матрона, 20. Раевская Антонина—нагр. похв. листомъ, Савельева Марія, Сильванская Зинаида, Соколовская Анна, Станкова Параскева, 25. Торанская Евлампія, Щенинская Евгенія, Ястремская Александра—нагр. пох. листомъ, Ѳедорова Анна, Ѳедоровская Марія, 30. Ѳоменко Евгенія.

б) Переводятся безъ экзамена по годовымъ балламъ.

Остроумова Вѣра, Назаревская Елена.

в) Будутъ переведены въ пятый классъ, если передержать удовлетворительно экзамень послѣ каникулъ.

Найдовская Надежда—по ариѳметикѣ, Полтавцева Анна, 35. Хижнякова Александра—по слав. язык., Сѣдашова Варвара—по русск. язык., Колосовская Татіана—по исторіи, Попова 1-я Александра—по слав. и русск. язык., Шишлова Раиса—по русск. язык. и сочин., 40. Пономарева Зинаида—по сочин. и исторіи, Карабавъ Александра—по славянск. язык., сочинен. и ариѳметикѣ.

г) Оставляется въ IV классѣ на повторительный курсъ, по просьбамъ родителей.

Зюбина Марія, Прокоповичъ Марія.

д) Оставляется въ IV классѣ на повторительный курсъ.

Коханова Анна.

ЧЕТВЕРТАГО ПАРАЛ. КЛАССА.

а) Удостоены перевода въ пятый классъ.

1. Андреепкова Анна, Баженова 1-я Маргарита, Баженова 2-я Екатерина, Бородаева Александра, 5. Васильковская Марія, Власовская Ксенія, Грабовская Марія, Губская Клавдія, Дмитріева Екатерина, 10. Исиченко 1-я Татіана, Крыжановская Екатерина, Лаврова Елена, Лобковская Лидія, Макухина Елена, 15. Михайловская Анастасія, Москалева Евгенія, Несторенко Ксенія, Нес-

торъ Екатерина, Никитина Наталія, 20. Панкратьева Александра, Потапова Татіана, Рыжко Екатерина, Симоненко Параскева, Слюсарева Евгенія, 25. Соколовская Клавдія, Стеллецкая Евфросенія, Тумская Антонина, Тычинина 1-я Антошва, Тычинва 2-я Наталія, 30. Фокина Евфросенія, Чмилевская Ирина—нагр. похв. лист., Ястремская Агафья, Фомина Надежда.

б) Будутъ переведены въ пятый классъ, если передержать удовлетворительно экзамень послѣ каникулъ.

Васютинская Марія, 35. Полянская Татіана, Попова Евдокія—по ариметикѣ, Федорова Анна—по русскому языку и по сочиненію, Власова Мареа—по славянскому и русскому языку.

в) Оставляется въ IV классѣ на повторительный курсъ. по просьбѣ матери по болѣзни.

Краснокутская Параскева.

г) Оставляется въ IV классѣ на повторительный курсъ, какъ неявившаяся на экзамень.
40. Дракина Марія.

д) Оставляются въ IV классѣ на повторительный курсъ.

Оржельская Марія, Хапайченко Вѣра, Испченко 2-я Анастасія, Боско Римма.

в) Увольняется изъ числа воспитаницъ училища.

45. Богославская Анатолія.

ПЯТАГО НОРМ. КЛАССА.

а) Удостоены перевода въ шестой классъ.

1. Баженова Валентина, Бобловская Антонина, Богославская Анастасія, Будянская Татіана, 5. Ваганова Ольга, Васильева Валентина, Васильковская Анастасія, Вербницкая Анна, Власовская 1-я Евдокія, 10. Власовская 2-я Анна, Грекова Софья, Добрецкая Нина, Дракина Зиновія, Дюкова Анастасія, 15. Жукова Ольга, Иванецкая Александра—нагр. похв. лист., Капустянская Марія, Ковалева 1-я Анна, Ковалева 2-я Марія, 20 Крохатская Марія, Крыжановская Евгенія, Лонгпнова Валентина, Люмпнарская Анна, Макаровская Софья, 25. Мураховская Анна, Мухина Анна, Насѣдкина Екатерина, Николаевичъ Анна, Онацкая Евгенія, 30. Павловская Елепа, Погорѣлова Елена, Рубинская Зинаида, Снегирева Іульенія—нагр. похв. лист., Стефановская Марія, 35. Стояновичъ 1-я Анна, Стояновичъ 2-я Марія, Тувицына Зинаида, Фихтеръ Надежда, Флейснеръ Ольга, 40. Чумакова Анна, Юркевская Елисавета, Юшкова Наталія.

б) Будутъ переведены въ VI классъ, если передержать удовлетворительно экзамень послѣ каникулъ.

Воронцова Александра—по русск. язык., Ветухова Елизавета, 45. Горайна Марія—по дидактикѣ, Колосовская Анна—по ариѳметикѣ, Сѣдикова Лидія—по слав. язык. и ариѳм., Пилецкая Марія—по ариѳм. и физик., Жданова Ольга—по физик. и дидакт., 50. Попова Любовь—по ариѳм. и дидакт., Проскурникова Софья—по русск. язык. и физик., Пономарева Валентина—по Закон. Божію, славянскому языкѣ и физикѣ.

в) Оставляется въ V классѣ на повторительный курсъ.

Морозова Марія.

г) Увольняется изъ числа воспитанницъ училища, по просьбѣ отца.

Эвенхова Александра.

ПЯТАГО ПАРАЛ. КЛАССА.

а) Удостоены перевода въ шестой классъ.

1. Артемьева Марія, Бажулова Ольга, Балоновская Елена, Барсукова Марія, 5. Бородаева Наталія—нагр. похв. листомъ, Бѣльева Елена, Васильевская Александра, Данилова Марія, Дюкова Марія, 10. Иванцкая Дарія, Измайлова Зинаида, Ковалевская Марія, Корнильева Ольга, Линицкая Клавдія, 15. Мальцева Марія, Маслова Зина, Набокова Вѣра, Нигровская Любовь, Никитская Наталія, 20. Ольховая Райса, Павлова Анастасія, Панкратьева Марія, Пересыпкина Анастасія, Пестриченко Вѣра, 25. Полтавцева Параскева, Поморцева Марія, Пономарева Евдокія, Попова 1-я Лидія, Попова 2-я Надежда, 30. Роде Екатерина, Рубинская Марія, Сильванская 1-я Наталія, Слюсарева Елена, Стеллецкая Ольга, 35. Твердохлѣбова Ирина, Толмачева Софья, Чебанова Параскева, Червонецкая Марія, Филерская Елисавета, 40. Шебатинская 1-я Леонила, Шебатинская 2-я Евфросинія, Шемигонова 1-я Анна, Шемигонова 2-я Юлія—нагр. похв. листомъ, Шокотова Марина, 45. Якубовичъ Любовь, Оеденко Александра—нагр. похв. листомъ, Оедорова Марія.

б) Будутъ переведены въ VI классъ, если передержать удовлетворительно экзамень послѣ каникулъ.

Крыжановская Марія, Торанская Елисавета—по сочиненію, 50. Кремповская Евфросинія—по слав. язык., Инцова Евгенія—по дидакт., Сильванская 2-я Елена—по физикѣ, Дикарева Марія—по Закону Божію, слав. язык. и физикѣ.

Краткій отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища за 18⁹⁶/97 учебный годъ.

1. Въ 18⁹⁶/97 учебномъ году Совѣтъ училища составляли: а) предсѣдатель совѣта, профессоръ Богословія въ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ, магистръ Богословія, протоіерей Тимоѳей Буткевичъ, б) начальница училища, окончившая курсъ въ Институтѣ благородныхъ дѣвицъ, дворянка, дѣвица Евгенія Николаевна Гейцигъ, в) инспекторъ классовъ, кандидатъ Богословія, протоіерей Никандръ Овпкевичъ, г) члены совѣта отъ духовенства: священникъ Николай Любарскій и священникъ Павелъ Тимоѳеевъ, д) почетная попечительница училища, жена дѣйствительнаго статскаго совѣтника, Дарія Діевна Оболенская, и д) почетный блюститель по хозяйственной части училища, потомственный почетный гражданинъ Николай Осиповичъ Лещинскій.

2. Въ отчетномъ году въ училищѣ было: шесть нормальныхъ классовъ, приготовительный классъ, пять параллельныхъ отдѣлений: въ первомъ, третьемъ, четвертомъ, пятомъ и шестомъ классахъ и одна образцовая церковно-приходская школа.

3. Учебный персоналъ: изъ 17 преподавателей, 15 учительницъ, 12-ти старшихъ воспитательницъ, 12-ти младшихъ воспитательницъ и одной учительницы образцовой церковно-приходск. школы.

4. Къ началу занятій 18⁹⁶/97 учебнаго года въ училищѣ числилось 458 воспитанницъ.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1896 года, по журнальному опредѣленію Совѣта, утвержденному Его Высокопреосвященствомъ принято вновь въ число воспитанницъ училища 103 дѣвицы; именно: въ приготовительный классъ—55, въ первый классъ—38, во второй классъ—2, въ третій классъ—2 и въ четвертый классъ—6.

Вслѣдствіе этого 18⁹⁶/97 учебный годъ начался при пяти стахъ шестидесяти одной воспитанницѣ, которыя по классахъ распределены были такъ: въ приготовит. кл. 56 восп., въ I норм. 46 восп., въ I парал. 41 восп., въ II парал. 62 восп., въ III норм. 42 восп., въ III парал. 44 восп., въ IV норм. 45 восп., въ IV парал. 46 восп., въ V норм. 53 восп., въ V парал. 54 восп., въ VI норм. 37 восп., въ VI парал. 35 восп., итого во всѣхъ классахъ 561 воспитанница.

5. Въ теченіе 18⁹⁶/97 учебнаго года принято было въ число воспитанницъ училища семь дѣвицъ, а именно: въ пригот. кл. 1 дѣв., въ I парал. кл. 2 дѣв., въ III норм. кл. 2 дѣв., и въ V норм. кл. 2 дѣв.

Въ отчетномъ учебномъ году выбыло изъ училища шестнадцать воспитанницъ, а именно: изъ пригот. кл. 5 восп., изъ I норм. кл. 1 восп., изъ I парал. кл. 2 восп., изъ II парал. кл. 1 восп., изъ III парал. кл. 1 восп., изъ IV норм. кл. 1 восп., изъ IV парал. кл. 1 восп., изъ V норм. кл. 1 восп., изъ V парал. 1 восп., изъ VI норм. кл. 1 восп., изъ VI парал. кл. 1 восп.

6. Къ началу годовыхъ испытаній въ училищѣ воспитанницъ числилось: въ пригот. кл. 52 восп., въ I норм. кл. 45 восп., въ I парал. кл. 41 восп., во II парал. кл. 61 восп., въ III норм. кл. 44 восп., въ III парал. кл. 43 восп., въ IV норм. кл. 44 восп., въ IV парал. кл. 45 восп., въ V норм. кл. 54 восп., въ V парал. кл. 53 восп., въ VI норм. кл. 36 восп., въ VI парал. кл. 34 восп., итого во всѣхъ классахъ—552 воспитанницы.

7. Послѣ годовыхъ испытаній, произведенныхъ въ апрѣлѣ и маѣ мѣсяцахъ настоящаго года, по постановленію училищнаго Совѣта отъ 15 и 24 мая н. г.

а) Удостоены перехода въ слѣдующіе классы:

Изъ пригот. кл. въ I кл. 44 восп., изъ I норм. кл. во II кл. 41 восп., изъ I парал. кл. во II кл. 33 восп., изъ II парал. кл. въ III кл. 53 восп. изъ III норм. кл. въ IV кл. 31 восп. изъ III парал. кл. въ IV кл. 38 восп., изъ IV норм. въ V кл. 32 восп., изъ IV парал. кл. въ V кл. 33 восп., изъ V норм. кл. въ VI кл. 42 восп., изъ V парал. кл. въ VI кл. 47 воспитанницъ.

б) Оставлено въ тѣхъ классахъ на повторительный курсъ по просьбамъ родителей и по малоуспѣшности 19 воспитанницъ.

в) Воспитанницамъ, не державшимъ экзаменовъ—по болѣзни и другимъ уважительнымъ причинамъ, равно какъ и получившимъ неудовлетворительныя отмѣтки по нѣкоторымъ предметамъ, дозволено подвергнуться переводному испытанію и передержкѣ экзаменовъ послѣ каникулъ, а именно: въ пригот. кл. 5 восп., въ I норм. кл. 2 восп., въ I парал. кл. 6 восп., во II кл. 4 восп., въ III норм. кл. 10 восп., въ III парал. кл. 4 восп., въ IV норм. кл. 9 восп., въ IV парал. кл. 5 восп., въ V норм. кл. 10 восп., въ V парал. кл. 6 воспитанницъ.

г) Уволено изъ числа воспитанницъ училища по просьбамъ родителей и по малоуспѣшности семь воспитанницъ.

д) Окончили полный курсъ училища 70 воспитанницъ, которымъ, на основаніи 111 § Устава Епархіальныхъ женскихъ училищъ, выдаются аттестаты съ званіемъ домашнихъ учительницъ.

8. Изъ числа переведенныхъ изъ младшихъ въ старшіе классы

и окончившихъ курсъ воспитанницъ, за отличные успѣхи и благоправіе, по опредѣленію Совѣта, удостоены награжденія похвальными листами и книгами: въ пригот. кл. 12 восп.; въ I норм. кл. 8 восп.; въ I парал. кл. 2 восп.; во II парал. кл. 5 восп.; въ III норм. кл. 8 восп.; въ III парал. кл. 3 восп.; въ IV норм. кл. 6 восп.; въ IV парал. кл. 1 восп.; въ V норм. кл. 2 восп.; въ V парал. кл. 3 восп.; въ VI норм. кл. 9 восп.; въ VI парал. кл. 7 восп.

Списокъ воспитанницъ Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища, которыя за отличные успѣхи и отличное благоправіе, по опредѣленію Совѣта, награждаются похвальными листами.

15 и 24 мая 1896 года.

ПРИГОТОВИТ. КЛАССА.

1. Андреевкова Евроспѣя, Богославская Евгенія, Гура Марія, Евецкая Варвара, 5. Станиславская Людмила, Оулима Александра, Страхова Вѣра, Тимоѣева Олимпіада, Толмачева Анна, 10. Школьницкая Надежда, Ѳедорова 1-я Надежда, Ѳедоровская Наталія.

I НОРМ. КЛАССА.

1. Дементьева Елена, Жукова Елена, Лонгинова Ольга, Насѣдкина Нина, 5. Спѣсивцева Елена, Степурская Елена, Сукачева Дарія, Ястремская Евгенія,

I ПАРАЛ. КЛАССА.

1. Власовская Марія, Мальцева Елена.

II КЛАССА.

1. Алѣйникова Анна, Измайлова 2-я Александра, Леонтовичъ Анна, Рубинская 1-я Олимпіада, 5. Смирнова Софья.

III НОРМ. КЛАССА.

1. Бѣлкова Татіана, Вербицкая Зинаида, Кохановская Евгенія, Лаврова Софья, 5. Любарская 2-я Анна, Навродская Анастасія, Николаевичъ Клавдія, Янзенъ Екатерина.

III ПАРАЛ. КЛАССА.

1. Булгакова Марія, Вышемірская Марія, Ѳедоровская Елена.

IV НОРМ. КЛАССА.

1. Алѣйникова Анна, Вербицкая Анисія, Зеленяна Надежда, Иванова Александра, 5. Раевская Антонина, Ястремская Серафима.

IV ПАРАЛ. КЛАССА.

1. Шмплевская Ирина.

V НОРМ. КЛАССА.

1. Иваницкая Александра, Снегирева Іульня.

V ПАРАЛ. КЛАССА.

1. Бородаева Наталія, Шемигонова 2-я Юлія, Оедеико Александра.

Списокъ воспитанницъ VI-хъ классовъ Харьковскаго Епархіального Женскаго Училища, окончившихъ курсъ и получившихъ аттестаты съ правами на званіе домашнихъ учительницъ; при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ, за отличные успѣхи и благонравіе, награждаются книгами.

Мая 27 дня 1897 года

ШЕСТОГО НОРМ. КЛАССА.

Алексѣева Екатерина—нагр. книгою, Архангельская Екатерина, Березовская Олимпіада, Буткова Александра—нагр. книгою, 5 Веселовская Наталія, Вышемірская Варвара, Грекова Надежда, Дзюбанова Анна—нагр. книгою, Дорошенко Людмила, 10. Иванова Анна—нагр. книгою, Ковалевская, Елена—нагр. книгою, Корнѣльева Марѳа, Кошлакова Марія—нагр. книгою, Кравцева Анастасія—нагр. книгою, 15. Кустовская Екатерина, Могилянская Надежда, Назаревская Анна, Пантелеймонова Марія, Пестриченко Антонина, 20. Полницкая Наталія, Попова Зинаида, Ревиневская Анна—нагр. книгою, Самойлова Надежда, Сирятская Марія, 25. Смирнова Марія, Соколова Анна, Сѣкврская Елисавета, Татарская Александра, Титова Александра, 30. Хандуриня Рахиль, Хишнякова Антонина—нагр. книгою, Чебанова Антонина, Чернявская Александра, Якубинская Анна, 35. Яньшина Марія, Оомина Пелагія.

ШЕСТОГО ПАРАЛ. КЛАССА.

1. Абдула Анна, Акимова Елена, Андерсонъ Валентина, Бутковская Пелагія, 5. Грекова Анна, Гревизирская Александра, Григоревпчъ Зиновія, Дейнеховская Меланія—нагр. книгою, Ерофилова Павла, 10. Зубарева Валентина—нагр. книгою, Иннокова Аполлянарія, Капустянская Екатерина, Конѣйчикова Елена, Лобковская Лидія, 15. Любарская Марія—нагр. книгою, Максимова Надежда, Мураховская 1-я Наталія—нагр. книгою, Мураховская 2-я Ксенія—нагр. книгою, Несторова Александра, 20. Никитская Елисавета, Пересыпкина Дарія—нагр. книгою, Полтавцева Раиса, Пономарева Серафима, Попова Любовь, 25. Раевская Анна, Ревская Лидія—нагр. книгою, Рубинская Сусанна, Самойлова Дарія, Сильванская Елена, 30. Станкова Зинаида, Труфанова Елена, Оедорова Надежда, Оеденко Любовь и Оедоровская Марія.

Примѣчаніе. Аттестаты шестнадцати спроть — окончившихъ курсъ училища Совѣтомъ имѣютъ быть обмѣнены на свидѣтельства, выдаваемые изъ канцелярія Г. Попечителя учебнаго округа съ покрытіемъ всѣхъ расходовъ по сему предмету изъ специальныхъ училищныхъ средствъ.

Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища.

Совѣтъ училища извѣщаетъ духовенство Харьковской епархіи, что передержка экзаменовъ во всѣхъ классахъ училища назначена на 11-е августа н. г., а пріемные экзамены для поступленія въ приготовительный, первый и въ остальные классы на 12 и 13-е августа н. г.; при чемъ Совѣтъ училища предупреждаетъ, что всѣ дѣвицы, которыя не явятся въ означенные дни къ экзамену или переэкзаменовкѣ, не будутъ впослѣдствіи допущены къ пріемному экзамену вовсе, а къ переэкзаменовкѣ безъ представленія достаточно уважительныхъ причинъ неявки своевременно.

Программа преподаванія въ приготовительномъ классѣ Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища.

1) По Закону Божію (3 урока въ недѣлю).

Въ приготовительномъ классѣ преподается элементарный курсъ Закона Божія, состоящій:

1. Въ изученіи общеупотребительныхъ молитвъ, символа вѣры и десяти Заповѣдей, съ краткимъ изъясненіемъ ихъ.

Послѣ объясненія того, что такое молитва, — какъ раздѣляются молитвы по содержанію и по времени произношенія, — гдѣ можно молиться, — какими внѣшними дѣйствіями сопровождается молитва, — кому мы молимся, о комъ и о чемъ мы должны молиться, изучаются слѣдующія молитвы:

а) Начинательныя: Царю Небесный; Трисвятое; Пресвятая Троице, помилуй насъ; Молитва Господня; Прїидите поклонимся. б) Утреннія: Отъ сна воставъ, Благодарю Тя, Святая Троице; Къ Тебѣ, Владыко Человѣколюбче, Отъ сна воставъ прїбѣгаю; Молитва ко Пресвятѣй Богородицѣ и къ Ангелу Хранителю. в) На сонъ грядущимъ; Боже вѣчный и Царю всякаго созданія; Господи, не лишь мене небесныхъ Твоихъ благъ; Молитва ко Пресвятой Богородицѣ и къ Ангелу Хранителю. г) Пѣсни Пресвятой Богородицѣ: Богородице Дѣво, радуйся; Достойно есть яко воистину блажити Тя Богородицу; Милосердія двери отверзи намъ. д) Молитва за Царя

и отечество. е) Молитва за живыхъ и умершихъ. ж) Молитвы предъ ученіемъ и послѣ ученія, предъ обѣдомъ и послѣ обѣда, Молитва предъ Причащеніемъ; Молитва святаго Ефрема Сирина.

2. Въ ознакомленіи съ праздниками и постами Православной церкви, а также важнѣйшими событіями священной исторіи, преимущественно съ тѣми, которыя воспоминаются въ великіе праздники и въ дни страстной недѣли.

II) По русск. языку съ церк. славянск. (10 уроковъ въ недѣлю).

1. Усовершенствованіе въ правильномъ и бѣглому, сознательномъ и выразительномъ чтеніи.

Объяснительное чтеніе, соединенное съ передачей прочитаннаго устно—по вопросамъ и безъ вопросовъ.

Заучиваніе наизусть, въ началѣ года со словъ учителя, а потомъ самостоятельно, образцовыхъ статей, какъ прозаическихъ, такъ и стихотворныхъ.

2. *Письменные упражненія.* Списываніе съ книги. Звуковая диктовка. Письмо заученнаго наизусть. Письменное изложеніе прочитаннаго или рассказаннаго въ формѣ полныхъ отвѣтовъ на вопросы.

3. *Грамматическія занятія.* Понятіе о звукѣ и буквѣ. Дѣленіе звуковъ на гласные и согласные. Главнѣйшее подраздѣленіе согласныхъ звуковъ. Понятіе о слогѣ и упражненія въ правильномъ раздѣленіи словъ на слоги. Изученіе на примѣрахъ орфографическихъ правилъ, не требующихъ знанія грамматики. Разборъ предложеній читаемой статьи по вопросамъ и практическое ознакомленіе съ главными частями предложенія и съ различеніемъ частей рѣчи.

4. *По церковно-славянск. языку.* Особенности церковно-славянской азбуки сравнительно съ русскимъ алфавитомъ. Практическое ознакомленіе съ надстрочными знаками и титлами и съ особенностями въ знакахъ препинанія. Славянскія числа.

Упражненія въ церковно-славянскомъ чтеніи съ цѣлію пріученія учащихъ къ чтенію благоговѣйному, правильному, раздѣльному и внятному, съ точнымъ произношеніемъ славянскихъ буквъ и съ соблюденіемъ удареній и знаковъ препинанія.

III) По ариметикѣ (2 урока въ недѣлю).

1. Обученіе счету въ предѣлѣ перваго десятка. Прямой и обратный счетъ. Счетъ порядковый.

Изустное рѣшеніе задачъ.

Ознакомленіе съ цифрами и знаками дѣйствій.

Письменные упражненія надъ числами до десяти.

2. Изученіе чиселъ въ предѣлѣ сотни. Выясненіе значенія десятка, какъ счетной единицы. Счетъ круглыми десятками. Письменное изображеніе десятковъ. Устные и письменныя вычисленія надъ десятками. Рѣшеніе задачъ.

Непрерывный счетъ до двадцати. Письменное изображеніе чиселъ до двадцати.

Непрерывный счетъ и письменное изображеніе чиселъ до ста. Ознакомленіе съ таблицами сложенія, вычитанія, умноженія и дѣленія.

Усвоеніе на память таблицы умноженія. Ознакомленіе съ употребительнѣйшими русскими мѣрами.

3) Нумерація до 1000. Сотня какъ счетная единица. Счетъ сотнями. Письменное изображеніе сотенъ. Непрерывный счетъ и письменное изображеніе до 1000.

IV) По церковн. пѣнію (1 урокъ въ недѣлю).

Приученіе къ правильному положенію корпуса при пѣніи.

Приготовительныя голосовыя упражненія. Приученіе къ вѣрной интонаціи и къ различенію одного звука отъ другого, высшаго отъ низшаго.

Пѣніе съ голоса простѣйшихъ церковныхъ пѣснопѣній, сначала по одной нотѣ (Аминь, Господи помилуй, и Духови Твоему), потомъ на двухъ (Господи помилуй—малое и тройное, Подай Господи, Тебѣ Господи, Отче нашъ, Вѣрую) затѣмъ на трехъ (Богородице, Дѣво, радуйся, и нѣкоторые важнѣйшіе тропари на тотъ же гласъ), наконецъ на четырехъ (Достойно есть, Царю Небесный, Спаси Господи и нѣкоторыя другія пѣснопѣнія на тѣ же гласы.

V) По чистописанію (2 урока въ недѣлю).

Приученіе къ правильному положенію учащихся при письмѣ, къ правильному держанію тетради и пера, къ правильному положенію руки и кисти.

Письмо съ прописи элементовъ строчныхъ и прописныхъ буквъ. Письмо строчныхъ и прописныхъ буквъ и цифръ, по группамъ, соотвѣтственно требованіямъ генетическаго метода.

Письмо съ прописи словъ и цѣлыхъ предложеній.

Епархіальныя извѣщенія.

Настоятель Святогорской Успенской пустыни, архимандритъ *Вассіанъ*, назначенъ благочиннымъ монастырей Харьковской епархіи.

— Священникъ Троицкой церкви сл. Кривой Луки, Изюмскаго уѣзда,

Василій *Мужинъ*, уволенъ отъ должности до выздоровленія, а на его мѣсто переведенъ священникъ Георгіевской церкви сл. Большой Даниловки, Харьковскаго уѣзда, Андрей *Клементьевъ*, а на мѣсто сего послѣдняго перемѣщенъ священникъ с. Мѣловатки, Купянскаго уѣзда, Василій *Лебедевъ*, мая 28 дня 1897 г.

— Діаконъ Всѣхсвятской церкви г. Славянска, Изюмскаго уѣзда, Иванъ *Гревизирскій*, опредѣленный 20 сего мая, согласно прощенію, на священническое мѣсто къ Архангело-Михайловской церкви с. Журавнаго, Ахтырскаго уѣзда, 22 мая рукоположенъ въ санъ священника.

— Діаконъ Григоріевской церкви с. Новоселовки, Изюмскаго уѣзда, Макарій *Быллевъ*, опредѣленъ на діаконское мѣсто при Всѣхсвятской церкви зашт. гор. Славянска, мая 20 дня 1897 г.

— Опредѣленный 2 марта н. г. штатнымъ діакономъ къ Покровской церкви с. Писаревки, Сумскаго уѣзда, псаломщикъ Покровской церкви г. Изюма, Тихонъ *Бутовскій*, 9 сего мая рукоположенъ въ санъ діакона.

— Псаломщикъ Лебединской Николаевской церкви, Иванъ *Заводовскій*, опредѣленъ на штатное діаконское мѣсто къ Маріи-Магдалининской церкви с. Бобрка, Лебединскаго уѣзда.

— Діаконъ Преображенской церкви с. Юнаковки, Сумскаго уѣзда, Николай *Шимкинъ*, 28 апрѣля н. г. волею Божіею умеръ.

— Бывшій воспитаникъ 4 класса Харьковской Духовной Семинаріи, Макарій *Павловскій*, опредѣленъ псаломщикомъ къ Лебединской Николаевской церкви.

— Утверждены въ должности церковнаго старосты: къ Александро-Невской церкви с. Вптицы, Сумскаго уѣзда, двор. Апатолій *Россинскій*; къ Рождество-Богородичной церкви с. Николаевки, того же уѣзда, личн. поч. гражд. Павелъ *Морозовъ*; къ Иоанно-Вопнской церкви с. Рогознаго, того же уѣзда, крест. Антоній *Скачидубъ*.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Крещеніе Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Татіаны Николаевны.—Морской соборъ въ Кронштадтѣ.—Сооруженіе храма въ память столѣтій воссоединенія Подолія.—Дѣятельность приходскихъ братствъ.

8 іюня состоялось крещеніе высоконоворожденной Великой Княжны Татяны Николаевны. Въ Петергофѣ—праздникъ. Флаги на всѣхъ домахъ и дачахъ. Яркое солнце обливаетъ своимъ свѣтомъ всю бездну изумрудной зелени, всѣ пышные цвѣтники, всѣ дивныя фонтаны. Тысячи жителей и дачниковъ въ свѣтлыхъ лѣтнихъ платьяхъ стоятъ съ утра по дорогѣ, около Большого дворца, ожидая кортежа съ высоконоворожденной. Съ экстреннымъ поѣздомъ и на пароходахъ прибыли въ Петергофъ Высочайшія Особы и лица, приглашенныя присутствовать при торжествѣ крещенія высоконоворожденной. Въ верхнемъ саду, гдѣ подъѣзжали ко дворцу Августѣйшія Особы, выстроился караулъ отъ л.-гв. Конногре-

надерскаго полка со штандартомъ и хоромъ трубачей. Изъ Александріи въ Большой дворецъ прибыли Государь и Государыня Марія Ѳеодоровна. Въ 10^{1/2} часовъ изъ Александріи, изъ Фермерскаго дворца, къ Большому Петергофскому дворцу прибылъ церемониальный кортежъ, который открывалъ взводъ Собственнаго Его Величества конвоя, въ красныхъ черкескахъ, ружья на-руку. За нимъ, предшествуемый конюшеннымъ офицеромъ и конюхами, въ парадныхъ ливреяхъ, верхомъ, слѣдовалъ рядъ золотыхъ экипажей. Въ первомъ открытомъ золотомъ фаэтонѣ, цугомъ въ 6 лошадей, ѣхалъ оберъ-гофмаршалъ князь Трубецкой съ высокимъ золотымъ жезломъ въ рукѣ; за нимъ въ низкой золоченой каретѣ ѣхали оберъ-егермейстеръ князь Голицынъ и генер.-адъют. графъ Воронцовъ-Дашковъ; въ высокой золоченой каретѣ, съ зеркальными стеклами, съ краснымъ бархатнымъ верхомъ и рисунками Буше на филеяхъ дворецъ—гофмейстерина Ея Величества Императрицы Александры Ѳеодоровны, свѣтлѣйшая княгиня Голицына везла высокопорожденную Великую Княжну. Въ кареты запряжены по 6 бѣлыхъ лошадей со страусовыми султанами на головахъ, съ золоченою упряжью. На высокихъ, покрытыхъ богатыми коврами съ гербами на козлахъ сидятъ вучеръ, впереди фореиторъ, всѣ своими парадными съ позументами мундирами, треуголками и напудренными париками переносящіе зрители въ скаковую старину. Конюхи въ красныхъ ливреяхъ ведутъ подъ уздцы лошадей. У кареты съ Великой Княжной справа ѣхалъ шталмейстеръ свиты Ея Величества ген.-м. Грюнвальдъ, слѣва командиръ собственнаго Его Величества конвоя флигель-адъют. баронъ Мейендорфъ. Красная полоса казаковъ-конвойцевъ (второй взводъ) и рядъ конюховъ замыкаютъ кортежъ. Высокопорожденную Великую Княжну вынесли изъ кареты и внесли во Дворецъ, въ верхнія комнаты. Залы Дворца наполнились собравшимися на церемонію, занявшими мѣста по пути шествія въ церковь. Въ палаткѣ у герба, которая проходитъ надъ нижнимъ крыломъ Дворца къ его центру съ парадными комнатами, стали шпалерами по правой сторонѣ придворныя дамы и фрейлины въ русскихъ сарафанахъ съ придворными бархатными, шитыми золотомъ, шлейфами, кокошниками и цвѣтными бархатными повязками (у фрейлинъ). Здѣсь блескъ драгоценностей. Лѣвая шпалера—блескъ сплошного золотого и серебряннаго шитья, звѣздъ, лентъ, орденновъ; тутъ первые и вторые чины двора, сенаторы, почетные опекуны. Въ комнатѣ передъ Пикетною сосредоточилась Государева свита. Большая зала, Петровская,—статсъ-дамами. Бѣлая и

украшенная замѣчательнымъ китайскимъ фарфоромъ Китайская комната вмѣстила въ себѣ блескъ военныхъ мундировъ начальниковъ частей, генераловъ, адмираловъ и офицеровъ гвардіи, арміи и флота. Затѣмъ Секретарская комната занята гражданскими чинами, здѣсь же губернаторъ и предводители дворянства; въ Голубой гостиной и Кавалерской комнатѣ— снова русскіе наряды дамъ; здѣсь городскія дамы, т.-е. супруги и дочери лицъ, имѣющихъ пріѣздъ ко Двору. Духовенство собралось въ алтарѣ придворной церкви, а въ самую церковь, передъ началомъ Высочайшаго выхода, были введены въ предшествіи церемоніймейстеровъ и скороходовъ иностранные послы и посланники. Въ церкви же заняли мѣста и члены Государственнаго Совѣта. Всѣ андреевскіе кавалеры были въ цѣпяхъ ордена. Въ церкви же находились католическій епископъ Симонъ, лютеранскіе епископъ Пенгу и генералъ сушеръ-интендентъ Фрейфельдтъ. Среди блеска залъ и живыхъ шпалеръ, ихъ наполнявшихъ, потянулась тоже блестящей лентой процессія Высочайшаго выхода. Ее открывали въ красныхъ мундирныхъ фракахъ гофъ-фурьеры и камеръ-фурьеры. За ихъ красною полосою потянулась уже черная, но тоже раззолоченная полоса придворныхъ мундировъ. Процессію придворныхъ начиналъ церемоніймейстеръ и оберъ-церемоніймейстеръ князь Долгорукій, кончалъ оберъ-гофмаршалъ съ жезломъ, предшествовавшій Ихъ Величествамъ. Государь шелъ съ Императрицей-Матерью. Его Величество былъ въ мундирѣ г.-гв. Конно-Гренадерскаго полка, въ Александро-Невской лентѣ и Андреевской цѣпи. Ея Величество—въ бѣломъ серебряномъ русскомъ платьѣ. За ихъ Величествами слѣдовали управляющій министерствомъ Императорскаго Двора ген.-адъют. бар. Фредериксъ и дежурство: ген.-адъют. адмиралъ Арсенъевъ, свиты Его Величества ген.-м. князь Бѣлосельскій-Бѣлозерскій и флиг.-адъют. Непокойчицкій. За ними слѣдовали Ихъ Императорскіе Высочества Великіе Князья и Великія Княгини: Михаилъ Александровичъ съ Марією Павловною, принцъ Іоганнъ Гольштейнъ-Зондербургъ-Глюкбургскій съ Елисаветою Маврикіеною, Борисъ Владиміровичъ съ Милицею Николаевною, Алексѣй Александровичъ съ Ксенеію Александровною, Павелъ Александровичъ съ княгиней Анастасією Николаевною Романовскою, Константинъ Константиновичъ съ принцессою Евгенією Максимилиановною Ольденбургскою, Дмитрій Константиновичъ съ принцессою Еленою Георгіевною Саксенъ-Альтенбургскою, герцогинею Саксонскою. За ними шли Великія Княжны Ольга Александровна и Елена Владиміровна и Великіе Князья: Андрей Владиміровичъ,

Николай Николаевичъ, Петръ Николаевичъ, Михаилъ Николаевичъ (въ артил. формѣ и геор. лентѣ), Георгій Михайловичъ, Александръ Михайловичъ, Сергій Михайловичъ. На золотой подушкѣ, покрытой золотымъ покрываломъ несла свѣтлѣйшая княгиня Голицына высоконоворожденную Великую Княжну. Покрывало поддерживалъ ген.-адъют. гр. Воронцовъ-Дашковъ, за которымъ слѣдовали князь Евгенийъ Максимиліановичъ Романовскій, ихъ высочества принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій, герцогъ Михаилъ Георгіевичъ Мекленбургъ-Стрелицкій и принцъ Альбертъ Саксенъ-Альтенбургскій. Камеръ-нажи поддерживали шлейфы великихъ княгинь. За царскою фамиліею шла процессія придворныхъ дамъ и высшихъ сановниковъ. Въ пикетной комнатѣ на пути шествія внутреннею караулъ былъ отъ л.-гв. уланскаго Ея Величества Императрицы Александры Ѳеодоровны полка и на флагѣ его стоялъ командующій полкомъ принцъ Наполеонъ. Передъ церковью, въ секретарской комнатѣ (откуда вторая корридорная палатка ведетъ въ церковь), вытянулся въ своей эффектной внушительной формѣ караулъ отъ роты дворцовыхъ гренадеръ. Изъ алтаря церкви вышелъ на встрѣчу Ихъ Величествъ первоприсутствующій членъ Святѣйшаго Синода высокопреосвященный митрополитъ Палладій съ прочими членами Синода и придворнымъ духовенствомъ. Мститый іерархъ осѣнилъ Ихъ Величествъ и входящихъ Царственныхъ Особъ крестомъ и окропилъ св. водою, послѣ чего Государь вышелъ изъ церкви, архіерей удалились въ алтарь, а придворный протепресвитеръ Янышевъ приступилъ къ совершенію таинства крещенія высоконоворожденной. У купели стояли Ея Величество Императрица Марія Ѳеодоровна и великій князь Михаилъ Николаевичъ, востріемники новокрещаемой. По совершеніи таинства Государь вошелъ въ церковь, митрополитъ Палладій съ преосвященнымъ епископомъ рижскимъ Арсеніемъ, епископомъ Гуріемъ и всѣмъ духовенствомъ вышелъ изъ алтаря. Пѣвчіе воспѣли „Тебѣ Бога хвалимъ“. Поставленные на набережной батарее артиллеріи открыли салютъ, по всему Петергофу раздался колокольный звонъ. Затѣмъ митрополитъ совершилъ литургію, за которой Императрица Марія Ѳеодоровна поднесла къ причащенію Свою Августѣйшую Крестницу, баронъ Ѳредериксъ, послѣ причащенія новорожденной, подалъ Ея Величеству знаки ордена св. Екатерины изъ чудныхъ брилліантовъ съ красною лентой и Государыня возложила ихъ на Высоконоворожденную. Послѣ литургіи торжественное шествіе возвратилось во внутренніе покои, откуда Высоконоворожденная Великая Княжна была отвезена съ тѣмъ же церемоніаломъ, какъ и

привезена, въ Фермерскій дворецъ. Въ Большомъ дворцѣ состоялся завтракъ. Высочайшій столъ былъ накрытъ въ Бѣломъ залѣ, гдѣ были накрыты столы для лицъ дипломатическаго корпуса съ супругами, статсъ-дамъ и камеръ-фрейлинъ, для высшихъ придворныхъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ—въ Петровскомъ и Купеческомъ залахъ и для всѣхъ прочихъ присутствовавшихъ лицъ—въ палаткѣ въ саду. Петергофъ былъ иллюминovánъ. «Нов. Вр.»

— По словамъ «Мір. Отг.», Государь Императоръ соизволилъ разрѣшить повсемѣстный сборъ пожертвованій на сооруженіе морского собора въ Кронштадтѣ, комитетъ подъ предсѣдательствомъ вице-адмирала Казнакова горячо принялся за дѣло, чтимый о. Іоаннъ Кронштадтскій съ свойственною ему отзывчивостью на все доброе, принесъ свою лепту на сооруженіе храма и свой призывъ къ братьямъ-морякамъ и всѣмъ православнымъ соотечественникамъ. Слово о. Іоанна не прозвучитъ гласомъ вопіющаго въ пустынь, русскіе люди откликнутся на призывъ о помощи такому доброду, святому, полезному дѣлу—и величественный морской соборъ воздвигнется въ Кронштадтѣ на утѣшеніе русскимъ морякамъ на вѣчную память и воспоминаніе о славныхъ подвигахъ русскаго флота. Отзывчиво русское сердце и щедрa десница русская на дѣла Божіи, а это дѣло задумано и совершится во славу Божію.

— Работы по сооруженію храма, воздвигаемаго на добровольныя пожертвованія въ память одного изъ достопамятныхъ событій въ русской исторіи—возсоединенія Подоліи съ Россіею, по поводу исполняющагося столѣтія возсоединенія,—близятся, какъ сообщаетъ «Цер. Вѣст.», къ окончанію. Изъ отчета распорядительнаго комитета по этой постройкѣ, прочитаннаго въ собраніи комитета 20-го прошлаго апрѣля, оказалось, что храмъ вчернѣ уже законченъ. Комитетъ надѣется, что храмъ будетъ освященъ осенью текущаго года. Хотя имѣющіяся средства на храмъ не велики, однако прежніе годы внушаютъ комитету надежду, что притокъ пожертвованій не прекратится. Въ прошломъ отчетномъ году духовенствомъ епархіи собрано около 12 тысячъ рублей и затѣмъ поступили отъ другихъ лицъ значительныя суммы. Особенно ободрило и возбудило надежды трудящихся надъ устройствомъ храма лицъ сообщеніе собранію начальника губерніи, возвратившагося изъ Петербурга, о томъ что оберъ-прокуроромъ Св. Синода обѣщано отнустить изъ синодальныхъ суммъ на окончаніе храма въ нынѣшнемъ году 13000—14000 р. и внести на тотъ же предметъ въ смѣту 1898 г. 20000 р. и что, кромѣ того, начальствомъ артиллерійскаго вѣдомства разрѣшено

просить о бесплатномъ отпускѣ на отливъ колоколовъ для храма 500 пудовъ мѣди изъ старыхъ пушекъ и ружейныхъ гильзъ и просьбу эту обѣщано исполнить.

— Весьма отрадное явленіе въ церковной жизни представляетъ открытіе и дѣятельность новыхъ приходскихъ братствъ, имѣющихъ возможность, трудясь на небольшомъ районѣ, вполне сообразовать свой трудъ съ мѣстными религіозными потребностями. Нѣкоторыя изъ такихъ братствъ обнаруживаютъ, по словамъ «Цер. Вѣст.», большое усердіе къ своему дѣлу. Недавно совѣтомъ церковнаго противораскольничьяго братства въ станицѣ Пятиизбянской, Донской области, объявлено о бесѣдахъ съ старообрядцами, которыя, по постановленію общаго собранія братства отъ 20 января, должны были вестись съ 18 апрѣля по 28 декабря на разныхъ хуторахъ и станицахъ въ окрестностяхъ Пятиизбянской станицы. Публикуя росписание бесѣдъ, совѣтъ братства приглашалъ священниковъ—членовъ братства употребить всѣ средства къ тому, чтобы о назначенной въ извѣстномъ мѣстѣ бесѣдѣ заранее знало все окрестное раскольническое населеніе. Съ этою цѣлью приходскій священникъ недѣли за 2 до открытія бесѣды чрезъ станичнаго и хуторскихъ атамановъ поставляетъ въ извѣстность относительно времени, мѣста и предмета бесѣды мѣстныхъ главарей и руководителей раскола съ ихъ послѣдователями, и приглашаетъ ихъ къ участию въ собесѣдованіи, отнимая у нихъ, такимъ образомъ, возможность уклониться отъ бесѣды подъ предлогомъ невѣдѣнія о ней. Сверхъ того признается необходимымъ, чтобы въ извѣщеніяхъ о бесѣдѣ упоминалось, что помимо разсужденій о назначенномъ предметѣ на бесѣдѣ могутъ быть разсмотрѣны, по желанію противной стороны, и другіе спорные вопросы.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я

Открыта подписка на новый журналъ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ „ЖИЗНЬ“.

Журналъ будетъ выходить съ 1 Января 1897 г. въ С.-Петербургѣ три раза въ мѣсяцъ (1, 11 и 21) клягами большого формата in 8° въ 10—12 печ. листовъ (160—200 стр.) каждая. Въ программу журнала войдутъ слѣдующіе отдѣлы: I. Романы, повѣсти, рассказы (преимущественно русскихъ авторовъ) стихотворенія и пр. II. Научныя статьи по всѣмъ отраслямъ знанья и искусствъ, въ популярномъ изложеніи. III. Статьи по общественнымъ вопросамъ. IV. Критика и библиографія. V. Русская жизнь. VI. Заграничная жизнь. VII. Театръ. Музыка. Живопись. VIII. Смѣсь. Подписная цѣна за годовое изданіе „ЖИЗНИ“, состоящее изъ тридцати шести книгъ СЕМЬ рублей съ доставкой и пересылкою. Заграницу 7 р. золотомъ. При обращеніи непосредственно въ контору „Жизни“ (С.-Петербургъ, Ковенскій пер., д. № 30) допускается разсрочка: при подпискѣ вносится 3 р., къ 1 Апрѣлю 2 р. и къ 1 Юлю остальные. По особому соглашенію съ конторой допускается разсрочка на болѣе льготныхъ условіяхъ (отъ 1 р. ежемѣсячно). КОНТОРА РЕДАКЦИИ С.-Петербургъ. Ковенскій пер., д. № 30.

Редакторъ-Издатель С. В. Воейковъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ.

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

подъ редакцію А. И. ПОПОВИЦКАГО и при участіи Отца ІОАННА КРОНШТАДТСКАГО.

„Русскій Паломникъ“ одобренъ всѣми вѣдомствами, въ которыхъ былъ представленъ редакцію, а именно: 1) Учебнымъ комитетомъ при Св. Синодѣ допущенъ къ пріобрѣтенію въ бібліотеки духовныхъ семинарій и училищъ, а также въ бібліотеки епархіальныхъ и благочинническихъ; 2) Ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія одобренъ для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Рекомендованъ: 3) Учебнымъ Комитетомъ по вѣдомству Императрицы Маріи для женскихъ учебныхъ заведеній сего вѣдомства; 4) главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній для чтенія воспитанникамъ сихъ заведеній; 5) Главнымъ Тюремнымъ управленіемъ для тюремныхъ бібліотекъ, и сверхъ сего: 6) Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія рекомендованъ особому вниманію Гг. Попечителей учебныхъ округовъ; 7) Г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ особому вниманію тюремныхъ комитетовъ; 8) Нѣкоторыми епархіальными Преосвященными особому вниманію духовенства, наконецъ 9) Во всеподданнѣйшихъ отчетахъ г. Оберъ-Прокурора Св. Синода по вѣдомству православнаго исповѣданія за 1887, 1888 и 1889 годы одобренъ, какъ доставляющій чтеніе, интересное по своему разнообразію и назидательное, для любителей духовнаго просвѣщенія и христіанскаго благочестія. Годовые подписчики въ теченіи 1897 года получаютъ: 52 еженедѣльныхъ №№. Каждый номеръ въ размѣрѣ двухъ листовъ большаго формата (16 стр. убористой печати) съ 6—8 художественными рисунками, 12 ежемѣсячныхъ книгъ изящно отпечатанныхъ на плотной бумагѣ, объемъ каждая 6—7 листовъ (100—120 страницъ).
Безплатное приложеніе: копію съ иконы новавленнаго чудотворца, святителя Θεодосія архіепископа черниговскаго исполненную въ 20 красокъ, размѣромъ 18¹/₂ д. выш. и 14¹/₂ д. шир. „Русскій Паломникъ“ представляетъ собою единственный въ Россіи журналъ для семейнаго религіозно-нравственнаго чтенія, по богатству же, разнообразію и занимательности содержанія и художественности рисунковъ его можно смѣло сравнить съ лучшими отечественными изданіями. Содержаніе журнала, благодаря легкому, изящному общедоступному изложенію и художественнымъ рисункамъ дѣлаетъ „Русскій Паломникъ“ пригоднымъ для каждой христіанской семьи, для учащагося юношества, для всѣхъ вообще ревнителей благочестія, для казармъ, богадѣленъ, пріютовъ, больницъ, тюремъ и рабочихъ домовъ. Въ 12 книжкахъ „Русскаго Паломника“ будетъ помѣщено: 1) Задушевное слово. Сборникъ избранныхъ духовныхъ стихотвореній М. Н. Глинки, В. Майкова, Н. Языкова, Мея, Лопухина Хомякова, О. Чюминой и др. 2) Калиста. Повѣсть изъ жизни Кароагенскихъ христіанъ. 3) Сѣверъ Россіи и его святые. Путешествіе по Соловкамъ, Валааму и друг. обителямъ сѣверной Россіи. Очерки и рассказы съ рисунками. 4 и 5) Жизнь и творенія св. Іоанна Златоустаго. Подъ редакціей преосвященнаго Ниванора, епископа Смоленскаго 6) Дневникъ о. Іоанна Кропштадтскаго. 7 и 8) На зарѣ христіанства. Большой рассказъ изъ эпохи нероповскихъ гоненій на христіанъ. Передѣлка обширнаго сочиненія Ф. Фаррара. 9) „Какъ живутъ наши умершіе и какъ будемъ жить и мы по смерти“. Извлеченіе изъ извѣстнаго и въ высокой степени интереснаго труда монаха Митрофана. 10) „Скорбь Россіи“. Послѣдніе дни жизни и кающа Царя-Миротворца. Альбомъ изъ оригинальныхъ рисунковъ худ. В. Овсянникова, А. Чикина, А. Писемскаго, Э. Соколовскаго и др. въ память 3-й годовщины 20 октября 1894 г. 11) Свѣтъ Азіи. Евангеліе въ дѣбряхъ Сибири. Изъ записокъ православныхъ миссіонеровъ. Очерки и рассказы. 12) Избранныя пѣснопѣнія въ русской православной церкви. Сборникъ духовныхъ нотъ и образцовъ наиболѣе употребительныхъ напѣвовъ, между прочимъ, знаменитаго Симоновскаго напѣва.

Подписная цѣна на журналъ „Русскій Паломникъ“ безъ доставки въ Сиб. пять р. Съ дост. и перес. во всѣ города Росс. имперіи шесть р. За границу 8 р. Допускается разсрочка подписныхъ денегъ. Контора журнала „Русскій Паломникъ“—С.-Петербургъ, Стремянная ул., собственный домъ, № 12.

При этомъ № прилагается объявленіе Матвѣева эфедра трава Кузьмича.

Кто и съ какого времени завѣдуетъ школою и обучаетъ въ ней и какой имѣеть образовательный цензъ?	Сколько и отъ кого поступило на содержаніе школы.						Сколько и отъ кого поступило въ вознагражденіе учащихся?	Число жителей въ приходѣ обоого пола.				
	Отъ Епарх. Училищнаго Совѣта.	Отъ уѣзднаго отдѣленія.	Отъ церкви.	Отъ церковно-приход. попечительства.	Отъ попечителя школы.	Отъ сельского общества.		Отъ частныхъ жертвователей.	Плата за обученіе.	Православныхъ.	Раскольниковъ.	Инобѣрцевъ.
<p>Завѣдующій и законоучитель священ. Георгій Рудинскій, окончившій курсъ духовной семинаріи; учитель Павелъ Строновскій, окончившій курсъ учительской семинар., и учительница Екатерина Троянова, окончившая курсъ епарх. женск. училища; всѣ со времени открытія школы.</p>	100	115	60	—	120	300	—	695 р.; въ остаткѣ 30 руб.	Учителю отъ земства 300 р., учительницѣ отъ Епарх. Училищнаго Совѣта 100 руб., отъ церкви 30 р., отъ общества 120 руб.; всего 250 руб.	3693	—	—
<p>Завѣдующій и законоучитель священникъ Павелъ Реутскій, окончившій курсъ духовной семинаріи; учитель псаломщикъ Федоръ Ефимовъ, не оконч. курса духовнаго училища, но имѣющій званіе учителя, съ 1894 года.</p>	—	—	—	—	120	—	—	120 р.; въ остаткѣ нѣтъ.	Учителю отъ общества 120 руб.	1410	—	—
<p>Завѣдующій и законоучитель священникъ Михаилъ Ковалевскій, окончившій курсъ Духовной Семинаріи, со времени открытія школы; учитель діаконъ Григорій Судима, окончившій курсъ духовнаго училища, съ 8 ноября 1894 года.</p>	ни	отъ	кого	не	пост	упало.	—	—	—	3161	—	—
<p>Завѣдующій и законоучитель священникъ Андрей Курасовскій, окончившій курсъ духовной семинаріи; законоучитель діаконъ Стефанъ Протопоповъ, изъ низшаго отдѣленія духовнаго училища, со времени открытія школы; учитель Иванъ Ходаковский, изъ 2 класса духовной семинаріи, съ октября 1895 года.</p>	—	—	120	—	—	—	—	120 р.; въ остаткѣ нѣтъ.	Учителю отъ церкви 120 руб.	3761	—	—
<p>Завѣдующій и законоучитель священникъ Викторъ Трояновъ, окончившій курсъ духовной семинаріи; учитель діаконъ Іоаннъ Троицкій, окончив. курсъ духовнаго училища; оба со времени открытія школы.</p>	—	—	70 р. 33 к.	—	—	—	—	70 руб. 33 к.; въ остаткѣ нѣтъ.	—	4086	—	—
<p>Завѣдующій и законоучитель священникъ Алексѣй Пономаревъ, окончившій курсъ Духовной Семинаріи, со времени открытія школы; учитель псаломщикъ Николай Измайловъ, изъ 3 класса духовной семинаріи, съ 1894 года.</p>	—	—	—	—	159 р. 35 к.	—	—	159 руб. 35 к.; въ остаткѣ нѣтъ.	Учителю отъ общества 45 р.	1512	—	514

№№ по порядку.	Мѣстонахождение школы и время ея открытія.	Въ чемъ зданіи помѣщается школа и на сколько оно удобно для школьных занятій.	Число учащихся въ школѣ.						Число оконченныхъ курсъ.	Число учащихся, участвовавшихъ въ церковномъ хорѣ.	Число книгъ школьной библіотеки.	Кто и съ какого времени состоитъ попечителемъ или помощителемъ школы?				
			Мальчиковъ.		Дѣвочекъ.		Въ томъ числѣ.									
					Православнаго исповѣдан.		Католическаго.						Лютеранскаго.			
			Съ свѣд. на льготу.	Безъ свѣд. на льготу.	Мальчишеск.	Дѣвическ.	Съ свѣд. на льготу.	Безъ свѣд. на льготу.					Дѣвоческ.	Мальчишеск.		
146	Въ с. Балаклеѣ, 12 октября 1893 года.	Въ церковн. сторожкѣ, неудобной.	24	—	24	—	—	—	5	—	—	1	—	74	—	—
147	Въ с. Богодаровой, 16 ноября 1893 года.	Въ церковной сторожкѣ, удобной.	35	6	41	—	—	—	5	—	2	10	6	102	65	—
148	Въ с. Бригадировѣ, 18 октября 1894 года.	Въ наемной квартирѣ, удобной.	34	1	35	—	—	—	8	—	—	16	—	122	—	—
149	Въ с. Борщевой, 23 октября 1894 года.	Въ церковн. сторожкѣ, неудобной.	21	—	21	—	—	—	—	—	—	—	—	87	—	Крестьянинъ И. Борщъ, со времени открытія школы
150	Въ с. Берекѣ при Вознесенской церкви, 3 октября 1894 года.	Въ наемной квартирѣ, неудобной.	54	7	61	—	—	—	5	—	1	15	1	220	—	Земскій начальн. Г. Я. Рядновъ, съ 1895 г.
151	Въ с. Берекѣ при Христорождественской церкви, 21 октября 1894 года.	Въ церковн. сторожкѣ, неудобной.	20	—	20	—	—	—	—	—	—	5	—	—	—	—
152	Въ с. Водяномъ, 20 ноября 1892 года.	Въ церковн. сторожкѣ, неудобной.	30	—	30	—	—	—	—	—	2	—	—	46	20	Поручикъ И. М. Самороховъ со времени открытія школы
153	Въ с. Верхнемъ-Бишкнѣ, 28 октября 1894 года.	Въ церковной сторожкѣ, неудобной.	33	8	41	—	—	—	5	—	1	—	—	225	25	—

Кто и съ какого времени за- вѣдуетъ школою и обучаетъ въ ней и какой имѣеть образовательный цензъ?	Сколько и отъ кого посту- пило на содержаніе школы.						Сколько и отъ кого поступи- ло въ позна- гражденіе уча- щима?	Число жите- лей въ при- ходѣ обоого пола.				
	Отъ Епарх. Училищнаго Совѣта.	Отъ уѣзднаго отдѣленія.	Отъ церкви.	Отъ церковно-приход. попечительства.	Отъ попечителя школы.	Отъ сельского общества.		Отъ частныхъ жертвовател.	Плата за обученіе.	Сколько израсходовано на содер- жаніе школы въ 1895/96 учебномъ г. и сколько состоитъ въ остаткѣ въ 1896/97 учебномъ году.	Православныхъ.	Раскольниковъ.
Завѣдующій и законоучитель священникъ Федоръ Ковалевскій, окончившій курсъ духовной семинаріи, со времени открытія школы; учитель диаконъ Михаилъ Павловъ, не окончившій курса духовнаго училища, съ 8 февраля 1895 года.	—	—	15	—	—	25	—	40 р., въ остаткѣ нѣтъ.	—	2241	—	—
Завѣдующій и законоучит. священникъ Василій Насѣдншъ, окончившій курсъ Духовной Семинаріи, со времени открытія школы; и. д. учителя псаломщикъ Федоръ Федоровскій, изъ 2 класса духовнаго училища, съ 9 декабря 1895 года.	—	—	—	—	—	—	Завѣду ющ.	50	50 р., въ остаткѣ нѣтъ.	—	2572	—
Завѣдующій и законоучитель священникъ Василій Збукаревъ, окончившій курсъ духовной семинаріи, со времени откр. школ.; учитель диаконъ Григорій Бесѣда, окончившій курсъ въ 4 клас. гор. уч., съ 1895 года.	—	—	—	27	—	—	—	27 р., въ остаткѣ нѣтъ.	—	3162	—	—
Завѣдующій и законоучитель священникъ Василій Николаевскій, окончилъ курсъ духовной семинаріи, со времени открытія школы; учитель диаконъ Андрей Лѣсовиковъ, окончилъ курсъ въ 2 классномъ городскомъ училищѣ, съ 1895 года.	—	—	—	—	—	—	4 р. 88 к.	4	8 р. 88 к., въ остаткѣ нѣтъ.	—	2844	—
Завѣдующій и законоучитель протоіерей Василій Тарановскій, окончившій курсъ духовной семинаріи; учительница Анна Крутьева, окончила курсъ епархіальнаго женскаго училища; оба со времени открытія школы.	—	—	120	—	—	120	—	15	255 р., въ остаткѣ нѣтъ.	Учительницѣ отъ церкви 120 руб., отъ общества 120 р.; всего 140 руб.	3616	7
Завѣдующій и законоучитель свящ. Іоаннъ Хижинковъ, оконч. кур. въ духов. семинар., со врем. откр. школ.; учит. Петръ Бѣлобровъ, оконч. кур. въ 2 клас. городскомъ училищѣ, съ января 1896 года.	—	—	—	—	—	120	—	—	120 р., въ остаткѣ нѣтъ.	Учительницѣ отъ общества 120 р.	3017	—
Завѣдующій, законоучитель и учитель священникъ Федоръ Николаевскій, окончившій курсъ духовной семинаріи, со времени открытія школы.	—	—	—	—	—	—	35 р. 13 к.	—	13 р. 15 к., въ остаткѣ 21 98 кол.	—	551	1
Завѣдующій свящ. Михаилъ Котляровъ, оконч. кур. дух. сем.; законоуч. диак. Акимъ Роговскій, изъ сред. отд. семинар.; учит. Анна Котлярова, оконч. кур. епарх. жен. учил.; всѣ со врем. откр. школы.	—	—	—	—	—	120	—	—	120 р., въ остаткѣ нѣтъ.	Учительницѣ отъ общества 120 р.	4000	—

№ по порядку.	Мѣстонахождение школы и время ея открытія.	Въ чемъ зданіи помѣщается школа и на сколько оно удобно для школьныхъ занятій.	Число учащихся въ школѣ.				Число оконченныхъ курсъ.		Число учащихся, участвовавшихъ въ церковномъ хорѣ.		Число книгъ учебниковъ и пособій.		Кто и съ какого времени состоитъ попечителемъ или попечительницею школы?			
			Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Въ томъ числѣ.		Мальчиковъ.	Безъ свѣд. на льготу.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.				
					Православнаго исповѣдан.	Католическаго.								Другаго исповѣдан.		
															Съ свѣд. на льготу.	Безъ свѣд. на льготу.
154	Въ с. Волоховомъ Яру, 7 октября 1894 года.	Въ собственномъ домѣ, удобномъ.	45	5	50	—	—	4	—	—	—	—	—	—	—	—
155	Въ с. Гуляй-полѣ, 26 октября 1886 года.	Въ общественномъ зданіи, неудобномъ.	25	18	43	—	—	4	—	3	25	—	86	15	—	—
156	Въ с. Гомольштѣ, 29 октября 1887 года.	Въ церковной сторожкѣ, неудобной.	20	10	30	—	—	3	—	1	3	—	150	—	—	—
157	Въ с. Гинѣвѣ, 28 сентября 1894 года.	Въ церковной сторожкѣ, удобной.	59	11	70	—	—	—	—	—	5	3	140	100	Купецъ П. Александровъ съ 15 октября 1895 г.	
158	Въ с. Граковомъ, 23 октября 1894 года.	Въ церковной сторожкѣ, неудобной.	11	—	11	—	—	—	—	—	4	—	89	—	—	—
159	Въ с. Замостьѣ, 1 ноября 1881 года.	Въ церковной сторожкѣ, неудобной.	22	9	31	—	—	2	—	2	4	6	85	—	—	—
160	Въ г. Зміевѣ при соборѣ, 21 сентября 1893 года.	Въ церковной сторожкѣ, удобной.	50	—	50	—	—	9	1	—	12	—	277	100	—	—
161	Въ с. Звѣдкахъ, 9 октября 1894 года.	Въ собственномъ домѣ, удобномъ.	8	37	45	—	—	—	—	—	2	2	16	65	Землевлдница дворянка Е. И. Ласковская, со времени открытія школы	

Кто и съ какого времени заведуетъ школою и обучаетъ въ ней и какой имѣеть образовательный цѣль?	Сколько и отъ кого поступило на содержаніе школы.							Сколько и отъ кого поступило въ вознагражденіе учащимъ?	Число жителей въ приходѣ обоего пола.			
	Отъ Епарх. Училища Собора.	Отъ уѣзднаго отдѣленія.	Отъ церкви.	Отъ церковно-приход. попечительства.	Отъ попечителя школы.	Отъ сельскаго общества.	Отъ частныхъ жертвователей.		Плата за обученіе.	Православныхъ.	Раскольниковъ.	Иновѣрцевъ.
Завѣдующій и законоучитель протоіерей Іоаннъ Чудновскій, окончившій курсъ духовной семинаріи; учитель диаконъ Іаковъ Насѣдкинъ, изъ 5 класса гимназій; оба со времени открытія школы.	—	—	11 р. 25 к.	—	—	—	11	22 р. 25 к., въ ост. нѣтъ.	—	3796	—	—
Завѣд., закон. и учитель священникъ Ѳеодоръ Сулима, окончившій курсъ духовной семинаріи, съ 1891 года.	—	—	60	35	—	—	70	165 р., въ ост. нѣтъ.	Учителю отъ общества 70 руб.	2085	—	—
Завѣдующій, законоучитель священникъ Матрофанъ Крутьевъ, окончившій курсъ духовной семинаріи, съ 1895 года; учительница Наталья Крутьева, изъ 5 класса епархіальнаго женскаго училища, съ 1890 года.	—	25	60	—	—	—	12 р. 40 к.	97 р. 40 к., въ ост. нѣтъ.	Учительниц. отъ церкви 60 р. и отдѣл. 25 руб.	2670	—	—
Завѣдующій и законоучитель священникъ Николай Трояновъ, изъ 2 класса духовнаго училища, со времени открытія школы; учитель Александръ Кобелянскій, изъ 2 класса духовной семинаріи, съ 1 января 1895 года.	—	—	94 р. 55 к.	—	—	60	110	259 р. 55, въ ост. 5 руб.	Учителю отъ ц. 60 р., общества 60 р., причта 80 р., всего 200 р.	8043	1	—
Завѣдующій и законоучит. священникъ Іларіонъ Жуковъ, окончилъ курсъ Духовной Семинаріи; учитель диаконъ Митрофанъ Архангельскій, изъ сред. отд. семинаріи; оба со времени открытія школы.	—	—	50	—	—	—	—	6 р. 80 к., въ ост. 48 р. 20 коп.	—	2566	46	—
Завѣдующій и законоучит. священникъ Платонъ Цивоваровъ, окончившій курсъ духовной семинаріи, съ 1894 года; учитель диаконъ Іаковъ Мартыновъ, изъ 3 класса духовной семинаріи, съ 9 декабря 1895 года.	—	—	60	—	—	—	—	11 р. 85, въ ост. 48 р. 15 коп.	—	2942	—	—
Завѣдующій протоіерей Іоаннъ Рудницкій, законоучитель священникъ Петръ Мухинъ, окончившіе курсъ духовной семинаріи, со времени открытія школы; учитель Николай Дейнеховскій, изъ 1 клас. духовной семинаріи, съ 11 сентяб. 1895 года.	—	—	860	—	—	—	—	360 р., въ ост. нѣтъ.	Учителю отъ ц. 360 руб.	3497	—	7
Завѣдующій и законоучит. священникъ Петръ Тимофеевъ, оконч. курсъ духов. семинаріи, со врем. открытія школы; учительница Наталья Яновская, окончила курсъ епархіальнаго женскаго училищ., съ февраля 1895 года.	—	—	—	—	195	60	—	256 р., въ ост. нѣтъ.	Учительниц. отъ попечител. 120 р. и попечителн. 60 руб.	2699	—	—

№ по порядку.	Мѣстонахождение школы и время ея открытія.	Въ чемъ зданіи помѣщается школа и на сколько оно удобно для школьныхъ занятій.	Число учащихся въ школѣ.					Число оцоненныхъ курсъ.		Число учащихся, участвовавшихъ въ церковномъ хорѣ.	Число книгъ школьной библіотеки.	Кто и съ какого времени состоитъ попечителемъ или помощителемъ школы?			
			Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Въ томъ числѣ.			Мальч. чинковъ.	Дѣвочекъ.						
					Православнаго исповѣдан.	Католическаго.	Лютеранскаго.								
162	Въ с. Зарожномъ, 20 сентября 1895 года.	Въ церкви. сторожкѣ, удобной.	11	4	15	—	—	—	—	1	2	84	20	—	
163	Въ с. Мочетнѣ, 24 октября 1884 года.	Въ наемной квартирѣ, удобной.	52	21	73	—	—	10	—	4	8	4	157	30	—
164	Въ с. Константиновкѣ, 8 сентября 1887 года.	Въ собственномъ домѣ, удобномъ.	36	—	36	—	—	3	2	—	8	—	205	8	—
165	Въ с. Коробочинномъ, 1 сентября 1887 года.	Въ наемн. квартирѣ, неудобной.	40	25	65	—	—	7	—	1	10	—	187	4	Купецъ М. Н. Саввинскій, съ 1893 г.
166	Въ с. Наменной Яругѣ, 4 сентября 1894 года.	Въ общественномъ домѣ, удобномъ.	41	9	50	—	—	—	—	—	13	2	170	67	Купецъ С. В. Акменко со времени открытія школы.
167	Въ с. Лозовенькѣ, 16 января 1895 года.	Въ собственномъ домѣ, удобномъ.	20	1	21	—	—	3	—	—	—	—	53	10	Крестьянинъ Л. Г. Стремоуховъ, со времени открытія школы.
168	Въ с. Лѣтнискѣ, 1 октября 1895 года.	Въ церковной сторожкѣ, удобной.	15	—	15	—	—	—	—	—	5	—	152	45	—

Кто и съ какого времени за- вѣдуетъ школою и обучаетъ въ ней и какой имѣетъ образовательный цензъ?	Сколько и отъ кого посту- пило на содержаніе школы.						Сколько и отъ кого поступи- ло въ возна- гражденіе уча- щимъ?	Умно жите- лей въ при- ходѣ обоюго пола.				
	Отъ Епарх. Училищаго Совета.	Отъ уѣзднаго отдѣленія.	Отъ церквей.	Отъ церковно-приход. попечительства.	Отъ попечителя школы.	Отъ селскаго общества.		Отъ частныхъ жертвователей.	Плата за обученіе.	Сколько израсходовано на содер- жаніе школы въ 1895/96 учебномъ г. и сколько состоитъ въ остаткѣ къ 1896/97 учебномъ году.	Православныхъ.	Раскольниковъ.
Завѣдующій священникъ Алек- сандръ Василевскій, окончившій курсъ духовной семинаріи; законо- учитель діаконъ Іосифъ Фаворовъ, изъ 2 класса духовнаго училища; учитель псаломщикъ Павелъ Че- бановъ, окончившій курсъ духов- наго училища; всѣ со времени открытія школы.			18					18 р., въ остаткѣ нѣтъ.	—	8676	162	—
Завѣдующій, законоучитель и учитель протоіерей Алексѣй Иллари- оновъ, окончившій курсъ духов- ной семинаріи, со времени откры- тія школы.					29 р. 12 к.	150		179 р. 12 к. въ остат- кѣ нѣтъ.	—	1354	10	2
Завѣдующій и законоучит. свя- щенникъ Григорій Корнильевъ, изъ 2 класса духовной семинаріи, со времени открытія школы; учитель псаломщикъ Іоаннъ Бутковъ, изъ 1 класса духовнаго училища, съ 1889 года.					84			34 р., въ остаткѣ нѣтъ.	—	1498	—	—
Завѣдующій и законоучитель священникъ Петръ Дейнеховскій, окончившій курсъ духовной семи- наріи, съ 15 сентября 1893 года; учитель діаконъ Василій Семеновъ, окончившій курсъ город. училища, съ 1890 года.			34 р. 33 к.					34 р. 33 к., въ остат- кѣ нѣтъ.	—	2796	48	—
Завѣдующій и законоучит. свя- щен. Николай Найдовскій, окон- чившій курсъ духовнаго училища; учительница Неонила Найдовская окончила курсъ епархіальн. жен- скаго училища; оба со времени открытія школы.					800			800 р., въ остаткѣ нѣтъ.	Учительницѣ отъ общества 250 руб.	2828	8	—
Завѣдующій и законоучит. свя- щенникъ Евфимій Пономаревъ, окончившій курсъ духовной семи- наріи; учитель псаломщикъ Кон- стоятинъ Мураховскій, не окон- чившій курса духовнаго учи- лища; оба со времени откры- тія школы.					1697			1697 р., въ остаткѣ нѣтъ.	Учителю отъ общества 100 р.	4804	—	—
Завѣдующій и законоучитель свя- щенникъ Николай Дзюбановъ, окон- чившій курсъ духовной семинаріи; учитель діаконъ Алексѣй Песто- ровъ, не окончившій курса духов- наго училища; оба со времени от- крытія школы.			80					81 р., въ остаткѣ нѣтъ.	—	3997	—	—

№ по порядку.	Мѣстонахождение школы и время ея открытія.	Въ чемъ зданіи помѣщается школа и на сколько оно удобно для школьныхъ занятій.	Число учащихся въ школѣ.				Число окончившихъ курсъ.			Учебниковъ и пособій. Книгъ для выѣзасн. чтен. библиотек.	Кто и съ какого времени состоитъ попечителемъ или попечительницею школы?			
			Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Въ томъ числѣ.		Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Учебниковъ.					
					Царво-славнаго исповѣдан.	Католическаго.						Дѣвочекъ.	Дѣвочекъ.	
169	Въ с. Лагерѣ, 18 октября 1894 года.	Въ церкви. сторожка, удобной.	85	4	89	—	—	2	—	4	2	—	—	Крестьянинъ Д. Чумаченко, со времени открытія школы.
170	Въ с. Лиманѣ, при Архангело-Михайловской церкви, 25 сентября 1894 года.	Въ церковной сторожке, неудобной.	18	—	18	—	—	—	—	3	—	94	51	—
171	Въ с. Лиманѣ, при Кресто-Воздвиженской церкви, 18 октября 1894 года.	Въ церкви. сторожка, неудобной.	10	—	10	—	—	—	—	—	—	60	10	—
172	Въ с. Лябяземъ, 20 сентября 1894 года.	Въ церковной сторожке, удобной.	—	10	10	—	—	—	—	—	—	70	25	—
178	Въ с. Мосьпановомъ, 5 декабря 1886 года.	Въ собственномъ зданіи, удобномъ.	35	1	36	—	—	5	—	—	—	285	30	—
174	Въ с. Михайловнѣ, 1 сентября 1894 года.	Въ собственномъ домѣ, удобномъ.	40	5	45	—	—	—	—	—	—	153	47	Земскій начальникъ И. Свѣтухинъ, со врем. отк. школы.
175	Въ с. Малиновой, 12 октября 1894 года.	Въ наемной квартирѣ, неудобной.	27	3	30	—	—	—	—	5	—	148	—	—
176	Въ с. Нижней Орели, при Казанской церкви, 8 октября 1894 года.	Въ церковной сторожке, удобной.	12	—	12	—	—	—	—	—	—	60	20	Крестьянинъ А. Зерпій, со времени открытія школы.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за все истекшіе годы въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Какъ всего проще и удобнѣе научиться вѣровать“? Собесѣдованія прот. А. Хойнацкаго.—„Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. И. Корсунскаго.—„Религіозно-правственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Библиографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова.—Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія каволической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова.—„Церковно-религіозное состояніе Запада и вселенская Церковь“. Свящ. Т. Буткевича.—„Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Язычество и іудейство ко времени земной жизни Господа нашего Иисуса Христа.“ Свящ. Т. Буткевича.—Статьи „о штундистахъ“. А. Шугаевскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами“? В. Ковалевскаго.—„Основныя задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова.—„О славянскомъ языкѣ въ церковномъ богослуженіи“. А. Струнникова.—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ современной умственной жизни“. А. Вѣляева.—„Очерки русской церковной и общественной жизни“. А. Рождествина.—„О церковныхъ плодопріиженіяхъ“. Н. Протополова.—„Вторая книга „Исходъ“ въ переводѣ и съ объясненіями“. Проф. П. Горскаго—Платонова.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова.—„О покоѣ воскреснаго дня“. Дюпента А. Вѣляева.—„Мысли о воспитаніи въ духѣ православія и народности“. Шестакова.—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„Ученіе Стефана Яворскаго и Теофана Прокоповича о свящ. Преданіи“ М. Савкевича.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Отношеніе раскола въ государству“. С. Г. С.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Замѣтки о церковной жизни за-границей“. А. К.—„Сущность христіанской правдивности въ отличіи ея отъ моральной философіи графа Л. Н. Толстого“. Свящ. І. Филевскаго.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Ученіе Канта о Церкви“. А. Кириловича.—„Православленъ-ли intercomunion, предлагаемый намъ старокатоликами“. Прот. Е. К. Смирнова.—„Разборъ протестантскаго ученія о крещеніи дѣтей—съ догматической точки зрѣнія“. Прот. А. Мартынова и проч.

Въ философскомъ отдѣлѣ журнала помѣщены статьи профессоровъ Академіи и Университета: А. Введенскаго, А. Зеленогорскаго, В. Кудрявцева, П. Липицкаго, М. Остроумова, В. Снегирева, П. Соколова и другихъ. А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жане и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на не полученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на не полученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

~~Редакція~~ Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Въ редакціи принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи,
Протоіерей Іоаннъ Знаменскій.